

СМЕНА

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1981

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит
как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Федор ТЮТЧЕВ

АДАПТАЦИЯ ПРИБЫШЕНИЕ ЛИЧНОС

Андрей ФАРУТИН,
корреспондент газеты
«Комсомолец»,
Петрозаводск

Однажды на страницах нашей молодежной газеты я уже писал об этой печальной истории. Но ее дальнейшее развитие и, к сожалению, вполне логичное завершение снова заставляют меня взяться за перо, чтобы рассказать о полузабытом конфликте, который произошел больше года назад между начинающим свою трудовую биографию подростком и администрацией Ляскельского целлюлозно-бумажного завода. Тем более, что и сам конфликт несколько не утратил присущей ему тогда актуальности и типичности. И у многих новичков, сегодня приходящих на производство со школьной скамьи, есть не меньшие основания разделять обиду Саша Каткина за невнимательное отношение к себе в рабочем коллективе.

Для меня эта история началась с письма, присланного в редакцию Сашинью матерью Н. И. Каткиной.

«Обращаюсь к вам за помощью,— писала Нина Ивановна.— Мой сын Саша, выпускник Ляскельской средней школы, получил в школе права тракториста-машиниста третьего класса. Он хотел устроиться работать трактористом на Ляскельский ЦБЗ. Но так как сын еще несовершеннолетний, ему предложили поработать учеником слесаря в бумажном цехе № 1. Дома Саша мог часами возбужденно рассказывать о работе с наставником, о том, что доверяют делать ему. Но однажды пришел на обед угрюмый. Я спросила: «Что случилось?» Отвечает: «Ничего особенного— меня послали на месяц работать к топографам, не знаю, чем я провинился». Занят там он был полный рабочий день, нужно было лазать по деревьям— верхушки срубать, таскать на носилках монолиты тяжелые. Пробыл он у топографов три дня, потом на работу выходить отказался. Пошел в отдел кадров просить о переводе в гараж. Ему пообещали, что переведут в ноябре, но пока пусть работает у топографов. Саша не согласился. Теперь вот третий день сидит дома, ни с кем не разговаривает. И в цех не идет, раз, говорит, не нужен там».

Проверить изложенные в письме факты было поручено мне. Для этого мне пришлось встретиться с людьми, либо имеющими непосредственное отношение к случившейся истории с трудоустройством подростка, только что окончившего десятилетку, либо по долгу службы стоящими на страже трудового законодательства. Они высказывали разные, иногда противоречивые мнения. Но в столкновении их мнений достаточно полно проявилась суть конфликта: в чем был прав и не прав Саша Каткин.

Первым моим собеседником оказалась начальница отдела кадров Ляс-

кельского ЦБЗ Л. И. Каширина. Я надеялся встретить в ней человека деликатного, понимающего трепетное состояние впервые пришедшего в цех новичка. Ведь именно от нее в немалой степени зависело, приживется ли подросток на предприятии, полюбит ли свою профессию, станет ли настоящим рабочим. Но безапелляционный тон уверенного только в своей правоте начальника сразу развеял мои маниловские настроения.

— Вообще не следовало брать этого Каткина на завод,— огоршила меня Л. И. Каширина и, развивая свою точку зрения, продолжила:— План по набору подростков у нас был уже выполнен. Его мы сверх плана взяли, пожалели. А он еще жалуется. Прежде всего нужно в поведении его самого разобраться. Ведь что он себе позволяет? Без году неделя на предприятии, а уже свои порядки заводит. Своевольничает. Если ты не

согласен с решением администрации, то поступай как положено. Приди в завод, предъяви свои претензии, объясни свою позицию. Может быть, нашли бы замену. А Каткин по собственному желанию, никому ничего не сказав, работу бросил. Три дня прогулял. Ни в цехе, ни в топографической партии, куда его отправили по производственной необходимости, не появлялся. Так из него настоящего рабочего никогда не получится. Он, видите ли, не захотел работать с топографами. Его перевели официально, приказом по заводу на срок с 3 октября по 2 ноября. А он и дня не отработал—сбежал. Побоялся, что руки отвалятся. Нет, верить такому лентяю нельзя.

Выслушав монолог Л. И. Кашириной, я, честно говоря, посочувствовал Саше Каткину. А поставив себя на его место, понял, что сам в его возрасте сбежал бы от такого горячего приема «куда глаза глядят... Стоп! Но может быть, права начальник отдела кадров. И Саша действительно лентяй, отлынивающий от работы, белоручка, боящийся трудностей. Об этом я спросил начальника топографической партии отдела инженерно-строительных изысканий «Карелгражданпроекта» Н. В. Сорокина. Вот что он ответил:

— Вообще-то лентяем Сашу не назовешь. Он скорее в силу своего характера медлителен. Спокойно, без споров и пререканий он отработал в нашей партии три дня (с третьего по пятое октября). Но больше не появлялся. Причину его ухода мне понять трудно. Разумеется, работа у нас «не сахар», но и не слишком тяжелая, вполне по силам подростку. Тем более что все три дня Саша трудился в паре с геодезистом С. Ю. Крупянским, который и выполнял всю основную работу. Что делали? Рубили просеки, чтобы обеспечить видимость для прокладки топографических

УПРЯМЫЙ И

точек. Конечно, до верхушек и толстых деревьев дело не доходило. Рубили кустарник, тонкомер. Еще устраивали подкальные центры, вбивали в них штыри. А вот о монолитах, о которых пишет Н. И. Каткина, у меня в журнале по выполненным работам ничего не записано... Сашу, оказывается, не устраивало, что мы работали по восемь часов. Но я не припомню, чтобы он возражал. У меня ведь был с ним предварительный разговор. Я предложил ему работать наравне со всеми. Сказал, разумеется, что с оплатой не обидим. Он промолчал, согласился вроде. Я, конечно, знал, что парень несовершеннолетний и по существующему законодательству рабочий день у него сокращен. И не имел права силой его задерживать, если бы, отработав свои семь часов, он уходил домой. Такие случаи у нас бывали. Но Саша не настаивал, мне показалось, что мы договорились. Например, его ровесник Прохоров на тех же условиях до конца с нами работал. Не жаловался. И заработал прилично. Да и Каткину за три дня начислено почти 20 рублей. Не сравнить с заработком ученика на производстве.

В самом деле, не сравнишь. Только можно ли оплатить денежными знаками болезненное чувство обиды, которое не оставляло подростка, в приказном порядке оторванного от полюбившейся работы, от товарищей по цеху, к которым он успел уже немного притереться? Он-то, Саша Каткин, воспринял перевод его на другую работу только как наказание за какую-то провинность. А в топографической партии, словно в подтверждение этой догадки, взрослые дяди сразу несправедливо урезали его законное право на сокращенный рабочий день. Что толку было спорить с ними— у них ведь свои законы. Да и где им понять такую

маленькую обиду незнакомого парня, временно присланного им на помощь с предприятия? Пусть со своими кадрами разбирается администрация завода...

Мнение администрации по поводу этого конфликта выразил по моей просьбе директор Ляскельского ЦБЗ А. В. Баркалов:

— Я лично не согласен с тем, что Каткина не следовало принимать на завод. Парень он местный. Таких ребят после десятилетки надо брать независимо от того, выполнен план или нет. Ведь молодежи к нам не так много приходит. Однако, принимая новичка в рабочий коллектив, нужно помнить, что

МНЕ ЗДОРОВО ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ...

Материалы «Бригада как образ жизни» («Смена» № 5, 1980 г.) вызвали у меня желание рассказать о своей бригаде. Она у нас небольшая. Работаем вместе уже пять лет. Работа у грузчиков, сами понимаете, какая— легкой ее не назовешь, но мы не жалуемся. В-первых, не каждому быть инженером, нужны и грузчики, без них на производстве тоже никуда. А во-вторых, я, к примеру, лично, не уважаю работу, когда надо только пальцем указывать. Мне по душе та, где надо собственные руки и силу приложить.

Сейчас наша бригада работает на единый наряд. Она у нас и раньше была крепкой, а теперь мы еще ближе стали друг к другу. Все у нас сейчас вместе. И если раньше порой случалось тратить время и нервы на споры, доказательства, а то и уговоры, то теперь мы силы на это почти не расходуем. Не только

Формирование социально активной личности, глубоко сознающей свою ответственность перед обществом, немислимо вне трудового коллектива.

Из Отчетного доклада ЦК ВЛКСМ
XVIII съезду комсомола

ТИ К ПРОИЗВОДСТВУ

Первые шаги на заводе, на стройке, в мастерской... Как важно, чтобы сложилась каждая рабочая судьба! Комсомол накопил немало форм и методов работы с новичками. Это и учеба у наставника, и вхождение в жизнь комсомольско-молодежного коллектива, и посвящение в рабочие, и участие в конкурсе профессионального мастерства, и ударный безвозмездный труд на важнейшем объекте... Мы знаем огромное множество примеров состоявшихся трудовых биографий вчерашнего школьника, выпускника ПТУ, демобилизованного воина, представителя рабочей династии. И, однако, текучесть молодых рабочих кадров на предприятиях, стройках, в бытовом обслуживании велика. Особенно если стаж новичка — до одного года. О целом ряде причин этого тревожного явления говорится в предлагаемых читателю материалах. Пока же выскажем мнение, что нужны комплексные программы работы с новичком, которые бы охватывали широкий круг вопросов — тех, о которых говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии: «...и воспитание трудовое, и воспитание нравственное, и воспитание идейно-политическое».

Адаптация, по словарям, приспособление, приобщение к своему месту — в нашем случае к своей рабочей должности. А если так, то нас интересует и молодой специалист и начинающий бригадир, об исключительной роли которого в производственной жизни «Смена» недавно писала (№№ 12, 14). Таким образом, тема нашей сегодняшней подборки — НАЧИНАЮЩИЕ. Мы приглашаем читателей написать нам о том, как они понимают эту проблему.

ОВИЧОК

к нему требуются особое внимание, чуткость. С каждым новичком индивидуально нужно организовать серьезную воспитательную работу, больше влиять на его действия убеждением, чем принуждением. Я думаю, если бы Сашу удалось убедить в правильности решения администрации, сейчас бы не пришлось говорить о конфликте. Посудите сами, кого-то мы должны были обязательно отправить на помощь топографам. Кого выгоднее для производства на месяц оторвать от работы на предприятии: человека с высоким разрядом или невалифицированного рабочего? Конечно, последнего. Значит, с позиции администрации решение о временном

план даем с уверенностью, но и поняли, что есть все возможности взять повышенные сообразительности. И уверенны — сделаем.

В бригаде у нас все равны. И сам я работаю наравне со всеми, считаю, что как-либо подчеркивать, выделять свое положение бригадира не нужно. А вот обязывает положение бригадира ко многому — приходится работать над собой, чтобы все знать и уметь не хуже любого другого члена бригады.

Считаю, что мне здорово повезло в жизни: я встретился, работаю, живу вместе с людьми, которые меня понимают и относятся ко мне с тем уважением, с каким я отношусь к ним. Было у меня трудное время в жизни, и первыми, кто пришел мне на помощь, были ребята из бригады. Вот почему каждый день я иду на работу с хорошим настроением. Вот почему наша нелегкая работа для нас не в тягость — в радость.

О. ТИМАШЕВ,
бригадир грузчиков
производственного объединения
«Экран», Куйбышев

перевод Каткина в топографическую партию было вполне обоснованным. Кстати, эта партия ведет изыскания в интересах нашего завода: с целью расширения и реконструкции предприятия. Другое дело, можно доказать, что производимые ею работы не являются именно производственной необходимостью. Однако не менее важно понять и поведение Саши. Я тоже когда-то был молодым рабочим. Могу представить себе чувства парнишки, только что пришедшего на завод. И то, как он радуется первым производственным успехам, и то, как болезненно воспринимает, например, поручения по уборке территории, перемещения его с места на место. Состояние новичка можно сравнить с жаждой. Он как бы торопится напиться из чистого источника. И нужно не замутить воду, не оттолкнуть паренька от завода равнодушным отношением или начальственным окриком. Так можно легко обидеть человека. Вот и Саша, видимо, посчитал, что его наказали переводом на другую работу, ущемили его права. Пытаясь их защитить и не зная, как это сделать, он сам поступил неправомерно. Ведь самовольный уход с работы — вовсе не способ защиты. Это — просто нарушение трудовой дисциплины. Отстаивая права, молодой рабочий почему-то совершенно забыл о своих обязанностях. С ребятами, приходящими на производство со школьной скамьи, такое случается нередко. Они словно не понимают, что многое им дается авансом, который еще нужно отработать.

Хорошо сказано! Да только не вовремя. Ведь все это нужно было говорить не мне, а Саше. И не после случившегося, а до того, как назрела конфликтная ситуация. Правда, директору, руководителю большого производства, недосуг бывает беседовать с каждым подростком. Чьим же еще

делом, как не делом комсомольской организации, должна стать воспитательная работа с новичками? В случае с Сашей Каткиным комсомольцы Лясельского ЦБЗ ответа на этот вопрос дать не смогли. Лозунг «Дойти до каждого» не стал для них руководством к действию. С кем бы я ни говорил тогда по поводу этого конфликта, о комсомоле никто даже словом не вспомнил. Это ли не оценка заботы комсомольской организации о молодых рабочих предприятия?

Так, предоставленный самому себе, оторванный от коллектива, не зная даже, у кого спросить совета, Саша Каткин стал нарушителем трудовой дисциплины. Да, он тоже поступил неправильно. Но во всем ли была права администрация завода?

Юридическую сторону случившегося комментирует заведующий отделом охраны труда Карельского областного

или несколько
мнений по поводу
одного конфликта
в рабочем
коллективе

совета профсоюзов А. Н. Мезенцев:

— Статья 26 КЗоТа РСФСР предусматривает, что в случае производственной необходимости для предприятия администрация имеет право перевести работника на срок до одного месяца на не обусловленную трудовым договором работу на том же предприятии либо на другом предприятии, но в той же местности с оплатой по выполняемой работе, но не ниже среднего заработка по прежней работе. В обсуждаемом случае топографическая партия производила работы действительно в интересах Лясельского ЦБЗ, но производственной необходимостью для предприятия их вряд ли можно назвать. Поэтому здесь следовало принимать во внимание твердое согласие работника на перевод. Руководство же топографической партии должно было позаботиться об обеспечении прав подростка, а не уговаривать его нарушать их. Это совершенно недопустимо. Есть еще этическая сторона. По трудовому соглашению с администрацией Каткин принят на завод учеником слесаря. И прежде чем отрывать его от воспитательного воздействия рабочего коллектива, ему нужно было дать время акклиматизироваться в нем, обучить навыкам профессии, присвоить рабочий разряд... Но я не оправдываю и ответные действия подростка. Пришел на производство — уважай существующие требования, не нарушай трудовую дисциплину, а если с чем-то не согласен — наберись мужества сказать, а не совершай непродуманный поступок.

Конечно, теперь легко говорить о том, как должен или не должен был поступить Саша. Разумеется, ему следовало обжаловать решение администрации в завком. Но имел ли хоть какое-то представление об этом он сам, вчерашний школьник, только-только вступивший в трудовую жизнь? Никто в цехе не возразил против его

перевода, он сам не осмелился возражать старшим товарищам ни в отделе кадров, ни в топографической партии. Его самовольный уход с работы, который он по неопытности посчитал единственным выходом из создавшегося положения, фактически отразил именно недостаток внимания и чуткости к новичку в коллективе.

В подтверждение такого вывода мне хотелось бы привести рассказ самого Александра Каткина о случившемся:

— На заводе мне работа приглянулась не сразу. Я хотел быть трактористом. Права мне выдали еще в школе после успешной сдачи экзамена по курсу производственного обучения. Из выпускных классов сдали на права только семь человек, остальным выдали удостоверения механизаторов. Некоторые мои ровесники уже сейчас работают трактористами в совхозе. А мне на ЦБЗ сказали, что пока нельзя, иди в цех учеником слесаря. Пошел учеником, но в первый же день не в цехе пришлось начинать работу, а рядом — мусор из канав выгрывать... Потом привыкать начал, осваиваться. Наставника мне дали — В. Белоголова. Механик Е. И. Михайлов советом помогал. Но тут начались регулярные выезды в совхоз на уборку турнепса. Профессии учиться некогда было. Понимаю, что помочь совхозу нужно, конечно. Я и не отказывался. И ездили мы туда не поодиночке. Так что одно дело — совхоз. Партия эта топографическая — совсем другое. Не хотел я туда уходить из цеха. Пришлось поневоле. Действительно, подумал еще, что отделаться от меня хотят. Потому и не вышел в цех на работу, когда решил оставить партию. Лишь дня три спустя, когда уже остыл немного, сестра старшая надоумила вернуться. Почему от топографов ушел? Самому трудно объяснить. Работа у них показалась слишком тяжелой. С непривычки, что ли? Налазаясь за день по деревьям, домой придешь — все тело ломит. Монолиты тоже переносить приходилось, но это так, походя. На продление рабочего дня я согласия не давал. Начальник предлагал, я промолчал. Как-то неудобно было возражать ему.

Так вот и попал Саша Каткин в «упрямые новички». На заводе после того случая его удерживало только обещание администрации перевести его в гараж трактористом. А когда он узнал наконец, что на промышленных предприятиях не имеет права работать по этой специальности, пока ему не исполнится восемнадцать лет, Саша без сожаления оставил Лясельский ЦБЗ. Последнее время перед армией работал трактористом в совхозе «Харлу», а осенью прошлого года ушел служить.

Вот я и думаю теперь, будет ли когда-нибудь работать на Лясельском целлюлозно-бумажном заводе тракторист Александр Каткин? Стали ли для него первые дни трудовой биографии тем чистым источником, из которого торопится напиться каждый новичок?

А как по-вашему?

Ежегодно миллионы учащихся профтехучилищ страны проходят производственную практику. Открывают для себя новый огромный мир — мир созидательного труда, рабочего товарищества. Дневник одного из миллионов практикантов мы предлагаем вам сегодня.

Владимир РУДНЕВ,
учащийся СГПТУ-32,
Хабаровск

НАЧАЛО.

или хроника одной
производственной
практики

16 мая. Нашей группе самой предстояло выбрать, куда ехать на практику — в Якутию или другие районы Сибири. Все решилось на общем собрании: едем в Иркутск. Хотя спорили отчаянно. Кому хотелось ехать туда же, где были в прошлом году, других тянуло на новое место. А кому-то было все равно.

И вот мы в Иркутске. Прилетели рано утром, но уже очень скоро за нами пришел автобус. Ехали через весь город — получилась своеобразная экскурсия по городу, в котором нам предстояло прожить четыре месяца.

2 смена

18 мая. Живем в общежитии, ждем, когда можно будет выйти на объект. Нам предстоит участвовать в монтаже каркаса ангарных теплиц Мельниковского тепличного комплекса. Работа интересная, никому из нас ею раньше заниматься не приходилось.

Получили спецодежду, монтажные ремни, каски, инструмент. В общем, полная боевая готовность.

19 мая. Ранним утром едем на площадку. Всю дорогу шутки, смех. Но я чувствую, что за шутками мы пытаемся скрыть легкую тревогу и нетерпеливое ожидание: как-то нас встретит бригада монтажников? Сумеет ли справиться, не покажемся ли опытным рабочим совсем зелеными и неумельцами?

26 мая. Уже неделя, как мы работаем в бригаде монтажников. Наши опасения по поводу того, как нас здесь примут, быстро развеялись. Бригада большая, разделена на звенья по пять-шесть человек. Нас тоже разбили на звенья, и каждое звено возглавил кадровый монтажник. Без них было бы туго — мы ничего не знали толком: что, куда, для чего, зачем? Вначале мы побаивались, что вызовем раздражение своими бесконечными вопросами, тем, что отвлекаем людей от дела. Но ничего подобного не случилось. Любой монтажник терпеливо растолковывал нам что к чему, показывал свои, испытанные приемы работы. Благодаря им уже через несколько дней мы гораздо реже стали обращаться за помощью к старшим.

7 июня. Постепенно появляется сноровка в работе. Хотя большого удовлетворения пока нет: мало успеваем. Впрочем, это понятное состояние новичка в любом деле — получив первые навыки, он представляет, что уже может все. А в действительности-то получается еще не очень... Тут важно не опустить руки, не растеряться. Поэтому после каждой смены собираемся в бытовке и обсуждаем прошедший день, работу каждого. Кто где недотянул, кто в чем силен, чем может помочь товарищу. И так, кроме

помощи старших, у нас появилась взаимопомощь внутри группы...

16 июня. Вот здорово, когда все живит одними заботами и интересами! Все делается в удовольствие, а не по принуждению. Нет вопросов с дисциплиной: на работу нас ведут не тяжкая необходимость, не угрозы или понукания, а желание приняться за дело. Правда, все-таки бывают и накладочки, но с прогульщиками разбираемся всей группой. Но такое бывает очень редко. Актив у нас работает постоянно.

28 июня. Мы уже ознакомились почти со всеми видами работ на объекте, втянулись в ритм — и не так устаем. Половина из наших ребят работает на монтаже основных элементов каркаса, другие монтируют детали, которые будут нужны при эксплуатации теплиц.

Рабочие и бригадир относятся к нам хорошо. Ведь тут к человеку относятся так, как он относится к своей работе.

14 июля. Сегодня выезжали на Байкал... Ну, впечатление неопишное! Это надо видеть своими глазами... В управлении правильно подумали о том, что в перерывах между работой новичкам нужна разрядка, настоящий отдых. Ведь можно в выходной провалиться на постели в общежитии — тоже вроде отдых. А можно придумать что-то интересное, необычное. После такого дня — заряд энергии на всю неделю.

2 сентября. Идет уже отделка теплиц. Остались считанные дни до окончания работ и отъезда домой. И домой хочется и уезжать грустно. Мы подружались со многими ребятами из бригады. Бригадир говорит, что ему не хочется нас отпускать, а начальник управления предлагает приехать и на следующий год.

15 сентября. Сегодня улетаем. Прощаемся с общежитием, с городом, с наставниками, оставившими добрый след в душе каждого из нас. Фотографируемся на память со своими новыми друзьями, обмениваемся адресами...

СТЕЧЕ

Игорь СЕРКОВ

ОЧЕРК

Ехать надо было долго. Не читалось. А поговорить было не с кем. Как-то так вышло, что он, бригадир, жил в Чертанове, а всю его бригаду определили на житье в Бирюлево и Орехово. Неудобно, конечно. Вот и оставалось ему смотреть из окна трамвая на неотличимые городские нагромождения жилья, на стада будто заблудившихся на асфальтовых пятках, по-коровьи неповоротливых автобусов и троллейбусов. Думать. Еще и еще раз перемалывать про себя разговор с Листаровым...

— Поговорим? — Секретарь комитета комсомола цеха Сергей Листаров поднял и положил трубку зазвонившего телефона.

Михаил неопределенно дернул плечами.

— Выкладывай.

— Что?

— Да все. Что с тобой происходит? Как в бригаде дела? Разъехалась образцовая бригада Глушенкова, еле за другими поспевают.

— Я, выходит, виноват? — насупился Михаил.

— А ты подумай. Норму он выполняет! Что ты своей нормой всем нам демонстрируешь? Что, мы не знаем, как ты можешь работать? И потом, ты же теперь не просто формовщик — бригадир. В цехе, между прочим, всем так платят, как вам. Насчет формовщиков уже не раз говорили. Думают об этом. Видимо, скоро больше вам будут платить.

СЕГОДНЯ ОНИ В ЦЕХЕ ТОЛЬКО ГОСТИ. ЗАВТРА — ПОЛНОПРАВНЫЕ ЧЛЕНЫ РАБОЧЕЙ СЕМЬИ.

— Да не больше мне нужно! — не выдержал, вскочил Михаил. — Не больше, а справедливо! По работе! Всем! Каждому! Есть же разница?

— Предложи, как сделать правильно. Что ты забился в норму, как в нору? Считаешь, что неправильно, доказывай...

В отделе кадров ЗИЛа женщина, выдавшая ему направление в моторосборочный, удивленно подняла голову.

— Вы хотите в литейный? — переспросила она, смерив Михаила взглядом. Много времени на это не понадобилось — ростом и комплекцией он был из левобланговых. — А в моторном не понравилось?

— Да что-то не очень, — сказал Михаил. Признаться, что в моторосборочный он даже не зашел почему-то, а, покурив у входа, отправился искать литейный, где работала жена брата, он не решился.

— Ну что ж, пожалуйста, — кадровичка пожалала плечами. — Мы вообще многим в первую очередь литейный предлагаем.

— А они?

— По-разному. Некоторые сразу отказываются. Другие после первой экскурсии — так это на них действует. На вас не подействует?

— Нет, — засмеялся Михаил, — не подействует. Я же не с неба свалился.

Рос он в небольшом поселке под Калугой. Отец работал на стекольном, мать на ферме. Потом семья перебралась в совхоз под Малоярославцем.

Участок спецвидов литья (в неофициальных разговорах — участок поршневых колец) — цех в цехе, государство в государстве. Со своим земельным отделением, со своими печами, очисткой и обрубкой.

За два месяца Михаил побывал всюду. Ворочал лопатой внизу у очистных барабанов, дежурил у электропечей, мешал старые и свежие земли... Очень скоро он уже привык к ежедневному душу после смены, к столовой, где меню писалось мелом на черной школьной доске. И уже мог небрежно, как другие разливщики, вести за ручку ковш, в обмазанном глиной нутре которого тяжко колыхался желтовато-розовый чугун с пепельной пленочкой шлака.

И все эти дни первым его желанием было: стать здесь своим. Как можно быстрее. Ему тогда был двадцать один год.

Рядом работали удивительные люди. Мария Алексеевна Проппетина, старший мастер участка, трудилась в литейке уже пятый десяток лет. Она начинала, когда на месте цеха был пустырь с двумя озерами. Михаилу шел третий годик, а она уже могла уходить на пенсию. Но если в холодно-неприступной Проппетиной сразу чувствовалась сила незаурядная, откуда бралась она у маленькой, полной, смешливой Елены Архиповны Игнатовой? Той самой Игнатовой, что двадцать два года командовала плавильным отделением, командовала, хотя и была там единственной женщиной? Ее подруги, давно уже ушедшие на пенсию, только руками всплескивали при встрече: «Да тебя литейка молодит, что ли!»

Через два месяца Михаил впервые вышел на формовку...

и без запасных частей, уже прошедших необходимый курс «старения». И не только без них. В цехах уже наладилось работать, не думая о деталях для спецвидов.

Люди привычно жаловались на оборудование, привычно поругивали ремонтников, но... как бы понимая их. Формовщицы, особенно кто помоложе, к ремонтникам даже ходить не пытались. Не то что боялись, а так — что толку? Забарахлил станок, так не слесарей ищут, а Игнатову — она к тому времени ушла из плавильного, стала наладчицей, опекала всех новичков, и Михаила в том числе. И вот уже спешит по проходу раздумывавшаяся, сосредоточенно нахмуренная Елена Архиповна. Не идет — летит срамить ремонтников.

А те ее словно и ждали.

— Что, опять на вас жаловаться к Петракову иду? — Игнатова даже дух не успевает перевести.

— Ну вот, — огорчается самый молодой, Валера. — Сразу жаловаться. И что вы так жаловаться любите?

— Любите!.. — задыхается уже от возмущения Игнатова.

— Эх, — вздыхает, сокрушается Валера. — Что за жизнь! Вот вы на нас жалуетесь все время, а кто ваших «пенсионеров» все-таки ремонтирует? А? Тот же Валера, между прочим.

— Правильно. А ты мне вот что объясни: почему ты и другие, мальчишки еще передо мной, сначала мне обязательно нервы поможаете? Почему Таржанов Михаил Александрович сразу пойдет и сделает? Хотя по годам он мне ровесник.

— А если у нас просто запчастей нет? Нету, — разводит Валера руками.

— Тут я вас не виню.

— Во-от! — торжествует Валера. — Не на нас надо нервы тратить, если уж тратить. А добиваться, чтобы станки новые ставили, запчастями, как положено, обеспечивали.

...Месяца через два Михаил уже не просто справлялся с нормой, а, не выматываясь, мог выдать на пять — десять стопок больше положенных сорока. Никого это не удивило. Ребята тогда на формовке подобрались сильные, при случае, когда настроение было и ситуация подходящая складывалась, давали по семьдесят. А Михаил себе установил норму пятьдесят стопок за смену или чуть больше. Зато каждый день ниже не опускался. Хотя выкладываться для этого приходилось по-настоящему. Тем более что отвлекся минут на пятнадцать — считай, двести стопки потерял.

А отвлекаться приходилось. После всех историй с ремонтниками он для себя решил доводить дело до них только в крайнем случае. Вот почему первое время, когда слесари возились с его станком, не курил в сторонке, а был рядом. Запоминал что к чему. Через год он знал станок не хуже любого слесаря.

Это заметили. Девчонки-формовщицы шли за помощью прямо к нему. Сильные формовщицы, сами со многими способными справиться, подходили посоветоваться или предлагали: пошли вместе взглянем, может, сообразим что. А потом он уже не ждал, когда помощи попросят. Чуть у новичка остановился станок, Михаил уже летит, уже рядом, соображает, что на этот раз стряслось.

Это было хорошее время.

Таким его и запомнил Михаил — первый год работы в литейном. Вокруг работали сильные формовщицы, такие, как Шапранов Василий, Пантелеев Петр, Владимир Шапоров, им не уступали молодые Миша Седа-

кии и Юрий Староверов. Формовщицы определяли успехи бригады, и он был с ними на равных.

Он уже чувствовал свое право говорить от имени всего участка. О том, что в литейном деле легкого хлеба не бывает, так почему нам еще усугубляют трудности? Почему мы никак не можем наладить дело с ремонтом и запасными частями? Он говорил на собраниях, конференциях, планерках и совещаниях. Удивлял своей настойчивостью, неуступчивостью. Он боролся. Тогда и оценил где-то услышанную фразу: «Борьба — нормальное состояние для мужчины».

Заканчивался первый год его работы в литейном, когда ушла в мастера из бригадиров Рая Саморукова. После обеда бригада собралась в конторе участка, уютной, высоченной комнате с облезлыми стенами — одна густо увешана дипломами, грамотами, вымпелами — и черно-бархатным налетом копоти на подоконниках и столах. Когда с Проппетиной заговаривали о ремонте, она обычно говорила, что работе это не мешает.

Расселись по стульям вдоль стен, и Проппетина сказала, что нужно выбрать бригадира. Кого? Предлагайте... Тут он и услышал свою фамилию. Сам-то он был уверен, что бригадиром выберут кого-нибудь из опытных, Шапорева, например.

Бригада одобрительно шумела Проппетина молчала. Потом спокойно переспросила:

— Значит, Глушенкова? Ну что ж... Когда уходили, оказавшийся рядом мастер Павлов заметил:

— А ведь Проппетина не тебя хотела. Но видит, бригада за тебя, ну и промолчала.

Прошел месяц. Ничего в его работе не изменилось, только люди вокруг теперь назывались бригадой Глушенкова. Михаил подходил к ребятам поопытней: что, как? И слышал одно и то же:

— Работай, как работал, ты свое дело делаешь. Пример другим показываешь, как работать. И молодец, чего больше?

Чего больше, он тогда просто не знал, но и обходиться старым не мог: неудобно, зачем же тогда бригадиром называться?

...Присутствие на комсомольском собрании старшего мастера участка Проппетиной и начальника плавильно-формовочного цеха Героя Социалистического Труда Куприяна Григорьевича Утенкова делало разговор особенно серьезным.

Комсорг Галя Шапранова выступала резко. Нельзя обращаться с людьми, как с роботами! Работа, конечно, для нас главное, резала она, но все-таки это не единственное, чем должны жить люди. А на участке очень сложно вести общественную работу — потому что не идут навстречу. А работа эта ведется для людей, и она им необходима. Галя словно стопку опок составила — вопрос на вопрос. Характером она и с Проппетиной могла посоревноваться.

А Проппетина молчала. Удивленно слушал Утенков.

Один за другим вскакивали ребята. Почему так жестко и холодно ведет себя с ними старший мастер? Почему получить заработанный отгул — проб-

НИИ ОБСТОЯТЕЛЬНОСТЕЙ

После школы все положенное парню его возраста и еще не определившемуся в жизни Михаил совершил. Ездил в Калининград поступать в мореходку. Работал в совхозе разнорабочим. Потом добрался до Волги, устроился в Саратов грузчиком на заводе. А там подошло время служить.

В армии Михаил был писарем — ротному запал в душу его почерк. Почти два года вел он все дела роты и вернулся рядовым — писарям лычек по должности не полагалось. Думать, как жить, — а это значило прежде всего работать — времени особого не было. Взяться он готов был за многое, но легкого не искал. Самый большой выбор сулила Москва, к тому же она была рядом...

Он вошел в цех, где вагранки с бурлящим варевом ревут, как реактивные самолеты, а стержневые автоматы с грохотом выстреливают из себя подносы раскаленных дымящихся стержней. Пол содрогался под его ногами от неумолчного боя уплотняющих горячую землю формовочных станков, а разнотонный гул смесителей, разрыхлителей, мельниц, элеваторов мешался с канонадой, несущейся из специальных камер, где потоки дробы отбивают пригоревшую землю с готового литья. И люди вокруг него выглядели похожими друг на друга из-за надвинутых на глаза платков и касок, из-за черноты и респираторов на лицах.

Михаил уже знал, что такое работа. Знал, что нежно позвякивающую стеклянную посуду, к примеру, делают, сплавляя огнем в единую массу серый песок и соду. И что дают на эту массу, придавая ей утонченную форму, воздухом из собственных легких. И другого способа — нет. Знал, что ферма выматывает не меньше, чем литейка. Поэтому он пришел в цех не пробовать работать, а работать.

Ему казалось, что все уже давно расслышали в цеховом шуме, как неритмично, с рваными перерывами, а то будто захлебываясь, стучит его станок. И что все уже заметили: на рольганге нет ни одной заформованной им стопки... Он стянул респиратор. Содрал перчатки, чтобы лучше чувствовать землю.

— Да не суешься ты.

Алексей Поздняков, сосед, видимо, давно уже наблюдал за ним.

— Сходи лучше к слесарям, скажи, пусть они тебе кольца заменят. Бьет он у тебя слабо, — кивнул Алексей на станок.

Слесари встретили Михаила весело. Услышав про кольца, переглянулись: что делается, а?! Закрутили удрученно головами. Были они такие же, как Михаил, молодые ребята.

— Стоит же станок, — наконец, не выдержал он. — Быстрее надо.

— Быстрее? Смотри, торопливый какой!

— Новенький, видимо, еще не набегался.

— Набегается.

Кольца ему все-таки поменяли. В раздевалке он поинтересовался у ребят, что это ремонтники так его встретили.

— Да надоели мы им, — коротко объяснили ему. — Каждый день то один станок барахлит, то другой... Знаешь, сколько этим станочкам лет?

Со временем Михаил узнал не только это. Весь участок спецвидов литья давно уже считался неперспективным. Несколько лет назад его уже собрались было переводить в один из филиалов объединения. Участок дорабатывал. В модельном цехе, в цехах стального и цветного литья перестали отливать для него запчасти. А перевод как-то отложился, и участок с изношенным оборудованием оказался еще

Иллюстрация
ОСЕНЬ

Эскиз «Марьянские сны»
читайте на 16-й странице

- 1** РЕШЕНИЯ XXVI СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!
РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ.
«АДАПТАЦИЯ: ПРИОБЩЕНИЕ ЛИЧНОСТИ
К ПРОИЗВОДСТВУ».
- 8** «В ШКОЛУ НА ВЕРТОЛЕТЕ».
- 9** Рассказ Надежды КОЖЕВНИКОВОЙ «ТЕЛЕПАТИЯ».
- 11** Стихи Дмитрия ФИЛИМОНОВА.
- 12** РАССКАЗЫ О СОВРЕМЕННОЙ АРМИИ.
«НЕБО НА ЛАДОНИ».
Фоторепортаж Андрея КРАЙНЕГО
и Владимира ЧЕИШВИЛИ.
- 14** ДАЛЕКИЕ БЛИЗКИЕ.
Читатели продолжают разговор.
- 16** ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.
Альберт ЛИХАНОВ. «МАРЬЯНСКИЕ СНЫ».
- 18** НОВОЕ ИМЯ.
Стихи Дмитрия НЕЧАЕНКО.
- 19** Стихи Ираиды ПОТЕХИНОЙ.
- 22** А ЧТО У ВАС?
Информационная страница «Смены».
- 24** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Джон Д. МАКДОНАЛЬД. «ЛИНДА».
- 28** ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
Николай ШИЛО, академик.
«ГЕОЛОГ БИЛИБИН».
- 30** Анатолии ГОЛУБЕВ. «ИГРЫ С ПРОШЛЫМ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИ-
БАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ,
Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

Издательство Правда. Смена. 1981 г.

лема, процедура неприятнее, чем посещение зубного врача? Да, старший мастер действительно не кричит, но после иного разговора с ней работать не хочется.

Встал в числе других и Михаил.
— Правильно тут говорят, нельзя так с людьми... Не дело это. Обиженному человеку не до работы. И еще. Я вот уже месяц бригадир. Вернее, числюсь им. А разве кто-нибудь объяснил, в чем теперь мои обязанности? Чем я теперь должен заниматься?

Он сел почему-то недовольный собой. Так все вроде бы и верно. А вот насчет бригадирства как-то жалостливо получилось...

— Я думаю, многое тут говорилось сгоряча, в пылу, что называется. — Это уже взял слово Утенков. — Мария Алексеевна в цехе всегда была на хорошем счету. Десятки лет мы ее знаем. Как она за производством боится! Участок под ее руководством из таких положений выходил, что... Да что тут говорить! Надежный она человек — в производстве это главное. А то, о чем тут говорилось... Ну, а кто из нас без недостатков? Также понимать надо. Потом, уверен, многое она учтет.

Медленно поднялась Проплетина. Помолчала. И как ни был разгорячен Михаил, он вдруг почувствовал, как трудно ей сейчас говорить.

А Мария Алексеевна спокойно сказала, что очень жаль, но ее неправильно понимают. О людях она тоже старается думать, но прежде-то всего работу делать надо. Вот на что все ее силы идут. На другое, может, и не хватает. А чтобы работа шла, несмотря ни на что, и жесткость нужна. Иначе плакать будут наши планы. Тем более условия на участке — сами знаете... Разговор сегодняшний она, конечно, не забудет. Ласковых улыбок и нежных слов тем не менее не обещает — у каждого свой характер...

На следующий день Михаил перед сменой заглянул в контору. Проплетина что-то быстро писала. Он поздоровался. Спросил, что сегодня по программе.

— Здравствуй, Миша. — Проплетина отложила ручку. — А ты знаешь, от тебя я вчера такого не ожидала. Работать ты умеешь, хочешь; я считала, мы друг друга понимаем. А что касается твоего бригадирства... Я-то была уверена, ты сам все сообразишь. А если надо будет, подойдешь и спросишь. Неужели бы я отказалась тебе что нужно объяснить?... Ну, а чем тебе заниматься... Каких-то особых обязанностей, за которые бы я с тебя спрашивала, нет. Главное, ритм в работе задавать. Ну, это ты умеешь. А так... Помогай мастеру, следи за порядком, дисциплиной. Новичков опекай. Вот так, в общем...

Это было интересное время. И потом, когда оно уже останется в прошлом, Михаил будет считать так же.

— Я по-другому увидел работу, — объяснит он. — Раньше я думал, что все на самом-то деле зависит только от того, как каждый из нас стучит на своем станке. Хорошо — так никаких организаторов не надо, все само организуется. А взглянул пошире — нет, без организации далеко не уедешь. Я понимаю, что это не бог весть какое открытие. Но одно, когда ты это знаешь на словах, а другое, когда сам дойдешь. Попробуешь дело организовать, а оно сначала не идет, а потом вдруг — результат. Это впечатляет.

Иногда я суетился, хлопотал в ситуациях, куда бригадир в общем-то и не надо соваться. Но важно было узнать побольше. И я думал, что стоит попотеть и даже пополучать шишек, чтобы как можно больше опыта набраться!..

Вот так, желая разобраться во всем, он вышел на наряды. Как-то сказал Рае Саморуковой:

— Давай в нарядах разберемся, что тут конкретно к чему.

Рая изумленно подняла голову:

— Ты что, мне не доверяешь?
— Доверяю, конечно, — стал успокаивать ее Михаил.

— Я, когда была бригадиром, мастера не проверяла.

— Да я-то тебе тоже верю. Но давай разберемся, а то я подписываю, а что не знаю. Да и ребята просят разобрататься. Говорят, сколько ни наформуй, а все выходит — рубль в час. Так же не может быть.

Разбираясь в нарядах, он все время ругал себя за то, что мало знает, а учиться дальше так и не собрался.

Кое-что он тем не менее выяснил. Формовщики получали по готовой продукции, той, что уже прошла ОТК. И вот тут оказывалось, что больше 80 процентов годной продукции не получается. Особенно на вставках, которые формовали самые сильные рабочие. 20 процентов брака каждый раз, и все тут. Сначала он решил, что ничего не понял. Ведь такого просто не могло быть! Не могли он, Староверов, Пантелеев, Шапоров, Колдарарь давать только 80 процентов качественных стопок! Ну, можно дать столько брака раз, другой, но чтобы постоянно?!

Уверенный, что происходит какая-то нелепая путаница, он бросился в контору. Доказывал это сначала Саморуковой и Игнатовой. Потом Проплетиной. Горячился и кричал. Ему сказали, что технология отработана давно, и давно уже установлена эта норма — 80 и 20. Так оно и сейчас выходит. И ничего тут страшного, надо идти работать.

Ребята, когда рассказал им все, на одном не сошлись. Конечно, 80 и 20 — что-то странное. Но если не они в браке виноваты, то кто? Поди установи каждый раз.

80 и 20. Эти цифры не давали ему покоя. Выходит, каждые 10 стопок из пятидесяти, что он делает, — брак?!

Нет, специального решения он не принимал. Не устанавливал для себя: вот с завтрашнего дня и начну. Все вышло иначе.

Опять стал его станок. Пришлось перейти на другой. С большими опоками на нем старались не работать, бьет слабо и медленно, но раз приперло... Он едва вытянул норму. Наконец починили его станок. Он формовал и злился над каждой опоккой — эта в 20 или в 80? Сделал норму и остановился — хватит брак гнать.

Так и пошло. Он выполнял норму, и ни опоккой больше. Что он хотел этим доказать, кому? Михаил вряд ли бы смог объяснить. А может, и не доказывал. Что-то опустилось в нем после всей этой истории, притухло — так в керосиновой лампе притихает, слабеет огонь, когда прикручивают фитиль.

Тут вдруг случилось неожиданное: стал заметно уставать после смены, начали побаливать руки. Хотя бегал и ворочал он теперь меньше.

А потом ушли с формовки самые сильные — Пантелеев и Ануфриенко на выбивку, Шапранов на плавку. На их место приходили ничего не смыслящие новички, временные работники, которых обычно к станкам старались не подпускать. Все показатели образцовой бригады поползли вниз. А он заставлял себя делать вид, что ничего не происходит. Он свою норму дает.

Не прошло и пары недель, как его вызвал в комитет Листаров. А на следующий день уже давно внимательно на него поглядывавшая Игнатова завела Михаила в контору. Усадила за стол, сама встала напротив. Упершись прочно обеими руками в крышку, наклонилась к Михаилу.

— Ты знаешь что, Миша, давай не подводи ни себя, ни меня. Ты же меня не просто подводишь, а трижды.

— Как это? — не понял Михаил.

— А так. Ты считаешь. Когда ты кандидатом в партию вступал, кто тебе

рекомендацию давал? Я. Это раз. И еще дважды — как наставника и как земляка. Ты не улыбайся. Я тут всем напела: вот какие наши калужские. А ты?

— Так обидно же, Елена Архиповна! У меня, знаете, как упало все. 20 процентов брака каждый раз! Выходит, не могу я лучше работать!

— Ну ты знаешь, Михаил, глупости не говори, — заволновалась Игнатовна. — Ты лучше вспомни, каким ты был. У тебя же горело все, бригада на тебя равнялась. А сейчас!

— Горел... — с усмешкой повторил Михаил. — Ведь я же, Елена Архиповна, верил: можно добиться, чтобы на участке были нормальные условия для работы. А что вышло? Ничего не меняется. Ведь за все время, что я на участке работаю, ничего нового не появилось. За три года! Да что три года! Я же знаю: за десять лет у нас только два новых шлифовальных станка появились и барабан на очистке заменили. Так он оказался неудобнее старого.

— Это и я знаю. Только я же не плачу. Эх, Миша... И то ты знаешь, и это заметил, и восемьдесят процентов «обнаружил»...

— Ну и что? — вскинулся Михаил. — А я что, должен, ничего не видя, как слепой, стучать себе на станке? Тогда бы хорош был?

— Я о другом, — спокойно остановила его Игнатовна. — А ты вот знаешь, что в цехе всегда узким местом было? Десятки лет? Стержни. Сколько из-за них натерпелись! А сейчас? Поставили автоматическую линию — и все. Нет теперь вопроса такого. Снят. И у нас так же будет. Будет.

— Будет, наверное... Только когда? Может, только вы с Проплетниной этого и дожидаетесь, Елена Архиповна. А молодые ждать не захотят.

— За всех, Миша, не надо.

— Да я не спорю, Елена Архиповна. Думаете, мне такая работа нравится? Да у меня от нее руки болят... А может, потому что нас на участке ничего не делается, что таким и таким мы план, несмотря ни на что, ну и думают: раз делают, можно и подождать с переменами...

— Ну, Миша, этого я от тебя не ожидала. — Игнатовна даже от стола отшатнулась, всплеснув руками. — Ты думаешь, мне нравится с мальчишками-слесарями воевать? Но ведь надо. Условия тяжелые? Трудная работа? Это я сама первая любому скажу. И еще прибавлю. — Она снова прочно уперлась обеими руками в стол. Круглое, доброе ее лицо пылало, как у печки. — Но для нас, тех, кто здесь жизнь отработал, на первом месте всегда не условия были. А работа. Понимаешь разницу? С нее, с работы, мы всегда отсчет начинали — что надо сделать и сколько. А вы теперь все условия изучаете. Уперлись в них, ничего дальше не видите...

Михаил дернулся возразить.

— Участок наш работал. Всегда, — рублила, не слушая его, Игнатовна. — Хотя такое бывало, что с сегодняшними трудностями и сравнивать нельзя. И мы гордимся этим. И правильно гордимся. А вот ты своей сегодняшней работой гордиться не будешь. Ты о ней не только рассказывать не станешь, тебе о ней и вспомнить самому будет неловко.

— И все-таки нельзя сейчас так, как вы говорите! Время другое, люди. Нельзя с ними только так: давай, давай... Не поймут. И не будут так. Вы зайдите в отдел кадров, вам там нарисуют картинку.

— Я сама кому хочешь нарисую. Еще лучше. Только, Миша, это же твой цех. Уже твой. Ты понимаешь, что это значит: мой цех? Ты же не из тех, кто скачет: с завода на стройку, потом на фабрику, а потом к торговле поближе...

Михаил смущенно улыбнулся.

— Да-да, я знаю; что говорю. Ты

посмотри, добились же мы, что с ремонтниками сейчас положение налаживается. Руководство цеха как нас поддерживает... Ты тогда прибежал, накричал, обиделся, а ведь не разобрался сначала что к чему. А думать сначала надо.

Вечер посвящения в литейщики молодых рабочих начался торжественным вносом знамен. Их несли лучшие литейщики — ветераны и передовики. Михаил вместе с Володей Саранчуком сопровождал знамя, навечно завоєванное цехом в послевоенные годы.

Потом вместе с другими наставниками он принимал в литейщики свою ученицу Катю Щеглову.

А там начался концерт, пели и танцевали артисты, радостно и благодарно отзывался зал.

... Долго держать себя на норме он не смог. Было не по себе от такой работы. Особенно когда видел, как упорно старается делать по 50 стопок новенький Саша Полежаев. Старается, хотя ни сил, ни терпения необходимого пока нет. А Катю Щеглову с такой работой как было учить? Других новичков?

Выбраться из полосы неудач бригаде оказалось непросто — несколько раз план еле удавалось вытаскать. И все-таки медленно, со срывами, но упорно бригада тянулась к прежним рубежам. Не жалели сил Староверов, Седакины, Миша и Света, Колдарарь и Толик Плоп. Быстро стали своими людьми и хорошо вошли в дело Толик Молибаев, Алла Илалдинова, Ира Токарь и Людмила Клопотова.

Как-то особенно подействовал на бригаду случай с Аликом Алиевым. Хороший, старательный формовщик, добрый и мягкий парень, он пришелся по душе всем. И вдруг... Поехал в отпуск домой, пошел на охоту. Случайно палец на руке. Алик вернулся с инвалидностью, но уходить с участка не захотел. Делал все, что поручали, — землю готовил, ставливал с рольганга заформованные стопки. Ему не раз предлагали найти что-нибудь полегче. Помолчав, он отвечал, что пока бригаде не в обузу, будет работать здесь. А потом была рабочая суббота, Алик попросился на формовку, и в конце смены выяснилось, что он наформовал больше всех. Чего это ему стоило, не рассказывал. А лицо у него было счастливое.

Не хватало бригаде нескольких сильных формовщиков, чтобы набрать прежнюю силу. Вот если бы удалось вернуть сюда Пантелеева и других... Пробовал Михаил их уговорить, не вышло. «Опять рубль в час — и тормози», — махнул рукой Пантелеев. И в который раз Михаила кольнуло: вот, натворил дел...

Никто не напоминал ему о том, что было. Упреков он не слышал. Но сам ничего не забыл. И часто обдумывал, оценивал, разбирал происшедшее. В последнее время его больше всего беспокоило то, что он так ничего и не добился. А значит, пройдет время, и его набирающая силу бригада снова упрется в то же самое...

Почему же он ничего не добился? Не хватило знаний? Серьезной мысли?.. И вот еще: наверное, мало, чтобы это была только его идея. Надо, чтобы она стала не только его, но и всей бригады, участка, цеха... Тогда это будет сила. Справедливая! А прибавить бы сюда реконструкцию, которая так назрела, вот тогда бы они поработали!.. «Ты уж всего сразу захотел, — попридержал он себя. И не остановился: — А что тут нереального? Сделали же на других участках...»

Аплудисменты встряхнули его. Он огляделся. Вокруг были люди. Те, кто отдал цеху жизнь, и те, кто только начинал в нем свою.

За синими стеклами окон на фиолетовом небе чернел частокол труб. Их цех. Там работали.

Он думал. И музыка ему не мешала.

ПРЯМАЯ ВЗРОСЛОСТИ

СМЕНА

Работа
как дело
жизни

Борис ПАВЛОВ,
кандидат философских наук,
сотрудник Уральского
научного центра АН СССР

Если оценивать жизненный путь каждого человека с экономической позиции, то можно выделить как бы три основных периода.

Первый — тот, когда человек потребляет созданные обществом блага. Он работает, учится, готовится встать в ряды активных тружеников. В молодости каждый как бы берет в долг у общества эти блага. Но вот настает **второй период**, и молодой человек начинает трудиться, постепенно отдавать свой долг. Ученые, например, подсчитали, что современный молодой рабочий «погашает» его в течение первых 5—7 лет. В последующие годы труженик, как правило, дает обществу своим трудом больше, чем берет на восстановление сил, удовлетворение материальных и духовных потребностей, как своих, так и своей семьи. Уходя на пенсию, человек вновь берет часть создаваемых обществом благ. Но в отличие от первого этапа уже общество возвращает пенсионеру свой долг за труд, внесенный в общегосударственную копилку.

Почему у нас беззастенчивым считается тунеядство? Причина очевидна: тунеядец — это несостоятельный должник общества. Удовлетворяя свои потребности, претензии, он только берет в долг у родителей, друзей, общества, сознательно увиливая при этом от выплаты долга, не говоря уже о той прибавке к общественному богатству, которую оставляет каждый нормальный труженик.

Непременным атрибутом **взрослости** является занятие молодым человеком своего места в структуре общественного труда. А этому предшествует сравнительно долгий путь учебы, выбора и освоения профессии и, наконец, приобретения к труду в конкретном коллективе, на конкретном рабочем месте. Последнее называется **адаптацией** на производстве или образно — **финишной прямой** к взрослости. Она заинтересовано в том, чтобы эта «финишная прямая» была удобной, наиболее приспособленной для ее преодоления молодежью. Однако именно на этой «прямой» мы сегодня фиксируем такие нежелательные явления, как повышенная текучесть молодых рабочих кадров, нарушение дисциплины, техники безопасности, неудовлетворенность трудом, недостаточная общественная активность и т. д. А это ведь, если перевести на спортивный

язык, «перебегание с дорожки на дорожку», «спотыкания и остановки», «торможение бега товарищей» и т. п.

Если дословно перевести слово «адаптация» с латинского, то оно обозначает приравнивание, приспособление — смысл, носящий несколько отрицательный оттенок с точки зрения наших морально-этических принципов. Однако сегодня в понятие «Адаптация молодежи на производстве» мы вкладываем более широкое и явно положительное значение. С одной стороны, это освоение (усвоение) молодыми людьми профессионального и социального опыта, накопленного и хранимого коллективом, приобретение новых знаний, умений, привычек, навыков, с другой — творческое участие в преобразовании действительности.

Несомненно, сами условия, производственная среда, в которой происходит адаптация юношей и девушек, играют определяющее значение. Они являются социально-экономической базой всей деятельности работника. Образно говоря, это состояние беговой дорожки. Но результат «бега» в конечном итоге зависит от самого «бегуна». Вот об этой стороне процесса адаптации и хотелось бы поговорить.

Что значит для работника быть адаптированным на социалистическом производстве? Это значит: он способен участвовать и участвует в реализации тех задач, тех функций, которые присущи трудовому коллективу. Вне сомнения, на первый план выдвигается сам труд, производство каких-то материальных благ. При этом не просто труд, а труд творческий, приносящий максимальную пользу обществу, коллективу, личности. Но только ли этим ограничиваются функции трудового коллектива? В статье 8 Конституции СССР записано: «Трудовые коллективы участвуют в обсуждении и решении государственных и общественных дел, в планировании производства и социального развития, в подготовке и расстановке кадров, в обсуждении и решении вопросов управления...» Следовательно, к этим видам деятельности должен быть подготовлен и приобщен каждый работник. В той же статье коллективам конституционно приписываются и такие сферы деятельности, как улучшение условий труда, быта, развитие социалистического соревнования, укрепление дисциплины, повышение политической, нравственной зрелости трудящихся, их культуры.

Конечно, все стороны жизнедеятельности работника в коллективе взаимосвязаны, взаимозависимы. Однако давайте попытаемся вычленим и кратко проанализировать сравнительно самостоятельные моменты адаптации молодого рабочего.

1. АДАПТАЦИЯ К ТРУДУ

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что к молодежи нужно подходить умеючи, учитывать особенности возраста, условий, в которых происходит ее формирование, становление, приобщение к труду, ибо она «по необходимости вынуждена приближаться к социализму

ВПЕРЕДИ ПЕРВАЯ РАБОЧАЯ СМЕНА. КАКОЙ ОНА БУДЕТ?

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы».

Каковы сегодня основные особенности подготовки молодежи к взрослому труду? Современное молодое поколение значительно дольше сидит за школьной партой. Сравним поколения молодежи 30-х и 70-х годов. В годы первых пятилеток городской уральский подросток, закончив в среднем 4,37 класса в возрасте (опять же в среднем по поколению) 15,4 года, приходил устраиваться на завод. Сегодня средний возраст вступления молодых рабочих в общественное производство 17,4—18 лет. Образование в большинстве своем — 10 классов.

Важно учитывать и то, что в прошлом дети задолго до вступления в производственную жизнь начинали активно трудиться в домашнем хозяйстве. В первую очередь это было характерно для детей, воспитывавшихся в крестьянских семьях. В статье «Деревенские дети», написанной известным советским педагогом С. Т. Шацким (сподвижником и современником А. С. Макаренки), приводится интересный документ, дающий представление о трудовой занятости крестьянских детей в 20-е годы. Вот что написал ученик Кривской школы Сережа Рыбаков в ответ на школьную анкету «В каких видах труда я зимой участвовал».

«Сапоги чиню, картошку набираю, печку затопляю, лошадь запрягаю, поросятам стелю, гнезда курам плету. Дрова таскаю, снег со двора скидываю, полы мету, к ухвату ручку делаю, дрова пилю, ножи точу, дратву сучу, на кадку обруч делаю...»

Мы перечислили 14 видов труда, в сочинении же их приведено всего 85(!).

В современной городской семье резко сократились возможности для трудовых занятий детей. Электричество, тепло, вода, газ, другие коммунальные удобства освободили членов семьи от многих традиционных форм обслуживающего труда. Ушел из семьи и производительный труд. Отцы и матери, старшие братья и сестры трудятся, как правило, **вне дома, вне семьи** — на заводах, фабриках, в учреждениях, организациях. Должны ли мы сегодня расстраиваться из-за того, что детям, подросткам не

приходится топить печь, запрягать лошадь, сучить дратву и т. д.? Очевидно, нет. Было бы смешно отказываться от достижений прогресса. Однако нужно учитывать, что трудовая нагрузка на молодое поколение в семье резко сократилась, и в целях воспитания это сокращение важно компенсировать. Эффективное трудовое воспитание молодого поколения должно базироваться на ряде принципов, среди которых важнейшими являются раннее включение детей в физический труд и постепенное нарастание трудовой нагрузки по мере взросления организма.

Сегодня, к сожалению, молодой человек, переступивший через порог заводской проходной, нередко не имеет достаточной физической и психологической подготовки к производственному труду. В первую очередь такие трудности встают перед городскими юношами и девушками. Сравните трудовую нагрузку десятиклассника, которая была еще вчера 2—4 часа в неделю, в ряде случаев напоминавших игру в труд, и предстоящую взрослую нагрузку на рабочем месте — 30—40 часов в неделю.

Вполне понятно, что, наткнувшись на такой существенный барьер, новичок на производстве теряется. Его организм, психика не готовы сразу включиться в новый ритм, «взять» значительную нагрузку. В школе он был знаком с трудом по книгам, фильмам, рассказам, экскурсиям. В учебно-производственном комбинате его познакомили с инструментами, материалами, дали возможность самому изготовить деталь. Где-то вне поля зрения, «за кадром» оставались трудности, которые сопровождают настоящий, взрослый труд. «Когда мы призываем молодежь идти после окончания школы работать на завод или в колхоз, — пишет в одной из книг, посвященных наставничеству, Н. Калякин, бригадир слесарей-сборщиков московского завода «Компрессор», — то порой расписываем только приятные стороны дела и умалчиваем о трудностях, об усталости после смены и т. п. А ведь радость труда, которым только и счастлив человек, приходит не сразу».

Итак, первая важная задача активной позиции молодого рабочего: приложить максимум усилий для преодоления себя. Важно перейти, «перевести организм» в новый, взрослый режим деятельности, приучить мышцы, свою психику к физической нагрузке, шуму, монотонности и другим факторам, сопровождающим производственный труд. Подобное привыкание (в той или иной мере) необходимо в каждой про-

фессии, в каждой специальности при любом уровне механизации, автоматизации труда. Еще К. Маркс подчеркивал, что «действительно свободный труд... представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение». Добавим к этому: напряжение как физических, так и нравственных сил человека.

2. АДАПТАЦИЯ К ТВОРЧЕСТВУ, АКТИВНЫЙ ПОИСК РАДОСТИ В ТРУДЕ

Путь становления у каждого новичка на предприятии индивидуален, неодинаков как по сложности приобщения к новому виду деятельности, так и по срокам этого процесса. Но, пожалуй, единой для всех, желательной как для общества, так и самого молодого человека будет достижение такого состояния, когда труд удовлетворяет, становится желанным, радостным. Лишь в этом случае он является средством реализации личности, средством ее духовного и физического развития. Этот процесс протекает непросто.

Проведенный нами опрос 1053 молодых рабочих ряда предприятий Свердловска показал, что лишь 49,4 процента опрошенных нравится их сегодняшняя профессия, а каждый четвертый планирует сменить в ближайшем будущем свою специальность. На

различных предприятиях, в различных трудовых коллективах, как выявил дополнительный анализ, относительное число удовлетворенных трудом и потенциальная текучесть молодых рабочих кадров весьма неодинаковы. Приведем данные опроса (в процентах к числу опрошенных).

Предприятие	Молодые рабочие, которым нравится профессия	Молодые рабочие, которые думают сменить профессию
Верх-Исетский металлургический завод	62,0	7,1
Локомотивное депо станции «Свердловск-пассажирская»	60,2	17,0
Уралмашзавод	57,0	20,5
Завод пластических масс	34,9	36,2
Фабрика «Уралобувь»	29,8	42,4

Исследователи, специально занимающиеся социальными проблемами труда, выделяют четыре наиболее значимых мотива трудовой деятельности у современной работающей молодежи: а) возможность творчества; б) перспектива профессионального роста; в) общественный престиж профессии, конкретного вида труда, занятия; г) заработная плата (или более широко — материальное вознаграждение за труд). На первый план для большинства современной молодежи, начинающей свой трудовой путь, выдвигается **творческий** характер труда. Интерес юношей и девушек к избранной профессии, стремление к скорейшему освоению приемов, методов работы, достижению высокой производительности во многом зависят от наличия в ней элементов творчества, возможности реализации знаний, природной смекалки молодого человека. Вернее, от того, насколько он видит, чувствует эти элементы творчества, насколько они включены в его трудовой процесс.

Наверное, никто не будет отрицать того факта, что сегодня различные профессии, специальности, даже целые производства и рабочие места, организованные на них, объективно предоставляют работнику неодинаковые условия для реализации его творческих потенций. Многие виды труда содержат значительную часть рутинных (повторяющихся) элементов. Сравните, например, труд грузчика и труд слесаря-настройщика станков-автоматов, труд рабочего на конвейере, выполняющего изо дня в день одну и ту же операцию, и работу слесаря-лекальщика в инструментальном производстве. Чтобы изготовить даже несложный мерительный инструмент, лекальщик должен выполнить до десятка и более технологических операций. При этом каждый новый

ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

Владимир ЗАПОРОЖЕЦ, директор технического училища Херсонского производственно-аграрного объединения консервной промышленности

бы закрепление пройденного материала: наши ученики, мастера и преподаватели повторяют тематический вечер «Наша профессия — консервщик». Главные «экскурсоводы» по лабораториям и кабинетам — выпускники училища.

Саша Дремлюк учился у нас, потом окончил техникум, стал ударником труда, а сейчас пришел в училище как представитель базового предприятия, передовик производства, наставник. В окружении школьников — выпускники прошлых лет, уважаемые, заслуженные люди. Мария Усова — лучшая наставница Министерства пищевой промышленности СССР; Светлана Любченко — депутат райсовета; представитель самого первого выпуска Лидия Акимовна Сидоренко — кавалер

После уроков наши аудитории заполняют ученики восьмых — десятых классов подшефных школ Днепровского района. Многие из них в училище не впервые; бывали школьниками и в цехах объединения. Теперь идет как

заказ, как правило, индивидуален, требует поиска новых решений, подходов — иными словами, рабочего творчества.

Вместе с тем практика доказала и постоянно доказывает, что элементы творчества, творческий подход к делу присущи практически работникам всех профессий и специальностей. О секрете возникновения творчества в любой, казалось бы, на первый взгляд «нетворческой» деятельности писал А. М. Горький в статье о новом человеке: «...любой человек может быть артистом в своем деле, если он этого хочет».

Доказательством этого может служить хотя бы факт присуждения премии Ленинского комсомола в области производства. Этой награды удостоиваются молодые рабочие — представители различных отраслей народного хозяйства за высокие производственные показатели, в частности за активное научно-техническое творчество. Лауреаты премии активно занимаются рационализацией, добиваются выдающихся результатов, работая по-таким, казалось бы, «нетворческим», «обыденным» профессиям, как: плотник, штукатур, повар, почтальон, формовщик колбасных изделий, водитель трамвая и т. д.

На предприятиях мы сегодня имеем, казалось бы, противоречивую ситуацию. С одной стороны, молодые люди ориентированы на творчество, с другой — в реальной производственной обстановке они не стремятся воплотить в жизнь свои творческие задатки, способности, умения. Другими словами, игнорируют возможность сделать свой труд более интересным, привлекательным. Вот данные опроса 1053 молодых свердловских рабочих: 390 человек видят на своем рабочем месте реальные резервы для повышения производительности труда; 306 человек — резервы для улучшения качества выпускаемой предприятием продукции. На практике же пытались включить эти резервы на службу пятилетке лишь 135 человек, 72 из них подали одно рационализаторское предложение, 63 — два и более.

Конечно, на развитие творческого потенциала работника влияют многие факторы: степень развития творческой атмосферы в семье, школе, где рос и воспитывался молодой человек, творческая «жилка» (или ее отсутствие) у его наставников, наконец, отношение к творчеству, рационализации на самом предприятии, в коллективе, где он трудится. Однако практика дает многочисленные примеры, когда в одном и том же цехе, в одной бригаде, порой рядом по одной специальности работают рационализаторы, на счету которых десятки предложений, и люди, для которых этот вид творческой деятельности не представляет ценности, а во многих случаях кажется недоступным.

Опыт лучших наставников молодежи,

рационализаторов свидетельствует о том, что в процессе приобщения молодого человека к творчеству важно преодолеть первоначальный психологический барьер. Примечателен в этом плане пример комсомольско-молодежной бригады обжиговой машины № 1 цеха окатышей Качканарского горно-обогатительного комбината. По признанию бригадира Владимира Киньянова, ему и его товарищам казалось, что рационализаторская деятельность — удел особых людей. Но один случай помог преодолеть это заблуждение. Попытка устранить потенциальную возможность аварийной ситуации на ленте укладчика принесла успех. Была усовершенствована вначале одна машина, потом две другие. После этого случая каждый член бригады стал целенаправленно думать, искать. Только за полтора последующих года члены бригады подали около полутора десятков предложений.

3. ВСТАТЬ НА АКТИВНУЮ ЖИЗНЕННУЮ ПОЗИЦИЮ

«Отличительная особенность советского человека», — подчеркивал в одном из своих выступлений товарищ Л. И. Брежнев, — его высокое общественное сознание, активное отношение к жизни, стремление участвовать в решении всех общественных и государственных дел...» Это участие партия считает «...не только правом, но и обязанностью, гражданским долгом каждого советского человека».

Из чего складывается общественное лицо, активная гражданская позиция молодого человека в трудовом коллективе, в коллективе взрослых? В первую очередь — это участие в реализации многообразного круга общественных дел коллектива, инициатором которого выступают партийные, профсоюзные, комсомольские организации. Нова ли эта деятельность для юношей и девушек? В принципе нет. В школе, в профессионально-техническом училище большинство подростков были приобщены (в той или иной мере, в те или иные периоды учебы) к общественным делам (имели «общественные нагрузки»). В силу своих знаний, умений, способностей, возраста мальчики и девочки, юноши и девушки учились быть общественными людьми, учились быть членами социалистического общества. Но вот прошла пора учебы, на повестке дня встал вопрос взросления. А взрослый человек характеризуется не только участием в оплачиваемом социалистическом труде, но и в безвозмездных общественных видах труда. Общественная работа, активная жизненная позиция — это средство формирования собственной личности, эффективное средство взросления. Ученые, занимающиеся прогнозированием социальных потребностей молодежи, выделяют целый

ряд потребностей, связанных с общением... Назовем некоторые из них. Потребности:

- в сотрудничестве (кооперации, совместной деятельности);
- в оказании помощи другим;
- в помощи со стороны других;
- в общении со сверстниками;
- в эмоциональных контактах;
- в обмене мнениями;
- в стремлении производить впечатление на окружающих;
- в стремлении приносить пользу людям;
- в самоуважении как необходимой предпосылке всякого успешного общения.

Удовлетворение этих потребностей предполагает включение человека во все многообразие социальных связей, формирующихся в коллективе, во все сферы его деятельности. Попытка отсечь от себя какую-то из этих сфер, самоустраниться, естественно, несет какие-то потери для общества, для коллектива. Но в первую очередь в приорыше оказывается сама взрослеющая личность.

4. ВПИСАТЬ СВОЕ Я В КОЛЛЕКТИВНОЕ «МЫ»

Чем прежде всего характеризуются отношения взрослого и ребенка? Заботой старшего о младшем, сильного о слабом, зрелого о незрелом. Приобретение взрослости — это вместе с тем потеря привилегий детства, юности, отрочества. В трудовом коллективе нужно стать равным среди равных. А это не только права, но и обязанности. И среди них первая — **ответственность за себя**. Не просто привыкнуть к труду, освоить профессию, подавать рационализаторские предложения, а вписать свою деятельность в общую деятельность коллектива. Другими словами, **подчинить себя** общей дисциплине трудового коллектива. А это весьма емкое понятие. Оно включает в себя:

- дисциплину выполнения плановых заданий;
- дисциплину технологического процесса;
- дисциплину техники безопасности;
- дисциплину соблюдения режима экономии;
- дисциплину внутреннего распорядка, режима работы;
- дисциплину межличностных отношений.

В одной из наших анкет, которую заполнили 600 молодых рабочих златоустовских предприятий, задавался вопрос о том, имеются ли в трудовом коллективе нарушения трудового процесса и внутриколлективных отношений. При этом молодым людям предлагалось, с одной стороны, зафиксировать эти нарушения вообще в цехе, в бригаде (нарушения, случающиеся с другими) и, с другой — нарушения, в которых участвует сам опрошиваемый (случалось с самим).

Что же показал опрос?

Во-первых, адаптация молодых рабочих на производстве сегодня осложняется рядом обстоятельств технико-организационного характера: простои, штурмовщина, технологические и организационные неувязки. При этом подобные производственные огрехи касаются многих молодых рабочих (простаивают 40,6 процента, «вытягивают план» в конце месяца 21,1 процента).

Во-вторых, нередко случаи, когда администрация предприятий использует начинающих производственников на различных вспомогательных работах, не имеющих прямого отношения к их профессии. Конечно, речь идет здесь не о той степени загрузки, которую несет чеховский Ванька Жуков. Однако проблема эта пока еще остается нерешенной.

В-третьих, почти каждый десятый молодой рабочий сознался в том, что с ним были случаи неподчинения распоряжениям мастера, бригадира. Весьма симптоматичный показатель демократиза-

СМЕНА

Работа как дело жизни

ции производственных отношений рабочих разных поколений, рабочих и администрации. Но одновременно — это своеобразное спекулирование молодыми рабочими на хорошем, благожелательном отношении старших.

В-четвертых, по действующему законодательству появление работника на производстве в нетрезвом виде может служить достаточным основанием для его увольнения с работы. В ответах на анкету почти каждый третий молодой рабочий отметил, что он фиксировал в своем коллективе это грубейшее нарушение. Более того, 4,3 процента опрошенных сочли возможным сознаться, что подобное отклонение от трудовой дисциплины было и с ними. Что стоит за этим откровением? Общая ослабленность трудовой дисциплины в коллективе, всепрощение и опять же элементы спекуляции, о которых мы уже говорили выше.

Список подобных выводов можно было бы продолжить за счет анализа других отклонений от социалистических норм, правил, морали, бытующих, к сожалению, в некоторых коллективах.

Отношения, складывающиеся в коллективе, — это, естественно, результат воздействия многих факторов (производственных, организационных, психологических). Тот или иной социально-психологический климат коллектива, его традиции складываются годами, десятилетиями. При этом традиции, обычаи — весьма стабильные и трудноподдающиеся изменению явления. И все же... Каждое новое поколение работников, вступающее в производство, призвано вносить новые элементы отношений, совершенствовать и развивать традиции старших поколений. И ответственность здесь оно не вправе перекладывать на другие плечи.

В одном из писем к своему сыну В. А. Сухомлинский заметил: «Призвание — это маленький росточек таланта, превратившийся в крепкое, могучее дерево на благодатной почве трудолюбия. Без трудолюбия, без самовоспитания этот маленький росток может засохнуть на корню».

Найти свое призвание, утвердиться в нем — это источник счастья».

В процессе адаптации молодого рабочего к профессии, к творчеству есть своеобразный «замкнутый круг». Чтобы стать хорошим специалистом своего дела, до тонкости изучить, полюбить его, необходимо творческое отношение к своей профессии, к своей работе. В то же время способность творить, рационализировать появляется у профессионально опытного работника, любящего свой труд, свое дело.

Кто из нас, особенно в детстве, молодости не завидует виртуозам-музыкантам: гитаристам, скрипачам, аккордеонистам... Игра для таких артистов — самозабвение, творчество, радость. Как легко им играть, как слушается их пальцев инструмент... Хочется тоже сесть и заиграть... Ан нет. Путь к творчеству нелегок. Любовь к инструменту, профессиональная легкость музыканта вырастают из долготренировки, порой изнурительных тренировок, нелегкого труда пальцев, рук, души. В ответ на это инструмент «дарит» человеку радость творчества.

Сам по себе труд, сама по себе профессия, специальность не является любимой или нелюбимой. Таковыми их делают для себя люди. Собственным трудом, собственными усилиями, собственной любовью, собственной верностью избранному делу. В ответ на это профессия тоже «платит любовью» своему избраннику.

орденов Ленина, Трудового Красного Знамени...

Светлана Любченко рассказывает о... неприятном.

— Помню, провожали мы молодых парней в армию, перештывались с ними. Обещали ребята, что вернутся только на свое производство, да не сдержали слова... Так уж ли редко бывает: поступает человек в училище, потом на завод, а лишь столкнется с первыми трудностями — ищет себе дело полегче? Поэтому не агитирую вас выбирать именно мою специальность — контролера. — прошу только лучше присмотреться, семь раз отмерить.

Тут нельзя не задумываться вот над чем. На таких встречах школьники видят наших питомцев при орденах и медалях — в парадной форме, а не в рабочей спецовке. Поэтому, может быть, не всегда правильное представление получают о человеке труда: будто стоит только поступить в училище — награды и слава обеспечены.

Слышу оживление в группе десятиклассниц: «Девчата, запишемся сюда, здесь вы как же ордена дают». Хорошо, если шутят, а если и вправду такое облегченное представление о рабочей жизни? Мария Усова, аппаратчица высшей квалификации, приглашает школьников в свой цех. Я знаю, что она им покажет: сложное автоклавно-отделение, технологично консервирование, правила работы на аппаратах под давлением, процесс стерилизации — и еще множество вещей, составляющих ее непростую профессию.

...День открытых дверей в училище выдался в праздник. Но за каждым праздником, как известно, следуют будни. Наши будни — это тесная связь с подшефными школами, базовым предприятием. Наша цель — помочь новичкам быстро войти в коллектив училища, дать возможность раскрыть свои способности и таланты. Одним словом, хотим, чтобы каждый начинающий всегда чувствовал дружескую помощь старшего товарища.

Леонид ПЛЕШАКОВ.
Фото
Владимира ВАСИЛЬЕВА

...Не было погоды и на следующее утро.

Около семи Валентин Парфенов, командир экипажа Ми-8, ушел за метеосводкой и, вернувшись минут через десять, прямо с порога бросил:

— Отдыхаем до двенадцати. Облачность — сто тридцать метров.

— Опять вынос? — не столько спросили, сколько прокомментировали сообщение командира Юрий Чужаков и Юрий Александров, второй пилот и бортмеханик.

— Опять он!
Тут даже я, временный обитатель этой комнаты, понял, что и сегодня мы никуда не полетим, что объявленный до полудня перерыв затянется на целый день, как было и вчера, и позавчера, и всю прошлую неделю. Где-то над Якутией зародился циклон, и туда, в область низкого давления, с Охотского моря устремился влажный воздух. Вынесенный на сушу, он прижимался к земле мгlistыми облаками, которые, уходя на запад, выпадали по пути не то мелким ленивым дождем, не то сгустившимся до водяной пыли туманом.

В полдень на метеостанции запустили зонд. При полном безветрии шар поднялся почти вертикально, а где-то в полукилометре словно растворился, коснувшись нижней кромки свинцового неба. Такой высоты нам все равно мало: лететь-то в сопки.

Ну что ж — снова придется ждать. Тут, на Севере, из всех человеческих качеств, пожалуй, наипервейшее — умение ждать.

К вечеру стало раздувать. С темной в разрывах облаков заискрились первые за неделю звезды. Ночью небо очистилось полностью. И когда в семь утра Парфенов, как обычно, ушел на метеостанцию за сводкой, Чужаков и Александров, не дожидаясь его, начали собираться в дорогу; в окно било яркое солнце, самый достовернейший из прогнозов.

Час спустя, наскоро позавтракав,

оформив нужные документы и составив маршрут, взлетаем. На бреющей высоте проскакиваем устье Кухтуня и минут через пять садимся на галечную косу на окраине Охотска. Здесь мы берем на борт детского врача Марию Владимировну Шушпанову и фельдшера Людмилу Ивановну Перминову, снова взлетаем и ложимся курсом на запад, в сторону вот тех сопек, что золотятся уже тронутую осенью лиственничной тайгой.

Наш рейс — в оленеводческий колхоз имени XX партсъезда. Задача: собрать школьников, которые во время летних каникул кочевали со своими родителями вслед за оленьими стадами по лесотундре, и вывезти их в интернаты Охотска, Арки, Нового Устья. Завтра — первое сентября, начало учебного года. Ребятам пора за парты.

Наши полуптицы осматривают ребятшек дошкольного возраста, сделают необходимые прививки, проконсультируют матерей. О рейсе оленеводы предупреждены по радио. Нас ждут.

Угодья пяти бригад колхоза раскинулись на сотни тысяч гектаров тайги, лесотундры и тундры, где круглый год пасется главное богатство артели — двадцать одна тысяча оленей, животных неприхотливых и капризных одновременно. И зимой и летом, живя под открытым небом, олень довольствуется тем пропитанием, которое дает не особенно щедрая на разносолы северная природа. Беда только, что любому корму он предпочитает ягель, а этого мха, богатого всем, что необходимо, в тундре не так уж много. Вот и приходится оленеводам кочевать с места на место в поисках новых пастбищ. Технический прогресс, достигнув колоссальных результатов в освоении Севера, оказался бессильным перед привычкой оленя, которая продиктовала уклад жизни людей. Пастух вынужден вести одновременно кочевой и оседлый образ жизни, жить на два дома. Один, капитальный, в поселке, где есть все, что положено современному человеку: клуб, больница, школа, магазин. Второй — чум или палатка на пастбище. Обычно в одном месте располагаются две-три пастушеских семьи. Летом такие «поселения» вырастают за счет школьников, которые по окончании учебного года отправляются к родителям и все лето постига-

ют мудрость нелегкой профессии оленеводов, а к осени пускаются в обратный путь — в школы.

Гарантированное Конституцией право на всеобщее среднее образование распространяется на любого гражданина страны, достигшего школьного возраста, независимо от того, живет он в столице или в тундре. И государство, стремясь одновременно сохранить традиционную для Севера отрасль хозяйства и в то же время дать детям оленеводов необходимое образование, взяло на себя все заботы, связанные с обучением и воспитанием молодого поколения. Пока родители находятся на пастбищах, дети пастухов живут в интернатах.

Интернат — это одновременно и школа и дом в самом обычном понимании этого слова. Тут дети учатся, занимаются спортом, спят, ходят в столовую. Знания, которые получает воспитанник интерната, дают ему возможность выбрать в будущем любую профессию, которая окажется по душе. Привычный с детства уклад жизни заставляет останавливаться на тех специальностях, которые наиболее потребны на земле предков: учитель, зоотехник, врач, ветеринар, оленевод. Но до того времени столько воды утечет. А сегодня им нужно просто лететь в школу, кому в первый класс, кому в десятый...

Через полчаса садимся в Арке, центральной усадьбе колхоза. Быстро загружаем застрявшие здесь из-за непогоды двухнедельные пачки газет, журналов, посылки.

Вокруг вертолета народ. Подают сумки, авоськи, узелки с бирками, на которых указано, где и кому мы должны их передать. Это для нас Арка — край земли; для тех, кто кочует с оленями, — ближайшая столица, откуда с нетерпением ждут гостицы.

Все берем, только побыстрее.

С нами летят заместитель председателя колхоза Григорий Соколов и заведующий оленеводческой фермой Алексей Андреев. Пользуясь удобным случаем, они хотят посмотреть, как идут дела в стадах. Одновременно будут нашими проводниками.

Снова посадка. В нескольких палатках под лиственницами живут две семьи. Пока Мария Владимировна и

Людмила Ивановна угощают малышей витаминами, колют тех, у кого еще нет прививок, мы выгружаем адресованную сюда почту, помогаем разместиться в вертолете Оле, Вале, Васе Осениным и Оле Андреевой, школьникам от третьего до девятого класса, которым надо вернуться в Арку. В интернат они приваляли таежные гостицы: банки с голубикой и брусничкой, мелкие кедровые шишки.

Переваливаем в соседнее ущелье, и все повторяется: посадка, раздача почты, прививки, взлет. Потом снова и снова. Скоро у нас уже полтора десятка маленьких пассажиров. Пора в Арку.

А потом мы помчались в другие стада, и опять взлеты-посадки, выгрузка почты, прививки, и снова школьники с рюкзаками, сумками, с банками таежной ягоды. Странно, что некоторые из них ни разу не видели «живого» паровоза, хотя вертолет для каждого — привычный вид транспорта. В дорогу они пускаются спокойно: не в первый раз расстаются с родителями до следующего лета.

Хоть и поется, что олень лучше и паровоза, и паровоза, и самолета, вертолет в здешних местах все-таки быстрее и надежнее оленя. Наши провожатые еще мальчишками тоже кочевали за стадами со своими родителями-пастухами. Пришло время учебы, они целыми зимами жили в интернатах, а после учились в институте, только на лето возвращаясь в тайгу и тундру. Тогда на дорогу от поселка до стада уходили дни, так как преодолевать ее приходилось пешком или на оленях. Может, оттого врезались в их память эти бесчисленные ручейки и речушки, горные болота и озера, усыпанные полчищами перелетной птицы, что нелегко достались тогда им эти километры? Нынешним школьникам проще: полчаса полета — и ты с мшистых пастбищ оказываешься в поселке, в родном интернате, где парты пахнут свежей масляной краской, а на доске мелом выведено: «С новым учебным годом!».

В тот день молодежный экипаж Валентина Парфенова налетал 1400 километров. Семнадцать взлетов, семнадцать посадок. Был обычный рабочий день.

В ШКОЛУ на вертолете

«ШКОЛЬНЫЙ» РЕЙС.

ЭКИПАЖ ВАЛЕНТИНА ПАРФЕНОВА
НА МАРШРУТЕ.

Надежда
КОЖЕВНИКОВА

ТЕЛЕПАТИЯ

РАССКАЗ

Пржив три года в законном браке, счастливо и благополучно. Оля и Толя как-то обнаружили, что способны угадывать мысли друг друга, думать одновременно не только об одном и том же, но даже в тех же самых выражениях, одинаковыми фразами. К примеру, сидят они за ужином у телевизора молча и вдруг хором произносят: «Молока бы...» Обрывают сами себя, переглядываются и начинают смеяться. А правда, разве не смешно, не удивительно, что одновременно обоим пришло в голову: молока бы надо купить?

Совпадение? Но совпадения такие чуть ли не на каждом шагу случались. В метро, допустим, едут, в гостях сидят и выпаливают начало фразы, точно по сигналу, вместе — ну, просто готовый цирковой номер.

«Фантастика!» — ахала Оля с восторгом. Но Толя, более трезвый, более сдержанный, объяснял: «Ничего, собственно, странного. Вполне даже закономерно. Во всем у нас с тобой гармония, и как следствие этого...»

«Ну да! — Оля его перебивала. — У Флакончиковых тоже гармония, а с ними такого не происходит, нет. И не убеждай. Что-то в этом есть, о чем мы даже не подозреваем...»

Оля отличалась тем, что наслышана была обо всем, но все сведения ее были неточны, что, впрочем, отнюдь ее не стесняло, а давало вовсе разыграться воображению.

Стекло, бетон, и пластик, и хрупкие на вид, но, безусловно, прочные лестницы, причудливо оплетающие внутренность Института красоты, и вестибюли, похожие на залы ожидания в аэропортах, где, так же как в аэропортах, сидели терпеливо люди, желающие обрести красоту, изменить природную форму носа, ушей, челюстей, готовые ради все той же красоты на любые жертвы, — вот тут и несла свою трудовую вахту Оля либо с восьми утра до трех дня, либо с трех до восьми вечера.

Она сидела за маленьким, уютным столиком, расположенным на стыке просторных коридоров, вела записи, отвечала на телефонные звонки, и должность ее называлась «старший администратор», хотя младших администраторов в штатном расписании и не было.

Рабочий ее стол из светлого полированного дерева помещался на двух тумбах, а между ними открывалась как бы арка, в которой, точно в специально обдуманной раме, на всеобщее обозрение выставлялись Олины ноги поразительной стройности. Ноги эти своей вызывающей обольстительностью контрастировали с сурово-надменным выражением Олиного лица, каковое она старательно удерживала в течение всего рабочего дня.

Зато вне работы лицо ее вновь обретало свойственную ему улыбку.

Направляясь домой — а случалось это либо вечером, либо в середине дня: смотря в какую смену она заступала, — Оля ощущала на себе будто легкое прикосновение заинтересованных чьих-то взглядов, забавляющих, радующих ее, как радуется солнечное тепло, и в этом она находила для себя вознаграждение за многочасовое сидение в институте, коллектив которого в основном состоял из женщин, и

посещали его в основном женщины, там царили женские интересы, женские проблемы обсуждались, решали их тоже женщины — а тут, на улице, в людском потоке, замечалось, что и мужчины, оказывается, на свете не перевелись.

Дома же Олю ждал самый надежный, самый лучший на свете мужчина. Сознание этого внушало ей уверенность, и оно же придавало ее взгляду оттенок снисходительной насмешки — так она взирала на встречных мужчин, поддразнивая их как бы, но сама, ей казалось, пребывала в полной безопасности, ибо никакое искушение не могло на нее подействовать, коли был с ней рядом такой замечательный муж.

В самом деле, что могло ей угрожать, какие такие нашлись бы для нее соблазны, когда каждое буквально мгновение она сознавала, в ком ее опора, в ком защита и как ей, вообще говоря, повезло, что встретились они с Толей, нашли друг друга — и не просто случайность ей в этом виделась, а некое счастливое знамение.

Да разве вот та же способность угадывать мысли друг друга, которую она про себя называла телепатией, не свидетельствовала о том же?

Так она рассуждала про себя, пока ехала в метро, а потом на двух троллейбусах с пересадкой по направлению к дому. Не забывая, правда, отметить, как поглядывает на нее брюнет в дублинке с противоположного сиденья и как, когда она вышла на нужной станции, тоскующим взглядом проводил ее.

«И пусть, и пусть», — усмехалась она про себя с ехидцей, точно бросала вызов. Поправила на шее платок не без кокетства, но соблюдая даже в этом движении, ей мнилось, интересы Толи: «Да, такая вот у него жена. Пусть завидуют».

Она собой ради него гордилась, гордилась как бы его гордостью. А что она могла в себе найти, помимо привлекательности женской, что как-то бы уравновешивало его ум, силу, мужественность, которые в ней вызывали такую за него гордость? Любовь, даже самая стойкая, ей казалось, нуждается в подтверждениях со стороны, в оценках окружающих, разумеется, лестных, обоснованных как бы вновь и вновь справедливость твоего выбора.

Вот, к примеру, ей было очень приятно, когда Толя к ней на работу заходил. Ее сослуживцы сообщали вроде без всякой заинтересованности: муж твой там дожидается. И Оля с такой стремительностью, точно они год не виделись, бросалась к Толе и, издали еще завидя, любовалась им. Хвасталась: у многих в их коллективе вообще не было мужа, а уж такого, как у Оли, ни у одной! Ей казалось еще приятнее, что могут они оценить его только внешне, а главное-то в нем недоступно для них, понятия они не имеют, какой с ней Толя нежный, заботливый, какой мягкий, хотя с другими может быть крут.

Если бы знали... Тогда бы не спрашивали: а сколько он зарабатывает? Сердя Олю и принуждая ее от таких расспросов увертываться, потому что хотелось ей гордиться во всем своим Толей, а как объяснить, что он, такой образованный, получает лишь сто семьдесят рублей? Тогда ведь в глазах некоторых приятельниц счастье ее выглядело бы уже сомнительным, а Оля подобных сомнений, обидных, унижительных, ну просто бы не снесла.

Вот она кое-что и привирала, оберегая, казалось ей, Толю. Выдумывала

заграничные командировки, в которых он якобы бывал. Достанет, скажем, по случаю обновки, а после в кругу подруг роняет небрежно: муж привез из Брюсселя. Или отдыхали они с Толей этим летом в Сочи «дикарями»? а она сообщила: жили, мол, в ведомственном санатории.

Ну и что? У кого-нибудь от вранья ее убывало? Толя, разумеется, в такие мелочи не был посвящен. А «дикарями» они очень хорошо отдохнули. Оля считала совершенно искренне. В каком-нибудь там санатории, где все важничают, пыжата, может, она со скуки бы померла. Так что ее их жизнь вполне устраивала. Правда-правда. И она верила, что Толя у нее перспективный. Он столько книг «глотает», столько интересуется, что должно же наконец это куда-то вылиться, в какой-то результат?

Толя работал в издательстве, где выпускалась специальная научная литература. И во всех самых сложных проблемах он был сведущ, и авторы, такие солидные, приходили к нему.

Правда, Олю немножко кольнуло, когда она в первый раз к нему на работу зашла и увидела, как там тесно, столы какие обшарпанные, а у Толи — вот безобразие! — вообще места своего нет: то туда он присядет, то сюда, с рукописями толстенными, а его сгоняют, и он, ничуть не протестуя, другое место ищет. Будто так и надо. А шум, а колготня... Да Оля ни за что в такой обстановке работать бы не стала! У них в институте порядок, идеальная чистота, и цветы повсюду в низких плосках, «икбана» называется.

Нехорошо, несправедливо. Вуз закончить — столько экзаменов, столько нерво-трепки! — а после такой маленький оклад получать. Зато, правда, перспектива...

Все это любопытствующим, жадным до сплетен сослуживицам объяснять? Да лучше и не вводить их, так сказать, в курс дела, чтобы не захватили они своими пальцами то, что Оля с Толей должны сберечь. А то стали бы хихикать, жалеть притворно: «Ну, милая, и нашла ты себе мужика! Тебе еще до-о-олго с ложечки его кормить придется, пока он на ноги встанет. А если и встанет когда, ты-то уже не та будешь. Бегут годочки, и не опомнишься. Он только солидность обретет, а ты, лапушка, уже бабушкой окажешься».

Нехорошие разговоры между женщинами случаются, мужчина и тот покраснел бы. А они с хиханьками да с хаханьками так просто про жизнь рассуждают. Не все, конечно. Некоторые. Но их голоса почему-то слышнее, почему-то с особым вниманием их слушают.

Наверно, сама обстановка на Олиной работе подобным разговорам способствует. Женщины красоту здесь свою лелеют, холят. А для кого? Понятно, для мужчин. Молодыми подольше выглядеть хотят. Молодость, выходит, ценнее всего. И даже если ты пока молода, тревожно как-то становится, что тоже состаришься — и не успеешь, упустишь. Что? Трудно даже ответить, но очень беспокойно начинаешь чувствовать себя.

Разные приходят в институт клиентки, по-разному выглядят. Но и тут как бы с ног на голову все поставлено: пустельги, ничего из себя не представляющие, прямо-таки пьшут довольством, благополучием, а женщины, скажем, доктора наук или даже известные артистки, приползают как заезженные клячи и все нервничают, все куда-то торопятся — взглянешь и подумаешь: а завидовать-то нечему.

Конечно, Оля таких женщин уважает, но почему же несправедливо так? Почему те, кто никчемности своей должен был бы стыдиться, такими гордыми выглядят, а те, кого действительно есть за что почитать, жмутся как-то, и глаза у них от забот жухнут, и вид усталый, вымочаленный.

Вроде бы непьющая у Оли работа, а вот за день наглядись, послушаешься — и безрадостно, муторно становится на душе. Мастерам — тем легче. Они ремеслом своим озабочены, у них конвейер, одна клиентка следует за другой: физически устают, и уже нет сил думать. А Оля, она что — наблюдает. Сидит, как страж, на своем посту. Вроде самая главная и вместе с тем самая ненужная. И всякие мысли начинают прокручиваться в голове.

И хорошие, чистые — о Толе.

У них однокомнатная квартира в пятиэтажном блочном доме. Никого из своих сослуживиц Оля ни разу не приглашала туда. Зачем? Чтобы разводить сплетни? Чтобы хихикали, подсмеивались? Нет, она не станет так просто подставляться. Самой Оле нравится их с Толей дом. Удобно, уютно, хотя, конечно, зависит, с какой колокольни глядеть. Если считать, что только югославский гарнитур в современной квартире уместен и только хрустальная люстра достаточное освещение дает, тогда одно дело. А если для самих себя, а не в расчете на важных гостей благоустраивать свое жилье — в таком случае можно считать, что у Оли с Толей вполне даже мило.

Мило... Оля открывает ключом входную дверь: а если ты сразу с двух пытаешься глядеть колоколен? То есть не пытаешься, да получается так. Поправляешь у порога сбитый коврик, оглядываешь привычное, и вдруг неловко становишься тебе, будто из-за твоего плеча выглядывают важные гости и качают с сомнением головой...

Оля где-то прочитала или услышала, будто истинная прелесть женщины в том, что она сама своей прелестью не сознает. Оля не раз потом об этом задумывалась: правда, в самом деле? Вглядывалась в свое лицо в зеркале. С интересом и вместе с тем как бы даже недружелюбно. Завидую будто себе, пока еще молодой, воображая, что уже стареет.

Не сознавать своей прелестью? Тогда осознать, когда уже исчезнет она бесследно? И только останется кусать локти и завидовать чужой молодости?

Насупленно, с обидой Оля наблюдала себя в зеркале. У них в институте повсюду были зеркала. Округлые, квадратные, а кое-где в сплошную стену. Идешь и всюду встречаешь себя. Идешь, и вместе с тобой твое отражение движется. Неотступно. Неотвязно. Везде ты, везде ты! Точно предостерегает тебя от чего-то собственного отражение, и искушает, и соблазняет вместе с тем...

Если прелесть свою не должно тебе самой сознавать, так пусть другие ее оценят. Признают откровенно. Откровенно выскажут. А то что в самом деле эти робкие, трусливые взгляды, бросаемые на тебя, точно ты — торт в витрине, а магазин на обеденный перерыв закрыт.

Каждый раз, каждый день проход по проспекту от дверей Института красоты к метро, точно на подиум сходишь, под перекрестом взглядов оказываешься, тебя оценивают, тебя обсуждают...

В современной жизни женщина слабо защищена замужеством и не обременена им особо. С девяти утра и до шести вечера муж находится в своем окружении, среди своих дел, своих забот, а существование его половины движется совсем по другой орбите. Когда орбиты их соприкасаются, за вечерним, скажем, чаем, замечается иной раз, что успели отвыкнуть друг от друга супруги. Отвыкнуть может, все же лучше, чем надоесть, но и в том и в другом состоянии есть общая примета, общий знак: равнодушие.

Объяснение ему — усталость, объяснение и в будничности, ежедневной повторяемости движения, жестов, слов. Как это оживить, обновить, расцветить празднично?

Оля убирает посуду со стола. Толя программу «Время» досматривает. Встает, собирается открыть холодильник. Оля ему бросает: «Кефир я уже налила. Вон на

тумбочке, возьми». — Ну дела! — смеется Толя радостно. — Успел только подумать — действительно тепелатия! — Тепелатия, ага! — вяло повторяет Оля за ним.

...Когда она переодевалась в подсобке, доставала из узкого своего шкафчика нарядные туфли, душилась, глаза подмазывала, только еще четвертый час был, она первую смену отработала, и никаких в ней не возникло угрызений, все голод, можно сказать, заслонил: в семь утра позавтракала и ничего после перехватить не успела — так хотелось есть! Ну вот, говорила себе, и пообедаю. Что особенного? Пообедайте уж нельзя! В конце концов цивилизованные же люди.

Хотелось есть и тем более хотелось в ресторане, чтобы с готовкой не маяться, посуду после не мыть. Когда она с Толей в ресторане-то была, а? Да она бы и не позволила ему туда себя вести, деньги семейные проедать, еще чего не хватало! А так — другое дело. Ну посидят, поговорят, улыбнется она, если уж нравится ему, когда она улыбается. Жалко, что ли?

И все же чуть-чуть она суетилась, чуть-чуть ощущала неловкость и сама же отмахивалась, сомневаться себе запретила: что думать о таких пустяках!

Договорились встретиться в музее, в котором она, к стыду, и не была. Может, неловкость ее еще и тем объясняется, что не знала она, где главный тут, а где служебный вход: у него не стала подробно выспрашивать, чтобы не догадался, что она в музее этим в жизни не была.

Теперь стояла и маялась: а вдруг не здесь? Оглядывалась с беспокойством, не потому вовсе, что так уж ждала свидания, а не хотелось просто оказаться в дураках. И завидев его, наконец, в толпе, переходящую улицу, вздохнула облегченно, улыбнулась, заспешила навстречу. Без всякой задней мысли, забыв об осторожности, о правилах в отношениях подобного рода. Собственно, в правилах таких она не была, признаться, искушена.

Взгляд его дал ощутить ей новое, странное удовлетворение. Взгляд ценителя, знатока, выражающий восхищение. В той самой мере, чтобы не показаться смешным, но и дать ей почувствовать себя польщенной.

И она оказалась польщена. Позволила взять себя под руку, покровительственно, властно. А в неудобстве позы, навязанной им, — рука к руке, плечо к плечу — не его обвиняла, а себя, свою дурацкую застенчивость.

Она осуждала себя за недостаточную раскрепощенность. Злилась на себя. Зачем раскраснелась? Зачем отвела глаза, когда он ее спросил: где будем обедать? Она промямлила: да все равно, где скажете...

Дура и дура. Он-то был прост, а она держалась так связано, неловко, что получалось двусмысленно.

Ну да, робела. И даже забыла, как хотела только что есть. Ощущение голода представлялось оправдывающим, спасительным, теперь же она растерялась.

Вот вырваться бы, ничего не объясняя, вскочить в троллейбус, примчаться домой, съесть, пусть даже на ходу, пусть всухомятку, бутерброд — и все. И тогда зачем? Ничего не надо.

Он вышел к обочине, поднял руку, остановил такси. Машина мгновенно притормозила. Как ловко, легко у него получилось! Что, значит, пожелал, то в руки и плыло. Она поглядела на него уважительно и вместе с тем как бы с опаской.

Сели. Вальянность, с которой ол в машине расположился, оставив достаточное расстояние между собой и ею, она не расценила его деликатностью, сколько самоуверенностью: он не спешил, он наперед то, казалось, видел, о чем ей лучше было и не подозревать.

И она пожелала себе не терять бдительности. Сказала мысленно, точно проверяя посты на сторожевых башнях: я молода, а он не молод; мне он безразличен, а я ему нет; он много на свете повидал, а я только жизнь начинаю. Вот. Пусть и выкладывается, а я посижу, погляжу...

Говорила она с собой тоном капризным и избалованным, а держалась, как заяц, повстречавший серого волка в лесу. Заискивающе и с признательностью будто, что волк сразу не слопал. «Спасибо, спасибо», — когда он дверь перед ней распахнул, когда пальто принял, когда великодушным, царственным жестом пригласил пройти в зал.

Есть не хотелось. Странное дело, подумала она, с ее-то вообще аппетитом, когда она сковородку картошки могла накрутить, и Толя еще удивлялся, как это при ее субличности в нее столько влезает, почему сейчас, ну, нисколько есть не хочется, хотя все вроде располагает, все так и рассчитано, чтобы от воображаемых лакомств выделялся уже желудочный сок.

А у нее из рук выскальзывает глянцевая карточка с наименованиями разных блюд и разных вин, и Сергей Волк глядит терпеливо, покорно, будто надел овечью шкуру и вообще даже вовсе он и не волк.

Если честно, он ей интересен. Интересна его судьба, его жизнь, о которой она толком ничего не знает, и с удовольствием выслушала бы все, что он захотел бы рассказать.

У него умное лицо с чуть запавшими щеками, серьезные, внимательные, немного печальные глаза. Все вещи, что находятся у него под рукой, и те, что на нем надеты, первосортны, и она это потому отмечает, что привыкла предполагать: первый сорт ни в чем никогда без усилий, без затрат не дается. Значит, он заслужил, коли пользуется. Вот бы и рассказал.

Но она понимает подспудно, что не возникает в нем ответного интереса к ее жизни. Она почти готова с ним согласиться: в самом деле, ее жизнь не столь значительна, можно считать. И все же обидно, все же она протестует, ведь если отсутствует к ней человеческий интерес, так даже оскорбительно, а?..

Ненужные, конечно, мысли. Какие у нее могут быть к нему претензии? Ни о чем серьезном между ними и речи нет. Только ведь она, как всегда, рассуждала: все оправдано, все дозволено, если в отношениях мужчины и женщины как бы предполагается, брезжит, так сказать, возможность брака. Даже самые разудалые ее подружки, как бы ни хвастались своим весельем, на самом деле замуж хотят. Или хотя бы найти мужа получше. Будто бы развлекаются, а сами-то обольщают, соблазняют — стараются, иным словом. Разве женщине надо просто так, без цели пить вино, хотеть до ломоты в ребрах, портить цвет лица куревом? Женщина притворяется...

— Бифштекс натуральный, цыпленка-табака или, может быть, рыбу? — спрашивает ее Сергей Волк.

— Все равно. — Она отвечает таким тоном, будто решила вступить за всех женщин, будто за всех обиженных женщин рассердилась сейчас на него.

Он улыбается, словно прощая внезапную ее агрессивность и находя ей свои оправдания.

Собственно, продолжает думать она, чего ему не хватает? Что он свое время с ней тратит? Занято, солидные, умница, а пустячные разговоры готов с ней вести. Или упустил что-то в молодые годы, что наверстать теперь хочется?

Ей его жалко. Серого Волка. Что же в жизни не удалось ему, отчего он и сейчас мечется, суетится, время свое драгоценное тратит и силится сейчас вот подладиться как-то к ней?

И тут он, ну совершенно некстати, руша возникшее в ней к нему сочувствие, берет

ее руку, прижимает к губам. Она еле сдерживается, чтобы не отпрянуть. Бывает, люди говорят и ничего друг о друге не понимают, оглушаются словами, теряют всяческое чутье в словесном грохоте. Но и молчание, значит, пониманию мало способствует. Один молчит о своем, и другой молчит о своем. А начинают после паузы говорить и, точно сослепу, врезаются в стену. Молчали-то о разном.

У Оли есть свойство: когда она не может в себе разобраться, не знает, что надо предпринять, то призывает в помощь темное свое суеверие. Загадывает, к примеру, сидя в троллейбусе: если зеленый светофор зажжется, мол, так сделаю, а если красный, то эдак. Или, находясь в институте на сторожевом посту: если первой подойдет молодая клиентка — такое решение, а если пожилая — эдакое. И вообще, надо сказать, даже при таком, мягко говоря, неглубокомысленном подходе к жизненным ситуациям в судьбе ее не случилось ничего катастрофического. Потому, наверно, что не возникло еще таких обстоятельств, когда действительно от выбора Оли нечто серьезное зависело.

Так вот и теперь: она сидит спиной к портье, из-за которой появляются официанты с подносами. Сидит и терпит: руку ее легонько поглаживает Серый Волк. Оля говорит себе: досчитаю до десяти, и если официант у нашего стола окажется, тогда...

Уж с самой собой она честной хочет быть, считает до десяти не торопясь, в ритме секундных стрелок — но уже как будет, так будет, Оля себе говорит.

И официант появляется. Оля взглядывает на него недоуменно и жалобно, как на вершителя судеб. Официант, щеголяя своей ловкостью, открывает бутылки, расставляет тарелки. Серый Волк выпускает Олину руку, и она вздыхает облегченно.

Хотя, впрочем, чем уж Серый Волк плох? И из многих-многих хорошеньких девушек он выбрал именно ее, Олю, в ресторан пригласил, сидит вот сейчас с ней. А, наверно, у него дел важных! И вообще столько нужно преодолеть, столько каверз, препятствий, сложностей, прежде чем достигнешь уровня, обеспечивающего безупречность, качественность, первосортность всего, что окружает тебя. У Серого Волка безупречный, в косую полоску галстук, безупречный серый костюм, ботинки первосортные из мягкой матовой кожи, так почему бы ему и спутницу не выбрать соответствующую для посещения, скажем, ресторана? Имеет право, черт возьми! Оля съедает кусочек северюги, сухим вином запивает, и вдруг такая мысль к ней приходит: «А что? А я тоже неплохая вещь!»

И вовсе ей даже не обидно. Ну нисколько. Она радуется — сама придумала! И как-то сразу объяснилось все. Сидела, маялась, глупостями терзалась, а ведь все просто. В данный момент здесь, в ресторане, не она, Оля, с Серым Волком сидит, а как бы качественное, продуманное во всех деталях, первосортное изделие.

Серый Волк поднимает бокал, начинает говорить цветисто, пылко. Оля слушает, стараясь не вникать, не морщиться внутренне от его фраз, приторно-пышных, но в той игре, определение которой она, ей кажется, наконец-то нашла, и фразы, пожалуй, как раз такие требуются, и такой вот Олин хохоток, поощрительно-глуповатый — она смеется и старается не слышать себя...

— Нет, — говорит она. — Не надо меня провожать. Сама доеду. Ну, я же сказала!

Она раздражена и раздражения своего не скрывает. Ей вообще уже нет нужды что-то скрывать. И, наверно, от этого так пусто.

Серый Волк до метро с ней дошел. Она толкает стеклянную дверь, уходит, не оборачиваясь.

Поздно. Час пик схлынул давно, и в вагонах полно свободных мест, и просторно на эскалаторах. Оля смотрит прямо перед собой, будто ничем вокруг не интересуясь, но на самом деле и как-то даже помимо воли, от себя самой таясь, жадно впитывает лица людей. Лица влюбленных.

Их, оказывается, много! Склоняющихся друг к другу, бормочущих что-то ласково, точно они в лесу, в пустыне вдвоем, и никто их не видит, не слышит... Паренек в кепке гладит волосы девушки, стоящей с ним рядом в вагоне, и от блаженной, блуждающей его улыбки, бережных, боязливых как бы прикосновений к голове подружки, похожей на серенького воробушка, у Оли в горле внезапно встает ком.

Эти двое почти ее сверстники, но у нее такое чувство, что в сравнении с ними она старуха. Она не просто им завидует — она завить готова, потому что все светлое, хорошее ушло, миновало в ее жизни. Улыбаться блаженно, смеяться правдиво, целоваться на эскалаторе, обо всем забыв, — никогда уже это не будет для нее доступно. Она состарилась преждевременно, а ее сверстники — те еще долго останутся молодыми.

Хотя что произошло? «Ничего не произошло, — говорит она себе упрямо и со злобой. — Па-а-думаешь!» Сует руки, сжатые в кулаки, в карманы плаща и решительно шагает к дому.

Нажимает звонок, долго, очень долго не отнимая от кнопки палец. Входит, не глядя на Толю, но, когда он к ней наклоняется, подставляет ему щеку. Идет на кухню и гремит там посудой. Ей нужны какие-то действия, и шум и громкий голос нужны, чтобы как-то хоть заглушить... Она открывает водопроводный кран, включает телевизор и, перекрывая дикторские сообщения, кричит Толе: — Ты ужинал?

— Конечно, нет! — отвечает он ей удивленно, появляясь в дверях. — Чего бы я стал без тебя ужинать?

— А... ну ладно. — Она произносит глухо, по-прежнему на него не глядя, но догадываясь о воинственном выражении собственного лица. Воинственность облекает ее сейчас всю, как доспехи, холодящие, царапающие самое нутро.

Толя присаживается к столу на табуретку. Стол шаткий, клеенка на нем выцвела. «Как все убого у нас. — Оля внезапно замечает. — Тесная кухня, дрянная мебель, старый-престарый телевизор». Она сама вдруг постарела, и вещи, ее окружающие, тоже как-то сразу поблекли. Она стремилась в свой дом как в укрытие, надеясь сразу утешение в нем обрести, но в ее отсутствие обстановка в доме будто изменилась. Такого разочарования она уже никак не ждала.

— Давай переставим стол к окну? — произносит она, приподняв лампу в виде керосинки. — Вот прямо сейчас, а потом есть съедем.

— Сейчас? — переспрашивает Толя и вдруг начинает хохотать. Неудержимо, непонятно, как сумасшедший.

— Что? Что ты? Что с тобой? — Оля глядит на него с тревогой, с ужасом, чувствуя, что сейчас вот равновесие потеряет, не сдержится, не сможет сдержаться. — Что с тобой? — Слова застревают, во рту сухо, голос сел.

— Ой, не могу! — продолжая хохотать, еле выговаривает Толя. — Ну чудеса, в самом деле чудеса! — Вздыхает, отпивает из стакана воды. — Понимаешь, как раз перед твоим приходом я подумал: а что, если стол передвинуть? Не веришь? Ну, честное слово! Клянусь. Действительно телепатия у нас с тобой!

— А!... — Оля опускается с ним рядом на табуретку. Ее не держат ноги. Слабость во всем теле и дрожь. — Ты об этом? Действительно. Телепатия, — бормочет она.

Телепатия... Она поднимает голову, смотрит ему теперь прямо в лицо. Пристально, изучающе и уже ничего не опасаясь. Без всякой боязни за него, за себя. Вот, оказывается, все как просто.

— Телепатия, — повторяет она машинально. — Да, да, телепатия.

Дмитрий ФИЛИМОНОВ

День счастья

*Засветило, заиграло!
Солнца много, грусти мало.
Посмотри, блестящий снег —
Золотое покрывало.
Солнца много, грусти мало,
Наслаждайся, человек!*

*Что заменит эти краски!
Были в сказке, будем в сказке,
Лишь бы солнцем день играл.
Днем атласным без опаски
Сбросим горестные маски.
Гляньте! Тысячи зеркал!*

*Снег играет, снег мерцает.
Счастье светит — горе тает.
Ныне праздник красоты!
Небо синью расцветает,
Небо сердцу обещает
И надежды, и мечты.*

*А за далью птиц мчится
То, что завтра совершится,
И поет: «Надейся, жди!»
Вечны радостные лица.
Мир смеется,
Мир лучится.
Счастье будет впереди!*

Сказка живет в человеке

*Я — верю! Я — верю!
В лесах темно-синих,
В зеленых зеркалах озер,
В излучинах рек
необъятной России.
В заснеженных
искорках гор
Мы с вами
не раз
повстречаемся с чудом,
Которое было и есть.
Мы звездами будем!
Мы птицами будем!
Русалок на свете не счесть.
Но что же поделать,
У нас, атеистов,
Меняется облик чудес.
Ковры-самолеты*

*теперь
для туристов.
На физика учится бес.
Волшебники скрытны,
Скромны домовые,
А леший
так просто труслив.
Жар-птицы сегодня,*

*как мы, деловые,
И варят варенье из слив.
Я лирике верю,
Полету фантазий,
Из радуг я строю мосты.
В столице, в Тюмени*

*и на КамАЗе
И дня не прожить без мечты.
Не верю кричащим
Об атомном веке,
В котором не место
душе!*

*Я знаю,
что сказка
живет в человеке,
Как лилии спят в камыше.*

Солнце бывает добрым

*Заболел каким-нибудь гриппом,
Мы врача вызываем на дом.
Нам чиханье и кашель с хрипом
Представляются сущим адом.*

*Мы лежим в удобной постели
И порой почти умираем,
Нам здоровье прошлой недели
В этот миг представляется раем.*

*Врач приходит в халате белом.
Стетоскоп из кармана вынул,
Он займется привычным делом,
У него это сотый вызов.*

*Он пропишет рецепт и тут же
Растворится в открытой двери,
Потому что он многим нужен,
Потому что ему — верят.*

*Как все просто, как ясно, люди!
Если мы заболеем тяжко,
Знаем: врач нас не позабудет,
Сердце доктора — нараспашку.*

*Почему же в одном из кварталов
В стоквартирном высотном доме.
У окна, вздыхая усталое,
Человек про себя стонет?*

*Он давно заболел. Очень.
На работу, однако, ходит.
Пунктуален в делах и точен,
Для любых поручений годен.*

*Заболел он давно и сильно.
По утрам сам посуду моет,
Как умеет борется с пылью,
Рассчитаться мечтает с молью.*

*Он купил на прошлой неделе
Полосатенького котенка,
В кухне около батареек
Он поставил ему картонку,*

*А в картонке лежит подушка.
И ногами на ней котенок
Слышит, как человек душно,
Как ворочается он спростонко.*

*Человеку не нужен больничный,
Он врача не вызовет на дом.
Он привык, для него обычно,
И мурлычет котенок рядом.*

*Солнце бывает добрым...
И человек верит,
Что однажды явится доктор,
Войдет и закроет двери.*

*Ласковым летом, помнится четко,
С другом я дрался из-за девчонки,
Оба хотели быть рядом с нею.
Драка решила... я был сильнее.
Очень влюбленным я оказался,
Я не касался — я прикасался,
Девичьи губы сердцем вдыхая,
Не пламеня — но полыхая.
Осенью ранней, помнится четко,
Дрался с судьбою из-за девчонки,
Дрался не в шутку и не робея.
Драка решила... я был слабее.*

Андрей КРАЙНИЙ,
лейтенант.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

НЕБО НА ЛАДОНИ

Мы сидим в слепой, без единого окна, полутемной комнате, но небо у нас как на ладони. Оно отражается на оранжевых блюдцах выносных индикаторов кругового обзора, извилистыми трассами вьется по расчерченному плексигласовым щитам планшетов воздушной обстановки. Ведь небо — это не только синий простор над нами, но и самолеты в нем. За без малого сто лет развития авиации они стали неотъемлемой частью воздушного колодца, на дне которого мы живем. Но не всегда самолеты летят с миром, иные — со смертельным железом. Поэтому Н-ское радиолокационное подразделение — одно из многих, которые стерегут небо.

Тренировка идет нормально: наматывают круги решетчатые локаторы, «процеживая» небо, как рыбацкие сети — море. Операторы станции, рядовые Виргиниос Норвилас и Назим Багратиони, сообщают вполголоса координаты целей. За желтыми, подсвеченными изнутри пятнами планшетов расплывчатые, неясные фигуры планшетистов. В зависимости от того, что сообщают операторы, они наносят стеклографами самолетные трассы на свои клетчатые от множества линий щиты. Работой операторов руководит передовой офицер — капитан Георгий Судзиловский. Пользуясь некоторым затишьем, я, пристроив блокнот на колене (здесь нет свободного места, у каждого из предметов, заполнивших командный пункт, свое, особое предназначение), беседую с капитаном.

— В нашей семье все военные: дед, отец, дяди. Так что проблем с выбором профессии у меня не возника-

ло... Нет, отец не служит. Он погиб в сорок четвертом. Так уж получилось, что я его ни разу не видел. Я в сорок первом родился, а он как раз на фронт ушел, добровольцем. Хоть и была броня у него, но сумел начальство упрямить, отпустили. Домой прощаться пришел уже в форме. «Не могу я, — говорит. — По улицам стыдно ходить, такая беда, а я тут отираюсь, здоровый молодой мужик. Ждите меня. Мне погибать нельзя, сына надо вырастить. Так что вернусь».

Не вернулся. Мы долгое время не знали, где его могила. Была похоронка, но затерялась. А когда я в Группе советских войск в Германии служил, то нашел могилу-то. Случайно. Поехали мы из части на экскурсию в Берлин. Пришли в Трептов-парк. Тут я от экскурсии отстал. В такое место надо приходиться одному. Иду аллеей, вдруг камень, а на нем надпись: «Григорий Судзиловский...»

ПВО означает постоянную готовность. Это значит, день и ночь, двадцать четыре часа в сутки войска должны нести боевое дежурство. Обжигающая дыхание зима сменяется дождливым, душным, с долгими серыми рассветами летом, прибывает и убывает вода в реках — воины-локаторщики несут боевое дежурство. Они люди, такие, как и все, и так же, как и все, имеют право на недомогание, плохое настроение и усталость. Но есть дело, которое в данный момент, на этом участке нашей большой границы, кроме них, не делает никто.

Слово «граница» я употребил не случайно. Есть границы сухопутные, есть морские, у них — воздушная, без контрольной полосы и пограничных столбов. Войска ПВО и в мирное время выполняют боевую

ИДЕТ БОЕВАЯ УЧЕБА.

задачу. И в этом есть, наверное, парадокс: войска, именуемые противозушной обороной, всегда как туго сжатая пружина. Мирные в общем-то войска, обороны ведь, не нападения. Но парадокс этот выдуман не нами. Не мы врываемся в чужой дом. Поэтому, чтобы был мир, надо учиться воевать.

И они учатся. До соляных разводов на гимнастерках заряжают остро отточенными ракетами пусковые установки стартовики, неся на своих крыльях гром, выстреливают в голубую высь истребители-перехватчики, на заснеженном Крайнем Севере и в среднеазиатских барханах, в российских просторах и болотистых лесах Белоруссии вращаются антенны локаторов — продолжение людских глаз.

Локаторщики — впередсмотрящие войск ПВО. Они обнаруживают противника, передают данные о нем на командные пункты зенитных ракетных полков, истребительной авиации. Во многом от них зависит мир в нашем небе...

НА ПОСТУ.

...Учение продолжается.

«По позиции подразделения «противник» нанес ядерный удар» — такова вводная, полученная из штаба. «Противник» условный, в кавычках, но все-таки мне становится как-то не по себе. Судзиловскому же на переживания времени не остается — надо действовать. Штаб определяет для нас зону зараженности, сообщает данные на КП. Я искренне сочувствую Георгию — этот «бой» должен вести командир, но он по замыслу посредника вынул из строя, и Судзиловскому приходится теперь «воевать» за него.

Он не теряет уверенности:

— Перейти на автономное жизнеобеспечение.

С грохотом захлопываются металлические двери. Мы отрезаны от внешнего мира. Там уже крутятся волчком смертоносные вихри, поднимая в воздух радиоактивную пыль, катится по земле все сметающая ударная волна.

Я слышу вой мин, грохот рвущихся снарядов. Галлюцинация? Тоскливый, душу выворачивающий вой, так хорошо знакомый по кинофильмам, заставля-

ет инстинктивно пригнать голову. Впечатление ошеломляющее. Что это?

Оказывается, Судзиловский включил фонограмму боя, записанную на магнитофон. Ну и шуточки! Потом я понимаю, это не шуточки. Такова методика учебы — все так, как должно быть в настоящем бою. И надо уметь не растеряться, сработать четко и быстро.

...Час от часу не легче. Дали команду: «Газы!» Операторы, планшетисты, все, кто находится сейчас на КП, натягивают противогазы.

Нанеся «ядерный удар» и полагая, видимо, что мы сломлены, «противник» бросается в атаку. Он закручивает в небе такие хороводы, что трассы на планшетах сплетаются в тугую клубок: где конец, где начало — не разберешь.

— Данные по цели номер... выдавать с повышенной дискретностью. — предупреждает операторов Судзи-

ловский и, перегнувшись через верткое, одноногое кресло, торопливо поясняет мне: — Цель скоростная, малоразмерная, она может выкинуть любой фокус.

Не успел он сказать это, как индикаторы кругового обзора заволакивает молочная пелена электронного тумана — перед тем, как рвануться через зону видения наших локаторов, «противник» пустил впереди себя активную помеху. Уйдет под ее прикрытием, потом гадай: куда он делся, что еще выкинет?

— Перейти на режим... — тут же, не задумываясь, командует оперативный.

Норвилас и Багратиони не глядя, на ощупь «играют» множеством тумблеров, кнопок, переключателей.

Как будто подул сильный свежий ветер и разогнал туман — исчезнувшая было цель снова видна. Она

«ЗДРАВИА ЖЕЛАЮ!»

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ.

СБОР.

уже сменила курс, прибавила скорость, но цепкие лучи локаторов вновь поймали ее и теперь уже не отпустят.

— Не уйдешь, голубушка, — с акцентом говорит Багратиони.

По всему чувствуется, что «противник» выдыхается. Он сделал все или почти все, что мог, чтобы проскользнуть незамеченным. Но локаторщики оказались на уровне. Правда, им приходится нелегко. Просто сидеть в противогазе — и то удовольствие маленькое, а тут приходится работать. И как работать!

— Цель номер... Азимут... Дальность... — вдруг начинает докладывать Норвилас.

— Откуда? — недоуменно спрашиваю я у Судзиловского.

Он отрывисто бросает:

— Потом.

«Противник» приготовил еще один сюрприз: имитировал конец воздушного налета, а в это время один ракетносоец крался — несмотря на его огромную скорость, другого слова не подберешь, именно крался под прикрытием отражений от местных предметов, насколько это было возможно, и сейчас, решив, что обманул локаторщиков, на форсаже стремительно набирает высоту.

Но и эта уловка не помогла: он был обнаружен и проведен без срывов, то есть операторы не выпускали его из поля зрения ни на одно мгновение.

...Вот и все. С вышестоящего КП по громкой связи дали отбой. Мы сдергиваем с потных, раскрасневшихся лиц липкую резину, выдыхаем застоявшийся в легких горячий воздух. Открываем двери. На улице вовсю бушует солнце, и яркий свет его режет глаза. Небо ясное и синее. Где-то вдалеке рокочет трактор, и мирный шум его мотора мне, не остывшему еще от «боя», удивителен и странен.

Судзиловский, прохаживаясь вдоль строя, проводит разбор. Тренировка закончена.

Далекие близкие

В дискуссии «Далекие близкие», которую мы открыли в начале года, уже приняли участие многие наши читатели. Их письма, заметки, очерки были опубликованы в предыдущих номерах «Смены». А отклики на материалы дискуссии по-прежнему обширны и интересны. Авторы писем высказывают разные точки зрения на причины ослабления родственных чувств в некоторых семьях, делятся своими размышлениями о причинах этого явления.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию еще два материала, присланных читателями. В них не делается окончательных выводов, но в них ставятся вопросы, над которыми, как нам кажется, следует задуматься.

Дискуссия «Далекие близкие» продолжается. Ждем новых откликов.

ССОРА

После службы в армии Игорь долго не мог определиться с работой: то коллектив его не устраивал, то зарплата.

— Женился бы скорей, что ли, — частенько журила его мать, — может, тогда поумнел бы...

Наконец, Игорь устроился на завод слесарем и одновременно поступил на подготовительные курсы в политехнический институт. Через год он стал студентом-вечерником. Мать радовалась: кажется, сын нашел себя. С увлечением рассказывал он о занятиях, вечерами подолгу сидел над учебниками, чертежами.

Как-то Игоря пригласил на день рождения однокурсник. Там он и встретил девушку, которую полюбил. Через год молодые сыграли свадьбу.

Кто бы мог тогда подумать, что именно это радостное событие — свадьба — станет причиной ссоры матери и сына.

Да, именно тогда все и началось. Родители Любы после свадьбы до копейки подсчитали расходы, и оказалось, что мать Игоря должна им около ста рублей. Сразу отдать такую сумму она не могла, все было истрачено, даже сберкнижки сняла деньги для сына. Через несколько дней после свадьбы к ней зашел Игорь (он жил теперь с женой у ее родителей).

— Ма, ты деньги за свадьбу когда отдашь? Побыстрее не можешь? — с наставлением в голосе спросил Игорь.

Мать взглянула на него, стараясь понять, откуда у сына такой безапелляционный тон. Но в ответ сказала тихо:

— Верну, сынок, на днях верну.

На следующий день мать заняла деньги у знакомых и пошла к родителям невестки. Сын был на занятиях, дверь открыл отец Любы. Слово за слово — завязался разговор о молодоженах.

— Живут-то они нормально, вот только никуда никуда у Игоря работа, — начала теща. — Приходит домой вечно грязный, в институт ходит усталый.

— Да, другую работу ему нужно, — поддержал Любин отец. — Я уже тут присмотрел кое-что. В деревне, правда, но с приличным жильем. Будет шофером, сможет в институт на машине ездить. И работенка не пыльная. При случае кому-нибудь грузик подбросит — вот и денжата лишние будут.

— Но ему же трудно с учебой, все-таки не ближний свет: из деревни в город мотаться, — возразила мать.

— Ничего, вытянет. Зато отдельно от нас жить будет.

Домой мать возвращалась расстроенная. «Неужели сын пойдет на поводу у этих людей? А вдруг институт задумает бросить? Пусть уж лучше живут у меня в однокомнатной квартире, если в трехкомнатной тесно».

Потом, встречаясь с сыном, она пыталась переубедить его, но все их разговоры на эту тему кончались одним — ссорами.

Почему так получается? — думала мать в смутной тревоге. Был маленьким, все лучшее ему отдавала, воспитывала и строгостью и лаской. Сын еще ходил в детский сад, когда на нее свалилось горе — умер муж. Через несколько лет она вышла замуж, ей хотелось, «чтобы у ребенка был отец». Но новый отец Игоря оказался пьяницей и, конечно, приме-

ром для него не мог быть. Мать одна поднимала сына, только о нем и пеклась... Теперь же, думала она, Игорь сам взрослый, пусть и решает, как жить.

Весной, бросив работу на заводе и став шофером, Игорь вместе с Любой переехал в деревню.

С каждой встречей мать чувствовала все большее отдаление сына. Игорь тянулся к Любину отцу, ему нравился этот человек, умеющий «добывать» деньги и по-хозяйски их использовать. Он и со стройматериалами молодым помог и теплицу смонтировал в огороде.

Новые заботы так закурили Игоря, что он не сдал в институте экзамены за второй курс, а потом и вообще бросил учебу. Теперь он ни мать, ни жену и слушать не хотел, опорой ему стал «отец».

«К чему тебе высшее образование, — говорил тесть, — когда деньги и так плывут: подвез какую-нибудь бабюлю на рынок с картошкой — червонец в кармане. А у инженера что, кроме оклада?»

Не могла мать закрывать глаза на то, как ее сын превращается в дельца. А тот отшучивался или обижался на «материны наставления». Тесть все чаще навещался к Игорю с бутылкой и приговаривал: «Ты мать не слушай, она женщина, ничего не понимает».

Однажды мать решила поехать к сыну и поговорить с ним начистоту. Войдя в дом, она увидела такую картину: за столом на кухне сидели Любин отец, Игорь и какой-то мужчина, все уже сильно выпили и развязно разговаривали. Любы за столом не было.

Мать стояла молча, не в силах произнести ни слова. Сын взглянул на нее и, даже не поздоровавшись, бросил:

— Не суйся, мать, не в свои дела. Чего ты так смотришь? Ну, починили мы соседу титан. Имеем право «обмыть» работу или нет?

Но больше всего ее оскорбили слова отца Любы, который закричал, чтобы она убиралась и больше здесь не появлялась, что она мешает им жить. Речь свою он пересыпал грубой бранью.

В последней надежде мать взглянула на сына, думая, что он остановит это надругательство. Но Игорь будто не обращал на нее внимания, ушел в комнату, не вымолвив ни слова в ее защиту.

Вернувшись домой, мать дала себе слово, что никогда не простит этого сыну. Через несколько дней он приехал к ней с женой, заявил, что тесть оскорблен ее вмешательством в дела их семьи. Того, что мать буквально за последние дни сторбилась и постарела, он не заметил. Или не хотел замечать.

Теперь они видятся очень редко. Игорь приезжает к матери только тогда, когда она сама его об этом попросит.

Мать мучает вопрос: кто же виноват в происшедшем? Почему сын так изменился в своем отношении к ней? Может, она сама в чем-то виновата?

А задумается ли когда-нибудь Игорь о собственной вине перед матерью, будет ли его мучить совесть, поймет ли он, как много седых волос прибавил ей?

Валентина КОРОЛЕВА,
г. Дмитров, Московская обл.

МАТЬ ДИ

У

важаемая редакция!

Хочу поделиться с вами несколькими жизненными впечатлениями, которые, как мне кажется, имеют прямое отношение к дискуссии «Далекие близкие».

Несколько лет назад оказался я в командировке в небольшом районном городке Т. Гостиница была крохотной, приезжего люда много, и я чуть не весь день убил на то, чтобы заполучить койку в общем номере. На следующее утро договорился с оказией поехать в один из дальних колхозов, но по дороге старенькая машина забарахлила, и, не доезжая километров пятнадцать до колхозной усадьбы, пришлось прощаться с гостеприимными работниками ветеринарной службы и идти своим ходом. Не прошел я и трех километров, как меня настигла туча, ударил неожиданный для сентября гром и полил такой хлесткий, ядреный дождик, что я, несмотря на свой непромокаемый плащ, вымок до нитки за несколько минут.

Надо ли описывать, как обрадовался я, завидев впереди деревенку. Постучался в крайнюю избу, рассчитывая подсушиться и переждать здесь часок-другой, пока не перестанет дождь, но небеса распорядились по-своему, дождь перешел в затяжной, мелкий, и мне ничего не оставалось делать, как просить у хозяев ночлега.

Хозяева были чем-то явно расстроены. У хозяйки не сходило с лица выражение глубокой обиды, хозяин, даже не поинтересовавшись, кто я, куда и зачем еду, ушел из избы и до самого вечера мастерил что-то в сенах. К ужину из горницы неожиданно для меня вышла невысокая, скуластая, похожая на хозяйку девушка лет восемнадцати. Все они молча сели за стол и, не глядя друг на друга, стали ужинать. Мне стало неловко от этого молчания, я попытался заговорить с девушкой, но она в ответ только вызывающе молчала.

— Из города сегодня приехала, — ответила за нее мать.

— На каникулы? — снова спросил я у девушки.
— Она у меня работает, — вновь ответила мать.
— Понятно! Картошку помочь выкопать?
— Проведать нас на денек приехала, картошку мы сами выкопаем, — все тем же тоном проговорила мать.

После этих слов дочь так же молча встала и ушла за перегородку. Родители огорченно переглянулись, я совершенно растерялся, мы молча дотыкали алюминиевыми вилками картошку со сковородки, так же молча мне постелили на диване, и я, поразмыслив на сон грядущий, что же за причина заставляет всех молчать, уснул под шумок ночного дождя.

Проснулся я под утро, разбуженный то ли ветром, то ли невнятным шепотом.

— Далась тебе деревня! — узнал я хозяйкиного голоса. — Летом пылица, комарье, весной и осенью грязь, зимой по неделе автобус не ходит, до клуба семь километров, до магазина — четыре. Нешто сравнить с городом? Там и кино, и театр, и асфальт везде, и вода в квартирах, носить не надо. Все в город рвутся, а ты назад хочешь. Ну что я видела в деревне, окромя фермы? Как меня туда девчонкой втянули, так до сих пор вырваться не могу. Ни выходных, ни дня, ни ночи... Давай, дочка, не ерунди, вставай, одевайся — и на автобус.

— Сама-то дня в городе выдержать не можешь, быстрее назад летишь!

— Ты же молодая, дочка! Привыкай!
— К чему привыкать... Девчонки курят, пьют, дерутся даже, около общегитити все время пьяные толкуются, пристают.

— Сходи в кино, на танцы. Лишнего не позволяй, а на танцы-то чего не сходить?

— Да ходила я!.. Парни в большинстве дикие какие-то... И не приглашают меня никто...

— Пригласят, не сразу... Нынче вот оденешься подороже, в шубу, заметят. Да, да, не смейся: куклу одень как следует, и та красивой покажется. Валька Агафонова чем лучше тебя? Уехала, а сейчас гляди, какая! Замуж выходит, жених на такси работает. Мало ли ребят и девчат в город уехали — и ничего, живут, домой не просят. Живут да родителей радуют. Нешто ты хуже? Господи, дочка, да весь город из деревенских состоит. Откуда, думаешь, городские взялись? Все из деревни!

— Вот-вот, может, все они там и живут через силу, как я, только не говорят никому. Я точно знаю, что все девчонки из нашей комнаты по дому скучают.

— Скучают да терпят!

Я ДОМА ПРЕСТАРЕЛЫХ

— Что ты зарядила: терпят да терпят! Ради чего терпеть? Чего вытерпишь? Какой радости?

— Ну, какая ты, дочка, слабая! Я всю жизнь думала: «Вот дочь у меня вырастет, отправлю ее жить в город. Мне, мол, тяжело было, ей будет легче». — Она помолчала. — Тянулись с отцом, шубу ей за триста купили, сапоги за сто двадцать, на фабрику устроили, а она вон чего — назад повернуть хочет! Да я, может, ночей не спала, думала, как ты в городе хорошо устроишься, как будешь с автобуса в деревню домой идти с мужем... Господи, ты подумай, чего про нас люди-то скажут? Скажут, Веркина дочь из города в деревню прибежала, коров с матерью доить будет... Не-ет, разве они сейчас о родителях думают? Они только о себе...

— Счастья-то ты мне хочешь или себе? Значит, ты хочешь, чтобы я там ревела в подушку, а ты тут хвасталась перед бабами: мол, Зинка в городе живет, в субботу домой приехать обещалась.

Наступила пауза, после которой долго и тихо плечут — горькую обиду выплакивают.

— Спасибо, спасибо, доча, — проговорила с горьким вздохом хозяйка спустя некоторое время. — Выходит, я тебе худа хотела. Эх, доча, доча... Я ведь все тебе... все. — Она всхлинула и высморкалась, как бы ставя этим точку в разговоре.

— Хватит вам шушукаться, слезомойки, — подал голос молчавший доселе хозяин. — Человека мне разбудите!

Шепот за перегородкой стал глуше, согласней. Минут через пятнадцать хозяйка поднялась, загремела ведром и вышла на улицу. Дождь, кажется, перестал. Вскоре поднялся и хозяин, согнал корову в стадо, принес дров и затопил печку. Встала и Зина. От вчерашнего настроения у нее не осталось и следа. К столу вышла принаряженной, с модной сумочкой и складным зонтом. Довольный хозяин накормил нас плотным деревенским завтраком и распрощался.

— Где хозяйка-то? — спросил я, передавая ей поклоны.

— На ферме, где ж еще, — ответил он. — Хотела дочь проводить, и то недосуг.

Не прошли мы и сотни метров по грязной, истерзанной тракторами дороге, как увидели Зину мать, бегущую от фермы к деревне. Маленькая, худенькая, как девочка, она долго и угодливо махала дочери рукой, торопливо вытирая набегавшие слезы, а Зина кричала:

— Иди домой! Иди домой, кому сказала?!

Чтобы отвлечь ее, я спросил, где она работает.

— На швейной, — ответила спутница.

— По дому не скучаешь?

— Еще чего! — резко ответила она. — По старикам-то?.. Да иди же ты домой! Вот дура!..

У развилки мы попрощались. Зина осталась ждать автобус в город, я пошел в Кузьмовку, раздумывая о причинах и последствиях столь противоположных выражений родственных чувств...

Может, я и позабыл бы вскоре и Зину и ее мать, но события, как это случается нередко в жизни, начали следовать вдруг так, будто их специально отбирала для меня чья-то искусная рука. Через несколько дней мне снова пришлось заночевать в деревне, на сей раз в Кузьмовке, у бабы Нюры Кольцовой. Было ей уже около семидесяти, мужа она похоронила, детей же (а их у нее пятеро) всех вывела в люди. Старшие сыновья работали один в Мурманске, другой в Ленинграде, младший служил офицером на Дальнем Востоке; дочь Валентина после окончания пединститута уехала с мужем в Казахстан, дочь Шура, младшая, слава богу, жила пока под боком, в Т., работала воспитательницей в детском саду.

Словом, выведя всех своих детей в люди, баба Нюра жила теперь одна в большом, пустом пятистенке, увешанном почетными грамотами, дипломами и вымпелами «Лучшей доярке района», заработанными хозяйкой за тридцать пять лет работы на колхозной ферме.

— Не одиноко одной, не скучно? — спросил я, когда баба Нюра за самоваром рассказывала о своем житье-бытье.

— Как не скучно! Пятерых ведь растила, дом-то как улей был, а теперь!..

— Ехали бы к детям, к внукам...

— Буду одна доживать! У Валентины жарко, у Сергея на Востоке не климат мне, у Николая тоже, а у Василия тесно — с тещей в одной квартире живет... Звать-то все зовут, а свой дом не брошу. Тут и мама похоронена, и тятенька, и дедушка, и я тут помру, бог даст. Уж если совсем плохо станет, к Шурке попро-

шусь... Вот так иногда раздумываешься — растила, растила детей, а для чего? Для кого? Все не так вышло...

— Хуже? Лучше? — не унимаюсь я.

— И не хуже и не лучше, а не так... Недружные какие-то живут, будто не от одной матери. Мы вот состарились с сестрой да с братом, а до сих пор роднимся, ездим в гости, помогаем чем можем. А они все как чужие. Валентина — она директор школы — совсем ни с кем не роднится. По правде, я у нее жить-то стеснялась. Квартира большущая, вся в коврах, мебель блестит, тихо, как у нас в конторе, внуки не подойдут к бабушке, не поласкаются. У Васки проще, у него жена в магазине работает, эти и поругаются, как выпьют, а с братьями да с сестрами все какие-то счеты... Это раньше — дом строили — на помощь ходили. А теперь все государственное, вот люди и отвыкают друг от друга. Раньше пенсий не было, так дети за стариков ответственность чувствовали, а теперь у стариков пенсии есть, зато и дети их не помнят.

Молчим...

— Съехаться бы всем сейчас, — вдруг мечтательно говорит баба Нюра. — Николай бы заведующим мастерскими пошел, Валентина — учительницей в интернат, Василий — механиком, Сережка — бригадиром тракторной бригады, Шурка — воспитательницей в детский сад...

— А кто же будет коров доить, землю пахать? — спрашиваю я бабу Нюру. — Опять вы, старики?

— Да мы уж свое отпахали, пускай другие попятуют...

Кто же будут эти другие, баба Нюра не говорит. Не знает.

— Может, внуки приедут? — осторожно предполагаю я, заметив, как внезапно замыкается в себе баба Нюра.

— А что? — оживают у нее глаза. — Шуркин Виталька со мной всегда со слезами прощается, в город ехать не хочет. Тут-то ему воля вольная, а там... Шурка корову доить не умеет, даром что в деревне родилась, а он научился. Он бы стал в деревне жить, ей-богу, стал бы, да разве Шурка пустит!..

На другой день я вернулся в Т., в ту же гостиницу, на свою скрипучую кроватку. В номере из старожилов оставались теперь я да мой сосед, которого я уже привык видеть спящим поверх постели в неизменном синем бумажном трико. Когда он ел, пил, просыпался, что делал в этом городе — об этом оставалось только гадать.

Но в тот вечер я не узнал его. В темно-коричневой замшевой куртке, тщательно выбритый, посреди номера стоял человек лет тридцати пяти, вполне уважаемый на вид, с рассеянным, правда, взглядом.

— Я, кажется, доставил вам хлопот? — спросил он, поймав на себе мой взгляд. — Прошу прощения.

Я коротко и сухо ответил, что все было вполне пристойно, он уцепился за эту фразу, и, как ни хотелось мне с ним общаться, он-таки втянул меня в разговор и даже склонил сходить вместе поужинать. Сначала вяло и неохотно я стал рассказывать о своих деревенских впечатлениях, затем, видя, с каким жадным вниманием он меня слушает, я разговорился и рассказал вдруг и о подслушанном ночном разговоре, и о сетаованиях бабы Нюры, и даже о том, как события, свидетелем которых ты становишься, принимают порой чуть ли не литературную форму.

— Да, я это тоже замечал, — ответил мне собеседник, как-то загадочно усмехаясь. — И вот вам еще один довод, подтверждающий вашу мысль: на той неделе я отведал свою мать в дом престарелых.

Мы помолчали.

— Внешне-то все выглядит вполне морально, — продолжал он. — Я геолог, работа у меня разъездная, мать — больная старушка, за которой нужен уход. Вот вторую неделю думаю, что же произошло. Ведь любил же ее... И она любила единственного своего сына. Мать у меня почти неграмотная, работала санитаркой в ветлечебнице, но вот далась ей откуда-то мысль выучить меня. Все силы на это положила. Сколько помню себя, повторяла: «Учись, Натолька, в люди выходи... Мы темные, может, ты в люди выйдешь». Учился я сначала слабовато, так она... Привела к директору школы и чуть не в ноги ему: «Андрей Максимович, разреши моему Натольке с твоим Сашком уроки делать». Первый раз я тогда за нее стыд испытывал. Повернулся и бежать. Догнали, заставили ходить...

А то в школу пойдет упрашивать учительницу

переправить тройку на четверку... Но если честно, то я этим стыдом за нее и выучился. Принесешь в дневнике двойку, она в слезы, но не меня обвиняет, а учительницу. Вот, мол, сирота, безотцовщина, так ему и двойки можно ставить. Завтра же, говорит, пойду в школу и скажу директору. Я, конечно, в слезы: не ходи, сам исправлю. Так семилетку с похвальной грамотой и закончил. А там речное училище...

Черт знает, может, я выродок какой-нибудь — другие надели фуражки с крабами, научились плевать сквозь зубы — и все детство с них, как с гуся вода. А я еще лет пять деревней бредил, домом. Каждую субботу в увольнение просился. Мороз не мороз, дождь не дождь — торчу за городом на шоссе, ловлю попутку. А другие поскукались с полгода и о доме забыли. Смотришь, армию отслужили, переженились, кто-то родителей в город перетащил, и все стали какими ни есть горожанами. А я каждую субботу по семнадцать километров от шоссе до дома пешком. Сколько раз, бывало, приду домой за полночь, а после обеда на другой день уже назад нужно собираться. И все под постоянное напутствие: «Учись, сынок, в люди выходи!» Счастья мне хотела... По-маминому вышло — и платят много и выходных два, а вот счастья — ни ей, ни мне. — Он умолк, а потом вновь продолжал: — Это мы, в юные лета пережавшие в город, воспринимаем его таким, какой он есть, а каково старикам, всю жизнь прожившим в деревне? Да боятся они города, как черт ладана, оттягивают переезд в этот рай до последнего дня, пока уж совсем ниточка между ними и их детьми перетрется, сопреет. Детки-то только в люди выйдут, квартиркой обзаведутся, мебелишку закупают и расставляют в соответствии с общепринятыми стандартами, а тут мама является чуть ли не из девятнадцатого века с черными, не знавшими устали руками, с дремучими понятиями и старческими немощами. А еще хуже — батя. Они вон, батьки-то, как выйдут на пенсию, так и помирают через год-два, да и правильно делают... Потому что заниматься ему в доме уже совершенно нечем. Бабка хоть постирает, в магазин за макаронами сходит, а что ему делать? Курить да газетку читать по утрам?..

И вот результат: еду в автобусе современный городской мужчина тридцати пяти лет и деревенская семидесятилетняя старуха, которые тридцать пять лет назад были сыном и матерью. И жить друг без друга не могли... Спрашивает: «Ты куда меня везешь, Натолька?» А потом увидела старушек во дворе, белье на веревках, все поняла... Говорит: «Ей-богу, больше не буду из дома уходить». Когда ее в город забрал, мы полдома сняли и зиму вместе жили. Я уйду на работу, а она забудется и пошла по городу внуков искать. Пунктик у нее такой появился — внуков искать. Колю и Васю. Внуков, которых нет. Я с работы приду и ищу ее по всему поселку. А дома молчим, вот еще что самое страшное. По двое суток слова друг другу не скажем. Когда она в деревне жила, там дело было — огород, куры, коза Нинка, а в городе мы с ней как в сурдокамере оказались. Иногда чувствую — что-то нужно сказать, и она ждет, чтобы я ей что-нибудь сказал, лихорадочно думаю, что же сказать-то, и ничего не могу придумать. Так и промолчу весь день, а она прождет весь день. Два года это продолжалось... Девушка у меня была, так и с ней я расстался. Стало мне казаться, что она думает, будто я поддерживаю с ней отношения из-за того, что за матерью ухаживать некому. Потом на работе начались конфликты: в дальние поездки ездить не могу, только по городу. А коллектив, сами знаете, как на эти вещи смотрит. Ищи, говорят, сиделку для своей матери, мы за тебя работать не намерены. А где ее в наше время найдешь, сиделку для больной старушки? Сейчас санитарку в больницу найти или даже няню ребенку — и то трудно. Вот и пришлось определить ее в дом престарелых. И знаете, что заметил? Те из коллектива, которые сами меня на это толкали, начинают мне моральное несоответствие с занимаемой должностью шить. Меня ведь иногда и за границу посылали, я четыре языка знаю. Мать, говорят, променял на заграницу. Представляете, до чего могут люди в своей зависти докатиться? А вы как думаете, может это повлиять на визу?..

Я не нашел тогда, что ему ответить. Да и сейчас, через месяц после этой встречи, не знаю, не вижу, что должен был бы сделать в тех обстоятельствах этот мужчина. Потому и написал вам, уважаемая редакция, и надеюсь, что вы вместе с вашими читателями поможете в этом разобраться.

Михаил ПЕТРОВ,
г. Калинин

**МАРЬИНСКИЙ
ДВОРЕЦ
БАРЕЙТИНСКИХ —
ПАМЯТНИК
АРХИТЕКТУРНОГО
КЛАССИЦИЗМА**

ственно, достойно возраста, ведь сказать про старые липы, что они столетние, значит, употребить лишь дешавато-необязательное словечко. 1720—30-е годы — вот точные даты появления многих из них, повторяю — появления, а не рождения, потому как рождены многие в дальних лесах, а перенесены сюда руками княжеских крепостных, каждому из которых, точно налог какой, причиталось высадить в придворцовых рощах не менее тридцати стволов.

МАРЬИНС

Жемчужины отечественной культуры

Альберт ЛИХАНОВ

Из жизни обыкновенной — суеты, беготни, телефонных посиделок, совершенно необязательных обязательств, и тысячи мелочных забот — ты точно выпадаешь на пороге этой старинной усадьбы: то ли просыпаешься, то ли, напротив, засыпаешь чудным сном, в котором все необыкновенно.

Про первородную близость человека с природой по нынешним временам рассуждать модно, но, мне кажется, часто слова эти так и замерзают ледышками слов, не превращаясь в чувство, особенно для горожан, и следует еще поискать такой уголок земли, который сумел бы взять тебя в плен настоящего обаяния. Ни щедрость пышного юга, ни ночные кипарисы с лунной дорожкой по стеклу тишайшего моря, ни горы со снеговыми папахами — ничто не мило так моему сердцу, как покойное и мирное убранство середины русской земли вокруг Марьинского дворца, под Курском.

Первое, что надобно сделать, приехав сюда: бросить вещи и уйти в парк и рощи, что за парком — округлые, с полевыми перебежками между ними. Зелень царственных лип и берез окунает тебя в покой и благодать, и — о чудо! — ты чувствуешь, как почти физически спадает какой-то суетный налет, душа очищается, сердце бьется ровней, гульче, стремительное

**АКВАРЕЛЬНО ПОЭТИЧНЫ КРАСКИ
ОСЕННЕГО МАРЬИНА.**

**ОСЕНЬ,
КОТОРАЯ ПОХОДИТ НА ЛЕТО...**

кручение земли вроде бы утишает свой темп, жизнь становится осознаннее — и все это ощущаемо, наяву. Почувствовать природу реально — головой, плечами, руками, — ощутить ее волшебный и мощный дух — какое это неповторимое счастье и как — увы! — редко мы пьем его полным ковшом.

В марьинские кущи приходишь с робкой нежностью — как в компанию стариков. Так оно и есть: древние старцы взирают покровитель-

**СТАРИННАЯ АЛЛЕЯ,
КАКИХ НЕМАЛО В МАРЬИНЕ.**

Но есть среди марьинских стариков самый седой старик — дуб в четыре обхвата. Стоит он по левую руку, коли глядеть от дворца на пруд, и крона его укрывает целую поляну. С почтением здороваясь, прикладываешь ладонь к его шершавой, в глубоких трещинах коре и думаешь, что даже самая буйная историческая фантазия не сможет вообразить, кого же видел этот мудрый прадед. Уж не самого ли Мазепу? Да что там, поди-ка, и знаменитый предатель прикасался стародавней порой к

**ВОТ ОНА,
СЦЕНКА ИЗ ЖИЗНИ
КРЕПОСТНЫХ.**

щеке уже и тогда не вполне юного великана. Среди старых деревьев об истории думается охотно и вовсе не отвлеченно, не вообще, и прошлое представляется не образами старинных гравюр, а живым воображением живых людей среди вот этих живых деревьев.

СКИЕ СНЫ

А дело было так.

Лет тому назад аж 270 Петр Великий подарил гетману Мазепе землю близ Рыльска в Курской стороне. Гетмана звали Иван Степанович, а потому появились селения — по имени, отчеству и фамилии гетмана — Ивановка, Степановка и Мазеповка. За именами в карман не полезли.

После Полтавского сражения гетман из-под царской руки бежал, свершив предательство, и поминание его с тех пор у многих уж поколений русских людей вызывает лишь зуд и отвращение: даже в имени этом есть что-то змеиное, подлое — Ма-зе-па. Не зря же следующий хозяин этих мест, князь Иван Сергеевич Барятинский, имение свое относит в сторону от села Ивановского, где был дворец Мазепы. Он словно старается изгладить в памяти настоящего и будущего само воспоминание о гетмане, старается тутошней земле новую славу создать, свою.

**ВОДОПАД ДВОРЦОВЫХ ЛЕСТНИЦ,
ВСЕГДА ОСВЕЩЕННЫХ СОЛНЦЕМ.**

НОВОЕ ИМЯ

ДМИТРИЙ НЕЧАЕНКО

Дмитрий Нечаенко молод, он учится в Литературном институте имени А. М. Горького. Он непосредствен в восприятии мира, восторгается и удивляется ему. И это делает его стихи эмоционально свежими, заставляет читателей поверить чувствам автора, его мыслям, образам. О стихах Нечаенко можно сказать, что они написаны не под диктовку холодного рассудка, а под диктовку взволнованной души.

Я не хочу предсказывать судьбы поэта — дело это безнадежное да и ненужное, ибо судьбу определяет пишущий, он и только он, а не кто-то со стороны. Мне хочется пожелать Д. Нечаенко строгости к себе, веры в свое «я» и успехов в трудном поэтическом деле.

Олег АЛЕКСЕЕВ

Воспоминание о Пушкине

Век декабристов и сонат,
пяти казенных силуэты...
Уже погашены кинкеты.
Пустеет оперный театр.
Век декабристов и балов,
где так пленительна Наталья.
Она приглашена на танец,
а гений мрачен и суров.
Век нистых муз: Бородина,
гусар, открытия Лицея...
Кавалергард стрельнет прицельно
сквозь все сердца и времена.
Но выстрел после прозвучит.
А нынче в городе вечернем

под снега плавное верченье
пускай он все еще творит!
Пускай домашние уснут —
виденья явятся из мрака.
Пусть он склонится над бумагой
еще на несколько минут!
Я вижу: вот он над столом
привстал, за книгой потянулся,
бормочет что-то, улыбнулся,
хоснулся пухлых губ пером.
А снег шуршит все тише, тише...
В окне на Мойке — льда налет.
Россия спит. И Пушкин пишет.
О сохрани его, господь!..

Я гуляю сегодня,
где когда-то гулял,
где крапива и донник
не растут по углам,
где нас жизнь городская
прислоняет и трет,
локоть к локтю качая
в синих трюмах метро.
И старушки в сирени,
оплетающей двор,
словно так и сидели
на скамейках с тех пор.
и разносчица прессы —
милий призрак домов...
Воздух рвется от резких
милиейских свистков.
Ничего я не спутал,
все теперь узнаю:
с деревенским испугом
я приехал в Москву.
Я приехал когда-то.
Удивлялся дня три
голубым автоматам
с газировкой внутри,
был первейшим зевакой.
И о каждом из дней
удивительно ярко
вспоминается мне:
белый коврик бумаги,
терпкий привкус строки —
я в рабочей общаге
сочиняю стихи.
Сны летают по койкам,
громко капает кран.
Спит московская стройка.
Борька спит и Степан.
Борька, только проснется,
спросит: «Что настрочил?
Чем тебя, — засмеется, —
божий дар осенил?»
Я скажу ему строго:
«Тут господь ни при чем.
Дар во мне не от бога,
а от мамки с отцом».
И светло мне живется
без размолвки с судьбой,
и никак не дается
рифма к слову «любовь».
И курю я от злости
и бросаю писать,
и тяжелые звезды
надо мною висят
за окошком, и слабо
улыбнусь я во сне...
И, конечно же, слава
снится, глупому, мне.

Лошади припали пить к реке,
в селах — угасающее пенье.
Дорогое мне соединенье:
Родины

и песни вдалеке.

Дорогая память: преют травы
на покосе, смолот самосад
мужики соседские, на равных
с пацаном, со мною, говорят
про колхоз, про новый птичий двор,
круто хлеб, дымком пропахший, солят.
«Ты, малец, учиться едешь в город,
так смотри там,
нас не опозорь...»
Луг темнеет. Звезды на подходе.
Я почти не слышу этих слов —
сонно прислонившийся к подводе,
плоть и вера крепких мужиков.
Лошади обсохнут. Отзвенится,
стихнет песня, вытечет вода.
Родина
не может прекратиться

в сердце человека

никогда.

Я продолжусь отчеством у сына,
спелым хрустом слова моего,
в повтореньях, в травах некосимых,
в соке их. Во всем, что не мертво.
Я пройду, как будто дрожь по телу,
стану грунтом, памятью, зерном.
В этом кислотожем, загорелом,
толстобокое яблоко земном.
Надо мною также мужики
отдохнуть присядут на покосе,
помолчат, достанут палыросы
и раскочегарят костерки.
Надо мной несмело вечерами,
перестав смеяться и дышать,
новый мальчик будет целовать
девочку с глубокими глазами,
и к закату выйдя належке,
замерев, увидит: все родное —
аисты гнездятся над избугой,
кони наклоняются к реке...

Кровавый потек над горою.
Листок похоронки в семье.
Моих нехвастливых героев
убили вчера на войне.
Никто им уже не отменит
комкастый блокадный паек...
Мне снится отец мой под Веной
и синенький мамкин платок.
К Неве мимо Летнего сада
ночные поэмки метут,
и мертвые едут на санках,
и старые дети идут.
Домой даже писем не носят.
Сугробы — как пушки в чехле.
У бабушки кончились слезы
и хлеб.
Но вымерзшим, выжившим чудом —
не кончится эта война.
Какие высокие люди
тебя прикрывали, страна!
Спасибо, что есть о них память,
что в мае на клумбах страны
стране не хватает тюльпанов
на эти холмы и холмы,
что эти простые могилы
для нас, как бессрочная связь.
Мне снится, что брызгают взрывы
и женщины падают в грязь,
и крутит ночная поэмка,
и трупы на санках скользят,
но это же будет недолго,
ведь наши потом победят.
Ведь будут салюты, и гулко
откликнутся им города...
Салюты — красивая штука,
а мама рыдает всегда.

Из детского альбома

Собачий взгляд.
Тропинка в полумглу
раздвинувшихся пальцев и растений.
Как много лет на мертвом полу
дымятся развалившиеся стены.
У матери намочла голова
под холодом взбесившегося ливня.
И ядом наливаются листья,
и зеленью, и горечью, и синью.
Канавный дождь, бурля, сплавляет сор,
но гасит свет невидимая мама.

И мне глаза целует липкий сон,
ореховый, песочный, безмянный.
И капнет день — порезом от стекла,
на спины луж, капели и портьеры.
Я плачу. Я сломал аэроплан,
что склеен из посылочной фанеры,
где кривизной сиреневой слюны
царапнут адрес
столбиком, как песня:
Золотоноша, улица Любви,
разбитый дом украденного детства.

Отец, Иван Сергеевич, помер, на его место заступил сын, Иван Иванович, дипломат, англо-ман, однако все же русский, и он отцовское дело доводит до конца: строит дворец, роскошный, в сто восемьдесят комнат. Место сие нарекает Марьиным, по имени своей первой жены, и выходит так, что новая слава дворца Бяратинских затмевает старую, случайную и ненужную славу гетманских владений.

И здесь вот о чем надлежит сказать. В истории отечественной культуры немало подлинных бриллиантов, нравственная чистота которых не вызывает сомнения.

Пушкинские Михайловское и Болдино, тургеневское Спасское-Лутовиново, Карабиха Некрасова, тютчевское Мураново — эти места святы

всякому сердцу, потому что богатство материальное, сконцентрированное там, стало не равным, нет, — ниже богатства духовного. Даже красота природы, самое бескорыстное, но и самое щедрое из богатств, окружавших великого художника, нами приемлется как лишь эстетический фон, живые, сказочные, великолепные, но только лишь декорации к рождению подлинного чуда, которое бессмертно, неуваждаемо, а главное, несменяемо.

Можно приблизиться к великому, даже сделать не менее великое, но нельзя повторить или сменить его.

Итак, усадьбы великих поэтов, драматургов, прозаиков, художников мы любим и чтим как бриллианты предельной чистоты, когда

богатство и способ его достижения не затмевали духовных ценностей, вырабатываемых в этих родовых дворянских гнездах.

Но есть бриллианты иного свойства: царские дворцы, поместья вельмож — выстроенные на крови, на слезах, на горе. Номинальная ценность этих сокровищ куда выше, хоть и дворянских, но лишь литераторских, однако чувств они вызывают куда как меньше.

Нет, я не прав. Чувства вызывают, но совсем другие.

Бриллиант-то бриллиант, и карат в нем куда больше, но чистоты в нем нет. Точней, не та чистота.

В селе Ивановском есть маленький музейчик, действующий на общественных началах, как

Стихи на Печоре

Влез под кожу мороз январский,
в небе красные петухи,
в клубе, в прошлом хоромах барских,
я читаю свои стихи.

В полушубках и шапках публика.
Перед фильмом «в нагрузку» я.
Не нужней, чем дыра от бублика,
ощущаю сейчас себя...

Я — для «галочки», для «отчета».
Мне пятнадцать минут дано.
И какого, скажите, черта
согласилась «перед кино»?
Вот уйду, будет фильм индийский
(с ним соперничать не гоюсь).

Все ж в спокойствии олимпийском
дочитала и ухожу...
Но из зала идет записка,
за вопросом встает вопрос:
о далекой Москве, о близком.
То с лукавинкой, то всерьез.

Вижу, нерничает «завклубом»,
знаки делает головой.
Извините, народ, мол, грубый.
Гость столичный у нас впервые.

Все, что знаю, припоминаю
(бегства публика не простит),
о «пришельцах» и о Китае,
как на танцах себя вести...

Вдруг споткнулась, как на торосе,
и в раздумии хмурю бровь.
Вот и срезали на вопросе:
— Что такое, скажи, любовь?..

На куски рвут меня, на части,
но попробуй найти ответ
на вопрос «Что такое счастье?».

Есть оно или вовсе нет...
Позабыты кино и холод.
Ищем вместе мы корень зла:

— Почему в дни лишения, в голод
жизнь как будто доброй была?
И отзывчивей люди были?..

Кто на это ответит нам?
Объяснений найти не в силах,
расходились мы по домам.

Шли во тьме, прикрывая лица
от мороза...
Прошли года.

Мне ж то вспомнится,
то приснится
все, что было со мной тогда:

на Печоре мороз январский,
в небе красные петухи,
в клубе, бывших хоромах барских,
я читаю свои стихи...

«Где посеешь обиду —
отчужденье пожнешь.
Недоверием вскормлена
изощренная ложь...»
Эти старые истины
знаешь ты. Не учу.
Но поймешь ли, как истоиво
лжи с тобой не хочю?
Как боюсь отчуждения?..
Жизнь жадна до обид.
Тише крови кружение.
Чаще сердце болит.

Чистый снег.
Белый дым.
Сопок синь.
Алый пламень заката.
Забайкаля январская стынь.
Старый кедр в два обхвата.
Лошаденку торопит: «Живей...» —
белый кучер на дрогах.
Середина России. Моей
половина
дороги.

21 декабря 1237 года старая Рязань,
первая среди русских городов, была
сожжена полчищами Батыея.

Из истории

Рязанские просторы:
поля, да косогоры,
да в инее березы, как дымы.
Стынь — первые морозы.
К далекому колхозу
ведут высоковольтные столбы.
Здесь всех времен приметы
поэтами воспеты.
Колодезный бескрылый журавель,
летучие снежинки...
Хрустят на лужах льдинки,
как на зубах подростка карамель.

На древнем пепелище
что археолог ищет?
Останки русских воинов? Орды?
На городище старом
старая не даром —
вознаградят находки их труды.
Здесь дышится привольно.
А тронешь землю — больно.
Враг не щадил ни старых, ни детей.

Рязанские просторы:
поля да косогоры —
пейзаж щемяще-русский, без затей.

И стало
работою море...

Я пекарь-дневальная.
Хлебы пеку морякам
и чищу картошку мешками,
в ущерб маникюру —
причина для многих
беззлых острот балагуров,
что, ужин закончив,
попросят: — Побалуй стихами...
В столовой команды
усядем дружеским кругом,
душистого чая
в стаканы нальем не спеша.

Я стану читать,
почуя в счастливом испуге,
как пути обиды
покидает душа.

И парни затихнут,
про чай позабыв, про варенье,
про столпотворение,
про кутерьму за кормой.

И станут прочнее
содружества нашего звенья,
и берег желанный,
почуем, не так далеко...

Я пекарь-дневальная,
член рядовой экипажа.
Но в эти минуты я больше:
я — Дом, я — Земля.

«Не хлебом единым...» —
мне боцман растроганно скажет.
Не хлебом единым...
Пекарь-дневальная я.

||

Пора дождей. Владивосток промок.
На набережной пусто.
Сквозь дождь на море смотрит грустно
с прибрежной сопки огонек.
В кинотеатре «Океан»
за сутки проданы билеты,
там кружится «Звезда балета»,
а в море светится воспетый
тот парус белый сквозь туман.
То одиночеством томим,
то ожиданья вечной мукой...
Он светится

и к нашим внукам
спешит, надеждою гоним.

Родине

Я перед Родиной в долгу,
пред милой Родиной моею.
Но как смогу,
когда сумею
сказать все то, что берегу?
Не вправе всуе помянуть,
не в силах выразить словами.
Одно лишь знаю — с Соловками
живу и буду помирать.
И не ищите смысл второй.
Все так. Я с острова неволи.
Но узница лесов

и моря,
и родника, что под горой...
И ты будь, Родина, со мной.

Посвящение
мещанству

В этом доме животные сыты
и цветы зацветают зимой,
гнезда птиц безбоязненно свиты
прямо в лоджии, над головой.
Мне еще бы соседей добрее,
чтоб душе из-за них не болеть,
и на жизнь бы гляделось бодрее,
было б чаще желание петь...
Но соседей не мы выбираем.
Мы в своей выбираем судьбе:
жить — гореть,

или жить, умирая
в каждодневных побряках себе.
Жизнь — тоска, коли все увлечены:
пересуды,
вино,

домино.
Не работа — повинность, мученье,
если радости в ней не дано.
Вот и маятся (курицей в клетке),
примененья себе не найдут
необъятных размеров соседка.
Вася Тяпкин — «супружник» ее.
Чуть чихну, и уж («будьте здоровы») —
шваброй злобно долбят в потолок...
Агрессивный работник торговый
обещает «стереть в порошок».
Что ж тереть? Я и так словно порох.
Не стражаю, однако, огнем.
Жизнь проходит. На склоки и ссоры
ты растратила время свое.
Доброте не способствует сытость
там, где меряют счастье рублем.
Хоть на миг от грызни отвлекитесь,
оглянитесь... Смотрите, кругом
новостроек гудение. Света
разливанное море. А там,
в-о-о-н, зеленая рожица, это —
коммунальное кладбище нам.
Кто соседи? Не мы выбираем.
Мы в своей выбираем судьбе:
жить — гореть,

или жить, умирая
в каждодневных побряках себе.

Рисунки Виктора БЫЛИНКИНА

это часто теперь делается в не слишком заметных исторических центрах — так сказать, исторический урок на факультативной основе: хошь — зайди, не хошь — мимо пройди, и так сойдет. Так вот в этом музейчике есть картина местного художника, нарисованная по здешним преданиям. Молодая, видно, крепостная баба, отстранила младенца своего в сторону, а грудью кормит борзого щенка. Вроде и назидательная картинка, а нет, щемит сердце: вон чем Бяратинские промез прочего забавлялись — выращивали борзых необыкновенной чистоты, вскормленных женским молоком. Это к вопросу о качестве бриллианта, о нравственности здешних богатств — ста восьмидесяти этих залов, украшенных в пору их хозяев

тысячами драгоценнейших жемчужин мирового искусства, где воспевалась любовь, гармония и красота.

Так что чувство наше двойственно. С одной стороны, все-таки бриллиант, и спасибо древнему вельможе за рукотворную красоту парка, роц и дворца. А с другой — претит жестокая расчетливость, пользование женской груди щенячьей пастью.

Думаешь: насколько же хуже бывает человек творимого им.

Считалось, поди: будущее должно ценить лишь камень и деревья, людские страдания сгниют в могиле, как и живая плоть, человечья или собачья. Нет, ошиблись — помнится и это.

Может, перенебрегали будущим: мол, прини-

майте все как есть? Вряд ли, зачем тогда нетленное искусство и вечная красота, собранные во дворце?

Концентрация ценности, богатства? Нет, когда человек взлетает в поднебесье, особенно материальное, он думает о вечности, о бессмертии.

Непросто и оправдание: искусство требует жертв, в том числе и человеческих. Неизвинимо и объективное: богатство создавалось только так.

Просто вся разница в двух житейских истинах: можно создавать богатства материальные, а можно духовные. Первое приемлет любые способы, даже самые грязные. Второе — только чистые. Пушкин-крепостник для нас немисли-

**СЕДОЙ ДУБ
НА БЕРЕГУ СТАРИННОГО ПРУДА.**

мая, кощунственная возможность. А ведь мог бы — только захоти. Но он не вылезал из долгов, маялся и был чист. Чистота подарила ему откровения. Откровения гения дороже любых материальных ценностей — вот истина человечности!

Как многое в России, дворец Бяратинских построен русскими руками по нерусскому замыслу. Его архитектор — немец Карл Гофман. И снова исторический парадокс.

Во время войны здешние места заняли немцы, но дворец тщательно охранялся: фюрер подарил его Гудериану — царствуй, мол, тут после войны. Немецкие вояки во дворце, построенном немецким архитектором, пожалуй, чувствовали себя как дома, но когда приспичило и пришлось отступать, решили дворец «свой» взорвать. Немца от немца защитили русские: партизаны вместе с десантниками появились в Марьине — чуть раньше взрыва.

Ну, а первый раз марьинские сокровища спасли от немцев в восемнадцатом году. Тогда фронт проходил от усадьбы всего в трех верстах. С одной стороны — немцы, с другой — матросы из левых эсеров. Пришлось не только отгонять врагов, но и «своих» — с боем отходила «р-р-революционная» матросня из дворцовских флигелей.

Писатель Евграф Кончин провел целое разыскание о спасении княжеских богатств; выясни-

**МАРЬИНСКИЙ ПРУД
ПОЛОН СПОКОЙНОГО ОЧАРОВАНИЯ
И СОЛНЕЧНЫХ БЛИКОВ.**

**В ПАРКЕ УСАДЬБЫ
ДО ПОЗДНЕЙ ОСЕНИ
БЛАГОУХАЮТ РОЗЫ,
ПОРАЖАЯ НЕЖНОСТЬЮ КРАСОК
И ЗАПАХОВ.**

лось, дело дошло до самого Луначарского, да и то спасли сокровища чудом: десяток подвод в окружении не очень-то обстрелянной охраны перевезли до станции полотно Ф. Рокотова и Ф. Алексева, Д. Левицкого и Д. Дау, Ж.-Л. Монье и Э. Виже-Лебрен, акварели А. Орловского, скульптуру Б. Торвальдсена, панно Ф. Бруни, необыкновенные ценности из серебра, оружие, коллекцию часов, фарфор и хрусталь, маршалский жезл А. И. Бяратинского, который ведь когда-то пленил Шамиля и был царским наместником на Кавказе.

Вокруг шныряли банды, да и крестьянам внушили истину явные недрузья: мол, княжеские богатства надо раздать по дворам. Сло-

**СТЕКЛЯННЫЙ,
СО СТАРИННЫМИ ВЕНЗЕЛЯМИ.
КУПОЛ МАРЬИНСКОГО ДВОРЦА —
ТОЖЕ РУКОТВОРНОЕ ЧУДО
КРЕПОСТНЫХ МАСТЕРОВ.**

Летом шумят зеленые шатры древних лип и старых берез; зимой искрит ослепляющий снег, закуржавил деревья, звенит синим цветом лед на пруду; весна нежна и трогательна, точно ребенок, и, как ребенок, скоро на ногу: пологий скат к пруду оттаивает легко и споро, с радостью поддаваясь щетинке свежей, ласково-изумрудной травы.

А вот про осень надо сказать особо.

Осень в Марьино — как итог круговорота жизни. Пруд покрыт палым листом, дешевое золото обильного черноземья усыпает дороги, мосты, тропинки, и гармония старых аллей похожа на символ мудрости: вдохни освежающую, стеклянную чистоту, окинь свой путь, давний или

недавний, глянь на мудродавние деревья, прикоснись рукой к остывающей коре, сравни себя с ними — ты уйдешь, а они останутся, есть над чем поразмыслить, что вспомнить, что оберечь. Что — оберечь?

Их, усталых и сильных, старых и молодых, мудрых и доверчивых, — людей; жизнь, которая состоит не только из наших жизней, а это значит — историю; оберечь каждый важный шаг — прошлый и будущий; каждую тварь — ведь она продолжает кого-то; каждую добрую мысль, это ведь добрые мысли, свиваясь на челе человека счастливым узорчатым венком, продолжают само человечество.

Обереги — любовь, птиц лесных, старый пруд, откопанный крепостными, среди которых, может, за ломовой лошадкой шел и твой, безвестный тебе пра-пра-пра-прадед.

Обереги старый дворец и старый неказистый дом, твой отчий дом.

Дерево старое обереги и юный, тобой посаженный пруттик, — ведь он, может, переживет тебя.

Обереги и сохрани, полюбив.

Водопад лестниц у парадного входа солнце освещает весь день.

Чудный мир марьинской природы освещает человека каждый миг года.

В этом, я думаю, заключен философский замысел архитектора: построить солнечный мостик — от человека к земле.

**САНАТОРИЙ МАРЬИНО.
В ПРОШЛОМ ДВОРЕЦЕ:
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ.**

ПАРК ПОЛОН КРАСОТЫ.

вом, дорога горстки людей, спасавших народу его добро, была поступком, требовавшим смелости и веры.

Архитектурный это прием или, может, философский? Строитель Карл Гофман сделал дворец так, что в любое время дня водопад его парадных лестниц освещен солнцем — с утра до вечера.

Философский смысл я усматриваю в том, что лестницы эти, выходящие к пруду и парку, походят на мостик из дворца в природу.

А природа перед дворцом — это уж ее вековечная данность — всегда щедро прекрасна, марьинская — наособицу.

**НИЗКИЙ СВОД СТАРОГО МОСТА
НАПОМИНАЕТ ГРОТ.**

А ЧТО У ВАС?

ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

БЕЗ НАГРАД НЕ ОСТАЛСЯ НИКТО

125 золотых, 71 серебряную и 35 бронзовых медалей, множество почетных дипломов увезли из Москвы во все концы мира победители и участники IV Международной олимпиады школьников по русскому языку.

Подобные соревнования юных русистов проводятся раз в три года. Нынешним летом Москва приняла 350 школьников и преподавателей русского языка из 40 стран. В столицу нашей страны приехали участники национальных олимпиад и конкурсов, ставшие победителями в состязании с десятками тысяч своих сверстников. Например, в конкурсе чехословацких школьников под названием «Памятник

Пушкину—Россиана» состязаются каждый год около миллиона мальчишек и девчонок.

Каждая Международная олимпиада расширяет географию ее участников. После второго такого форума были организованы олимпиады и конкурсы по русскому языку в Конго, Чаде, Сенегале, Того, Мали. На третьей московской встрече больших успехов впервые добились школьники из Туниса, Шри Ланки, Индии. В этом году дебютантами олимпиады стали учащиеся Афганистана, Алжира, Анголы, Вьетнама, Мексики, Нигерии, Уганды, Японии, Кипра. А наиболее представительные делегации прибыли из США, Франции, ФРГ, Швеции, Японии.

— Знание русского языка сегодня становится во всем мире показателем культуры человека,— сказал один из организаторов олимпиады, директор Института русского языка имени Пушкина, генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы профессор В. Костомаров.

Сейчас русский язык преподается в школах 54 стран мира. Всего же в организованной форме его изучением занимаются в 98 странах. 23 миллиона иностранцев постигают русский язык—язык мира и дружбы.

Владислав ПОЗДНЯКОВ

ИСТОРИЯ

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН АРЗАМАСА

«Человек—это великолепно! Это звучит гордо!»— как знать, быть может, эти слова родились под впечатлением подвижнической жизни арзамасского общественного деятеля Федора Ивановича Владимирского, с которым А. М. Горький подружился в арзамасской ссылке. В своих записках Алексей Максимович как-то привел слова Владимирского: «...нет ничего, что было бы лучше человека в мире сем». Не правда ли—созвучно со знаменитым горьковским восклицанием?

Ф. И. Владимирский воспитывал в Арзамасе детей составителя толкового словаря В. И. Даля, заложил в городе Пушкинский сад, но делом всей его жизни был арзамасский водопровод.

Раньше арзамасцы брали воду для питья из гнилостных городских прудов. В 1874 году гласный городской управы Владимирский стал агитировать местных купцов начать строительство водопровода. Но купцы не торопились раскошелиться. Они-то пили чистую привоз-

ную воду. Владимирский решил сам заняться изысканиями источника городской воды. Изучил местность, проштудировал обширную специальную литературу и пришел к выводу, что таким источником может стать Мокрый овраг на окраине Арзамаса. Дума приняла это к сведению... и только.

Но Владимирский не сдавался. Он затратил все свои средства на проект водопровода, сам копал канавы в лесу, искал воду.

Тогда и произошла его встреча с Горьким. Писатель пожертвовал тысячу рублей на продолжение изысканий и строительные работы.

Водопровод все-таки был построен. В январе 1912 года состоялось его торжественное открытие. В этот же день Ф. И. Владимирскому было присвоено звание почетного гражданина Арзамаса. Действующая и поныне водонапорная башня стала своеобразным памятником человеку, посвятившему жизнь служению людям.

По случаю открытия арзамасского водопровода А. М. Горький написал Федору Ивановичу: «...вспомнил героические труды ваши, наше хождение по лесу, вокруг «Мокрого», лицо ваше и речи; вспомнил все и радостно заплакал, такой праздник душевный все это и так прекрасно-ярко встала передо мной ваша жизнь, ваша доброта!»

Родион БРЯНСКИЙ

московских физиков А. И. Барчукова, Ф. В. Бункина, В. И. Конова, работавших под руководством академика А. М. Прохорова.

И пока не столь важно, что ракета, старт которой показывали на экране, весит всего... 3 грамма. Главное, она взлетела, убедительно доказав принципиальную возможность создания воздушных и космических кораблей с лазерными двигателями.

Вот что рассказал мне об идее создания ЛВРД—лазерных воздушно-реактивных двигателей—кандидат физико-математических наук, доцент МФТИ Э. Е. Сон.

— Если луч лазера большой мощности сфокусировать линзой или зеркалом в одной точке, произойдет явление, знакомое каждому по тому, как загорается бумага под воздействием солнечных лучей, собранных в точку увеличительным стеклом. Только в луче лазера горит не бумага, а сам воздух. Он взрывается с такой большой силой, что способен подталкивать самолет или ракету вперед...

МУНДИР ДЛЯ ПАУЛЯ ЗИБЕРТА

Первый фильм о разведчике Николае Кузнецове был создан режиссером А. Н. Садовским на Свердловской студии телевидения лет пятнадцать назад. И автор сценария писатель Олег Коряков, и режиссер, и консультанты—бывшие партизаны много потрудились над подготовкой к съемкам. Казалось, обо всем договорились, все, что необходимо, нашли, с нужными людьми познакомились... Вдруг, уже в Ровно, пошла споры насчет френча Кузнецова—Зиберта. Сколько бы спорили—неизвестно, пока кто-то из бывших бойцов полковника Медведева не сказал:

— А чего шуметь—надо съездить в Киев к Драхману и у него спросить.

Поехал режиссер в Киев к Драхману—бывшему портному партизанского отряда. Именно Ефим Борисович и сшил первый—некинематографический—френч обер-лейтенанту Паулю Зиберту в далеком 1941 году.

А спустя более двадцати лет портному пришлось воссоздать этот китель. Прошло еще три года, и на Свердловской киностудии начались съемки двухсерийного художественного фильма о герое Советского Союза Николае Кузнецове—«Сильные духом».

И снова задумались в группе о костюме для главного героя. Снова встреча с киевским портным, консультации с боевыми друзьями разведчика—Валей Довгер и Николаем Струтинским.

Прошло еще семь лет. И вот в Свердловск пришло письмо из города Ровно: местный краеведческий музей открывает музей-квартиру Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова, и в будущей мемориальной комнате должен быть немецкий мундир Пауля Зиберта.

Теперь уже за дело взялась костюмер съемочной группы фильма «Сильные духом» Татьяна Матвеева. Около трех недель шли поиски костюма. Т. Ю. Матвеева привела его в полный порядок, и он был отправлен в Ровно, где сражался Герой Советского Союза Николай Кузнецов—«Пауль Зиберт».

Но на этом рассказ не заканчивается. Узнав о подарке уральских кинематографистов украинскому музею, на студию пришли представители уральского музея Н. И. Кузнецова во главе с братом героя В. И. Кузнецовым. Пришлось отдать им имевшийся в реквизите «НЗ» второй костюм, снимавшийся в фильме «Сильные духом».

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

УВЛЕЧЕНИЯ

САД В МУЗЕЕ

Тишина. В саду не шелухнется ни один листик. Крупные зрелые яблоки так и просятся в руки. Притихшие птицы вот-вот вспорхнут при приближении человека. И не верится, что все это неживое, вырезано из дерева. И сам сад раскинулся в... зале музея.

Этот сад сотворил литовский художник Л. Шяпка. На его родине в Рокишкисе, в двух залах краеведческого музея, как всегда, с очередной экспозицией первыми знакомятся земляки на-

родного умельца. Здесь много и других удивительных работ. Вот, например, в центре сада на четырех резных подставках—деревянный пьедестал. А на нем—ниспадающие цепи поддерживают человеческое сердце в ладони. Темой гуманизма, человечности, любви к жизни—основной для мастера—объединены 300 его скульптурных композиций и произведений малой пластики.

Борис КОНСТАНТИНОВ.

Фото Эдварда СТАКЕНАСА

ПРОЕКТЫ

Лазер—двигатель самолета?

Объявлена минутная готовность. На табло, сменяя друг друга, помчались цифры. Два, один, ноль... Старт! Под кораблем вспыхнуло ослепительное пламя, ракета пошла вверх.

Когда экран погас и в зале вспыхнул свет, некоторое время все сидели неподвижно, как бы заново переживая увиденное. Но вот раздался хлопок-другой, и по рядам прокатилось громовое эхо аплодисментов. Так на одной из конференций ученые отметили успех

ЛВРД хорош уже тем, что совершенно не загрязняет окружающую среду. Но это еще не все. Современные ракеты стартуют очень натушно, их ускорение возрастает по мере того, как выгорает топливо, составляющее львиную долю стартового веса. В случае же использования ЛВРД топливо не нужно брать на борт, вес летательного аппарата значительно уменьшится.

Подобные двигатели можно использовать не только для полетов в атмосфере, но и за ее пределами. Для этого вместо воздуха в качестве горючего можно использовать любой порошок: например, измельченные обтекатели, которые уже не нужны—при полете в космосе.

В чем трудность создания лазерных двигателей?

— Расчеты показывают,—говорит Эдуард Евгеньевич Сон,—что для вывода на орбиту спутника массой хотя бы 100 килограммов необходимо совершить работу примерно в 10¹⁰ джоулей. Если считать, что время вывода на

орбиту составляет примерно 10 секунд, получается, что мощность лазера должна быть около миллиона киловатт—пятая часть мощности такой огромной ГЭС, как Братская!

И тем не менее специалисты считают, что лазерные самолеты и ракеты—дело не такого уж далекого будущего. Например, американские ученые полагают вполне возможным создание лазерного самолета уже при нынешнем состоянии науки и техники.

Работа лазерной системы должна строиться вот по какому принципу. Вокруг Земли вращается энергетический спутник, который аккумулирует солнечную энергию. На том же спутнике эта энергия преобразуется в инфракрасным лазером в тепловой луч. Этот луч через ретрансляционный спутник будет передаваться на самолет, где энергия преобразуется в реактивную тягу.

Для взлета и посадки такой самолет будет использовать обычные двигатели.

Станислав ЗИГУНЕНКО

ЦЕЛЕБНАЯ ХВОЯ

На окраине латвийского города Стренчи выросло новое здание экспериментального цеха Смилттенского леспромпхоза. Не успели еще выветриться строительные запахи, как здание пропитал терпкий аромат хвои. Из нее работники леспромпхоза получают в цехе много ценных веществ, которые широко используются в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства.

Один из основных продуктов цеха — хвойное эфирное масло, по виду напоминающее жидкий янтарь. Оно обладает целебной силой и пользуется большим спросом у фармацевтов, так как является одним из главных компонентов при изготовлении препаратов, рассасывающего камни в почках и печени. А парфюмеры сейчас просто не могут обойтись без каротиновой пасты, которую изготавливают здесь же. Оценили ее по достоинству не только производители косметики, но и труженики села. Они добавляют пасту в корм для птиц и свиней. У поросят, как свидетельствуют исследования латвийских ученых, быстрее растут привесы, а куры несут больше яиц.

Ежедневно со склада готовой продукции работники цеха отправляют в Москву, Ленинград и в другие города страны свою необычную продукцию, среди которой, кроме хвойного масла и каротиновой пасты, есть и хвойный воск, и бальзамическая паста, и хлорофиллин натрия, и другая столь же специфическая продукция. Еще совсем недавно хвою просто просто сжигали, за что приходилось платить, а теперь она приносит солидную прибыль леспромпхозу. Кстати, сейчас не уничтожаются даже отходы переработки хвои: свежую массу животноводы скармливают скоту, а более старая служит хорошим удобрением на лесопосадочных участках.

В цехе осваиваются и новые виды продукции из маленькой хвоинки, разработанные учеными Ленинградской лесотехнической академии, с которыми у работников Смилттенского леспромпхоза налажены тесные деловые связи.

Анатолий ПЕТРОВ

НАХОДКИ

ЗОЛОТАЯ БАНКА

Потемневшую, покрытую землей жестяную банку обнаружил на краю траншеи, что была вырыта возле дома, маленький кировчанин Дима Угрюмов. Банка оказалась «с секретом» — она тайла внутри около двухсот золотых монет царской чеканки достоинством по 7,5 и 10,5 рубля. Отец мальчика сдал найденный клад в райфинотдел, и семья Угрюмовых получила определенное законом государственное вознаграждение.

Так Дима Угрюмов, сам того не ведая, стал, пожалуй, самым юным «кладоискателем» в стране.

Михаил ДЫМОВ

ОПЕРА АСТРЫБВТУЗА

В Астраханском техническом институте рыбной промышленности и хозяйства есть свой оперный театр. Двадцать лет назад студенты — любители классической музыки при содействии ректората института организовали оперный кружок. Дебют был удачным: монтаж оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» тепло приняли в студенческих, рабочих и сельских клубах Астраханской области.

С каждым годом оперный коллектив рос и креп. Много вокалистов нашлось не только среди студентов, но и преподавателей института. В спектаклях с удовольствием участвуют певцы и музыканты местного музучилища, консерватории, филармонии. Декорации, режиссура и костюмы изготавливают слушатели факультета общественных профессий Астрыбвтуза.

Большую поддержку оказывает студия инициатор ее создания ректор института профессор А. З. Щербак. Ру-

ководит оперным коллективом лауреат всероссийских и Всесоюзного конкурсов самодеятельного искусства певица А. Чепуркова. Директор студенческого театра — доцент института Е. Новожилов.

Интересна и разнообразна просветительская деятельность молодых музыкантов. Успехом у местной молодежи пользуются концерты-беседы о русских старинных и современных романсах, русской и зарубежной опере.

В институте учится много иностранных студентов. Они тоже охотно участвуют в постановке спектаклей, например, в опере Д. Верди «Аида». За постановку этого спектакля студия была отмечена званием лауреата смотра театральных самодеятельных коллективов Поволжья.

Борис РЯБУХИН.

На снимке: сцена из оперы Д. Верди «Трубадур».

Фото Владимира Анисимова

МУЗЕИ

РЯЗАНСКИЕ УЗОРЫ

Женский костюм с искусным сочетанием ручной вышивки, набивной ткани и кружев; комплект ручной вышивки «Скатерть с салфетками»; столовый комплект из льняной ткани... Эти и другие работы рязанских вышивальщиц и кружевниц собраны в залах самого молодого музея области. Он создан на Рязанском строчевышивальном объединении и пока насчитывает всего около ста экспонатов.

Здесь выставлены произведения искусства, созданные молодыми мастерицами, такими, как Галина Андурова (кстати, одна из ее работ удостоена серебряной медали ВДНХ СССР), Светлана Белякова, а также их наставником главным художником объединения З. А. Зайцевой — руководителем и главным экскурсоводом этого своеобразного музея на Рязанщине.

Юрий ВОЛКОВ

ЭВМ — СФЕРЕ ОБСЛУЖИВАНИЯ

ВАС УГОЩАЕТ АСУ

Какой должна быть столовая на крупном современном предприятии? В киевском производственном объединении «Электронмаш» решили: тоже современной. И приступили к реконструкции старой.

План реконструкции разрабатывали не только строители, представители отдела главного архитектора и бюро эстетики при управлении главного конструктора объединения, но и специалисты по внедрению автоматических систем управления.

Чем же занимается АСУ в столовой, на кухне? Разрабатывает, рассчитывает оптимальные варианты комплексных обедов и составляет меню, а также регулирует процесс приготовления пищи. В столовой, рассчитанной на 1300 мест, сделать это не так-то просто. В зале комплексных

обедов, расположенном на втором этаже, АСУ взяла на себя расчет с посетителями.

Вы входите в зал — перед вами несколько световых табло. На них меню различных комплексных обедов, их стоимость. Выбираете тот, что вам по вкусу. Под табло контрольный автомат. Предъявляете ему свой пропуск и идете обедать. Никаких касс, чеков, очередей. Вы можете прийти вообще без денег — они вам не нужны. АСУ запомнила ваш пропуск. Стоимость обеда вычтут из вашей зарплаты.

АСУ значительно облегчила или вообще взвалила на свои плечи и многие другие операции. В результате штат работников столовой, мощности которой значительно выросли, уменьшился примерно на две трети.

Игорь МАКАРОВ

«КАМЕННАЯ БОЛЕЗНЬ»

Как Данила-мастер, заболел еще подростком «каменной болезнью» и Олег Плотников. Много разных самоцветов подарил щедрый Урал самодеятельному геологу-ходоку. Закончив техникум, приехал он в Якутию и пошел по незнакомым чудо-краям младшим коллектором Тимптоно-Угурской экспедиции. Дело экспедиции долгое. Олег успел закончить институт и вот уже многие годы специализируется по геологической съемке. Съемщик — вдвойне ходок. Если собрать пройденные Плотниковым километры — считай, два раза обогнул земной шар.

Цветные недра Алдана пополнили его богатую коллекцию минералов новыми сокровищами: тут и «якутский изумруд», и горный хрусталь, и фиолетовый гарнит... И все это влилось в коллекцию музея Тимптоно-Угурской экспедиции, которым Олег Иванович заведует в настоящее время. 1200 экспонатов представляют чуть ли не всю каменную палитру страны. И не только — есть в музее и подарки геологов из Италии, из стран Африки.

Евгений НОВОЖИЛОВ

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Музей...

иностранных языков

В Азербайджанском педагогическом институте иностранных языков создан необычный музей — звучащий. В этой своеобразной учебной лаборатории собрана различная звуковоспроизводящая техника: от «прадедушки»-фонографа Эдисона до новейшей стереоаппаратуры. К услугам студентов и педагогов, ученых и деятелей искусств — недублированные кинофильмы и книги мировой классики на языке оригинала, пластинки с голосами выдающихся мастеров бельканто Марио дель Монато и Ренаты Тибальди и магнитофонные записи фрагментов спектаклей в исполнении артистов зарубежных театров. Регулярно устраиваются в этом звучащем мире консультации и семинары, лекции и вечера меломанов, помогающие освоить тонкости иностранных языков, услышать слова и музыку разных народов и времен.

Большую часть экспонатов в этой музей-лаборатории передал один из инициаторов его создания, Джафар Мехтиевич Джафаров — педагог института, переводчик, автор первого в республике азербайджанско-немецкого словаря, активный пропагандист использования технических средств при изучении иностранных языков.

Борис БЕЛОВ

А ЧТО У ВАС?

ЛИНДА

Джон Д. МАКДОНАЛЬД

Перевод с английского
Татьяны ГИНЗБУРГ

Как я припоминаю теперь, Линда уже с самого начала года стала приставать, чтобы я взял отпуск не летом, а осенью. Собственно, приставать — не то слово. Она стала говорить о Стью и Бетти Карбонелли и как чудесно они отдохнули, поехав на юг в ноябре. И еще она говорила о толчее на дорогах и об опасности езды в летние месяцы. И о том, что, когда нет детей, можно позволить себе отдохнуть осенью.

Я не расстраивался, полагая, что эта идея окажется не долговечнее большинства ее идей. Мне поездка на юг совсем не улыбалась. Я знал, что она потребует затрат. Линда никогда не думала и не говорила о деньгах, кроме случаев, когда ей хотелось что-нибудь купить, а уж тут у нее находилось множество доводов. Меня самого вопрос об отпуске, в сущности, никогда особенно не волновал. Конечно, я рад был бы отдохнуть какое-то время от фирмы, но мне вовсе не требовалось для этого куда-нибудь уезжать. В подвале у меня была столярная мастерская, я охотно повозился бы там. Для меня и дома нашлось бы занятие.

Вот три года назад мы никуда не ездили, и, по-моему, это был лучший из отпусков, какие я когда-либо имел, но Линда не переставала твердить, что он был самым худшим. А теперь мне впервые полагался трехнедельный оплаченный отпуск вместо прежнего двухнедельного, и она считала это еще одним доводом в пользу поездки на юг.

Я надеялся, что блажь у нее пройдет и я уговорю ее отдохнуть в августе. Мы могли бы заранее снять домик на озере, до которого было всего 70 миль и где можно было порыбачить.

Но Линда стояла на своем. Теперь я, конечно, понимаю, почему она вела себя так. Я знаю, какие жуткие мысли таились в ее мозгу все эти месяцы, пока она обхаживала меня. Теперь — слишком поздно — я понимаю, как тщательно все это готовилось.

Уже с рождения мы очень часто встречались с Джеффрисами. Имя его было Брэндон, но никто почему-то не обращался к нему так. Все звали его Джеффом. Оба они были немного моложе нас с Линдой, и он служил в одной компании со мной, только он занимался сбытом, а я вот уже девять лет — с тех пор как демобилизовался и женился на Линде — работал в отделе снабжения. Джефф был одним из лучших коммивояжеров, и в прошлом году его сделали управляющим северо-восточным отделением. Зарабатывал он, как я понимаю, порядочно — намного больше меня, должно быть, а у Стеллы, его жены, были вдобавок собственные средства.

Когда он получил повышение, они со Стеллой купили два смежных земельных участка неподалеку от нас и построились. По-моему, дом их выглядел несколько кричаче, но Линда была от него без ума. Линда всегда стремилась угодить за людьми, у которых было больше денег, чем у нас, так что мы постоянно должны были лезть из кожи вон, стараясь не отстать от других. Я пытался немного откладывать, но дело это шло туго.

Мы частенько играли вчетвером в бридж и в канасту. Обычно я не люблю встречаться с людьми, с которыми вместе работаю, потому что это вроде того, как приносить с собой работу домой. Но Джефф работал совсем в другом отделе, и мы никогда не разговаривали о делах компании.

Днем Линда ходила к Стелле или принимала ее у себя. Это не было настоящей дружбой, если вы понимаете, что я имею в виду. Вообще, хотя виделись мы очень часто, в наших отношениях всегда сохранялась известная сдержанность. Может быть, в этом была и моя вина. У меня есть два-три близких друга, а остальные — просто знакомые. Я всегда был довольно замкнутым. Говорила за нас обоих Линда.

Если вы имели когда-нибудь дело с торговой фирмой, вы поймете, что я хочу сказать, говоря о Джеффе как об образцовом коммивояжере. Не так, как тот, который хлопает вас по спине и дышит вам прямо в лицо, но настоящим современным комиссионером — высококом, представительным, приятной наружности. Шутки его всегда были удачны. И он умел слушать. Я имею в виду, по-настоящему слушать, так, чтобы вызвать вас на откровенность. У него была эта

профессиональная сноровка, эта способность дать вам почувствовать, что вы для него интересны. Я убежден, что на самом деле моя столярная мастерская нисколько его не занимала, но он спускался ко мне в подвал и притворялся заинтересованным. По всей вероятности, поделки, которые я ему демонстрировал, нагоняли на него скуку, но вы ни за что об этом не догадались бы.

И еще одно: Джефф очень следил за собой. Он по-настоящему трудился над этим: плавал, играл в теннис и все такое. И я думаю, что дома у него была кварцевая установка, потому что он круглый год сохранял хороший загар. Все это еще более способствовало производимому им выгодному впечатлению.

Когда имеешь жену вроде Линды, у тебя развивается своеобразное шестое чувство — чутье на всяких повес. Мы не могли побывать на вечере, чтобы за ней кто-нибудь не приволокнулся. Я этих вечеров терпеть не мог, но Линда на них блистала. Когда мы познакомилась с Джеффрисами, ей было тридцать четыре, а выглядела она на двадцать шесть — двадцать семь. Люди постоянно говорили ей, что она похожа на Полетт Годдар, но я этого сходства не замечал.

Что у Линды действительно было, так это превосходная фигура. В жизни не видел я лучшей фигуры. И Линда очень следила за своим весом.

Как я уже говорил, развиваешь у себя шестое чувство, если женат на женщине вроде Линды. Я внимательно и не без тревоги наблюдал за Джеффом, так как если у кого-нибудь был шанс на успех, то, уж конечно, он был у Джеффа Джеффриса. Но я мог убедиться, что здесь все в порядке. Им было весело вместе, и он любил пошутить с ней, но я видел, что все это несерьезно. И он был очень нежен со Стеллой, своей женой: то и дело пожимал ей руку, во время танцев целовал в висок и все такое. Что, как подумаешь, было довольно странно, так как привлекательной Стеллу Джеффрис менее всего можно было называть. Она была просто чертовски славной. По-настоящему славной. Мне она очень нравилась, куда больше, чем Джефф.

Меня, конечно, самого удивляло, что я женился на Линде Уилстон. Под этим именем я знал ее в школе. Мы оба были в выпускном классе. Она уверяла, что помнит меня, но не думаю, чтобы она действительно помнила. Школа была огромная, с примерно семью тысячами учащихся, а я в то время держался еще больше особняком, чем сейчас. После уроков я вынужден был работать, и у меня не было возможности участвовать в развлечениях. Линда принадлежала к совсем иному миру. Я видел ее только издали. Я был застенчив тогда. По ночам я мечтал о ней, но ни за что на свете не отважился бы заговорить с ней на перемене. Ее постоянно окружали самые шикарные ребята. Я не видел ее после окончания школы, но время от времени продолжал вспоминать, гадая, что с ней стало.

Я демобилизовался и стал работать, а неделю спустя увидел ее на улице. Я направился прямо к ней и сказал: «Привет, Линда!» Она озадаченно на меня посмотрела. Я назвал себя и сказал, что мы вместе учились в школе. Мы пошли пить кофе. И тут я заметил, что она очень скверно выглядит. Она казалась больной. На ней была поношенная одежда, и сама она как-то увяла. Вся ее прежняя живость исчезла.

Она откровенно призналась, что лишилась всех средств и ищет работу. Она только что приехала из Калифорнии. История, которую она мне поведала,

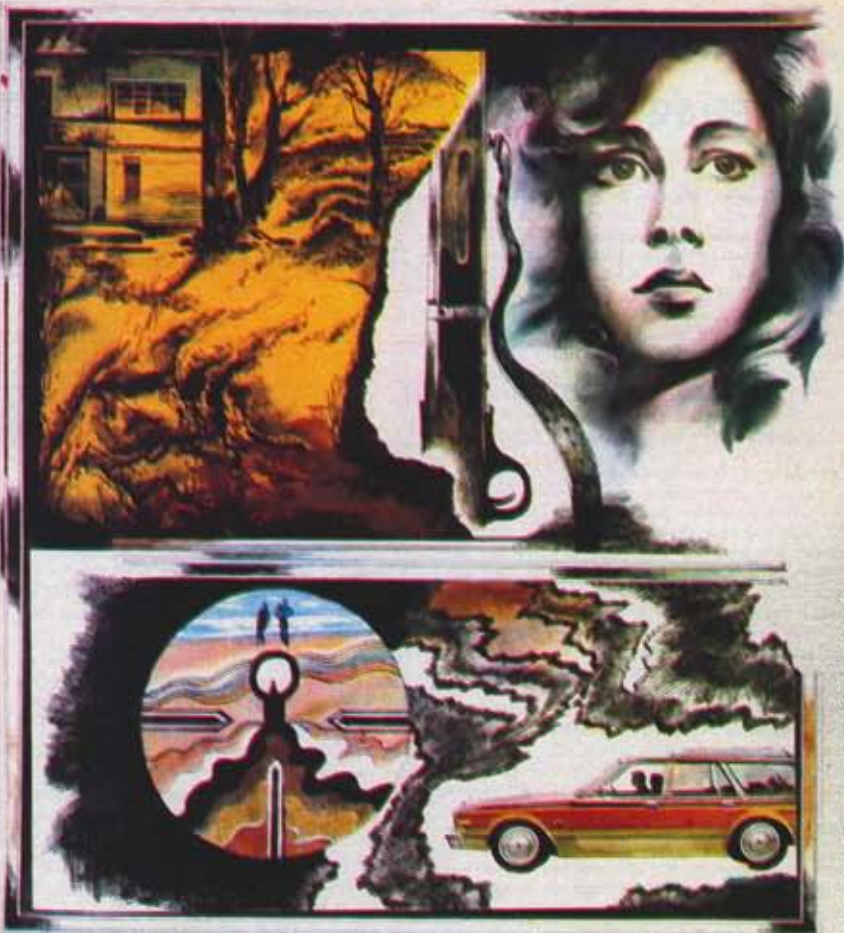

Рисунок Вениамина Костицына

была весьма трагична. Родители ее умерли. Она была замужем за моряком, и он погиб. Он не перевел на нее свой страховой полис, а его родные в Кентукки не желали иметь с ней дела, так как он женился против их воли, оставив в своем родном городе девушку.

Некоторое время она работала в Калифорнии, а затем вышла замуж за военного летчика. Он попал в какую-то историю, и его с позором уволили. Только тут выяснилось, что в Мэне у него жена и двое детей. Линда снова стала работать, но заболела, и, когда болезнь съела все ее сбережения, ее перевели в больницу для бедняков, откуда выписали, как только она встала на ноги.

Говорят, мужчинам от войны достается, но, как вы сами видите, Линде досталось от войны не меньше, чем мужчине. Все пережитое словно вынуло из нее душу, и мне было больно смотреть на нее. Жизнь рикошетом отбросила ее ко мне. Что я сделал — это поднял ее, встряхнул, вдохнул в нее ее утраченную душу. Мне, можно сказать, повезло, потому что я и мечтать не смел, что когда-нибудь женюсь на Линде Уилстон. Я все еще помнил время, когда, идя после школы работать, видел, как Линда с целой компанией ребят забиралась в машину и уезжала куда-то веселиться.

Говорят, первый год супружеской жизни самый трудный. Для нас он, по-моему, был самым счастливым. Сначала Линда еще хандрела, но постепенно стала все больше и больше оживать. Ко мне она относилась тепло и с благодарностью. Я не требовал, чтобы она меня любила. Я надеялся, что это придет потом, ну, а если и не придет, тоже не беда. Я был рад уже и тому, что она рядом и что, когда я иду с ней, люди на нее оборачиваются.

Трудно самому оценить свой брак. Трудно сказать, хорош он или плох. Может быть, вообще не бывает абсолютно хороших или плохих браков. Я знаю только, что после первого года совместной жизни между нами появилась натянутость. У нас были разные вкусы, разные взгляды на жизнь. Я говорил Линде, что требования ее чрезмерны; она говорила мне, что не хочет влачить жалкое существование. У нас не бывало бурных ссор, не такой у меня характер. А последние годы все вообще понемногу образовалось. Мы пришли к своего рода компромиссу. Она примирилась с моим образом жизни, а когда мы могли себе это позволить, уезжала на время, обычно в Чикаго. Это давало ее нервам разрядку.

Я, конечно, надеялся иметь детей. Но в этом нам было отказано. Доктор, говорила она, объяснил, что это как-то связано с болезнью, которую она перенесла в Калифорнии. Я думал, материнство могло бы угмонить ее, но раз это было невозможно, приходилось по мере сил избегать конфликтов. Иногда в пылу раздражения она говорила мне жестокие вещи, называла ничтожеством, нулем, пустым местом. Но я помнил ее или думал, что понимаю. Она была

пылкой женщиной, с горячей кровью, а жизнь мы вели слишком тихую. Теперь я гораздо лучше все это понимаю.

За последний год у нее появился прямо-таки дикий интерес к своей внешности. Она тратила уйму денег на кремы и лосьоны, придерживалась жесточайшей диеты, выполняла самые невероятные упражнения для различных групп мышц, старалась разгладить мельчайшие морщинки. И это в свете дальнейших событий тоже стало много понятнее.

Чтобы представление о Линде было полным, я должен в интересах справедливости добавить, что она была превосходной хозяйкой. Думаю, что и в этом сказывалась ее необычная энергия. В доме все блестело. Готовила она, правда, простые и незатейливые блюда, зато делала все быстро, без лишнего шума и суеты, а при покупках так горячо торговалась, что я в шутку предлагал ей поступить к нам в отдел снабжения. И одевалась она умела. Деньги на наряды она тратила немалые, но гардероб ее значительно превосходил даже эти суммы. Из всего, что я у себя в подвале смастерил, особое удовольствие доставил ей специальный шкаф для ее нарядов. Я приделал к нему складные зеркальные дверцы, которые при желании могли быть раздвинуты таким образом, чтобы она видела сразу множество своих отражений. Я сделал полку для шляп, стойку для обуви и пристроил широкий стеллаж, поднимавшийся от пола до высоты плеч. Два месяца я все свое свободное время возился с этим шкафом. Самым хитрым делом было навесить дверцы так, чтобы они легко распрямлялись и складывались. Бывало, в дождливые воскресенья Линда весь день торчала в своей комнате, примеряя свои вещи и откладывая те из них, которые надо было переделать и перешить.

Как я уже сказал, я рассчитывал взять отпуск летом, но пока ничего не говорил Линде, ожидая, что она сама откажется от этой своей затеи с поездкой осенью на юг. Как-то в конце марта или в начале апреля Джефф и Стелла вечером зашли к нам. Когда я смешивал коктейли, Линда заговорила о своей идее и о том, как прекрасно провели время Стю и Бетти Карбонелли.

— Бетти говорит, что можно практически даром снять коттеджи на западном побережье Флориды в октябре и ноябре, так как сезон начинается только к рождеству. Они были в Верано Кей, к югу от Сарасоты. И они говорят, что на всем берегу, кроме их двоих, никого не было.

Я ставил стаканы на карточный столик, когда Джефф сказал:

— А знаете, мне это нравится. Что ты скажешь, Стелла?

— Я никогда не бывала на западном побережье. В детстве меня часто возили на Палм Бич. У Сис на Западе и сейчас большое поместье, но она ежегодно сдает его через своего агента. Ей самой там никогда не нравилось.

Забыв о бридже, мы принялись обсуждать эту идею. Я сказал, что туда слишком далеко ехать, тем более, раз Стю Карбонелли говорит, что без машины там не обойдешься. Значит, езда в оба конца займет целых шесть дней, то есть одна неделя из трех будет потеряна.

Джефф некоторое время размышлял, нахмурился брови, а затем воскликнул:

— Эй! Есть предложение. Нам нужна машина, так? Мы можем снять два коттеджа рядом. Я договорюсь, Пол, чтобы мой отпуск начался через четыре дня после твоего. Вы с Линдой отправитесь на машине, а мы полетим самолетом. Ну, а когда твой отпуск кончится, вы полетите домой, а мы со Стеллой в тот же день выедем на машине. Если мы будем жить рядом, нам ведь достаточно одной машины, верно? И в таком случае отпуск у каждого из нас будет две недели и четыре дня. Ехать в оба конца на машине утомительно, но в один конец...

— И можно весь основной багаж погрузить в машину, так что с самолетом у нас не будет лишней возни, — горячо подхватила Линда.

Действительно, так все становилось более приемлемым. Я не хотел бы отдыхать вместе с Джеффрисами на каком-нибудь дорогом курорте, так как знал, что нам за ними не угнаться. Но из рассказов Стю явствовало, что это не Майямы. Он говорил, что до ближайшего городка — Хукера — от отеля восемь миль и что в тех краях много рыбы. Он говорил, что там можно есть, спать, удить рыбу и плавать, а если захочется поразвлечься, можно съездить на вечерок в Майямы. Но ведь если бы Джеффрисам вздумалось отправиться туда, нам вовсе не обязательно было бы ташиться за ними.

Стелла, колебавшаяся вначале, постепенно тоже заразилась энтузиазмом, и все трое соединенными усилиями взялись за меня. Я выдвигал все возражения, какие только мог придумать, но всякий раз кто-нибудь опровергал их.

Как я уже говорил, я человек тихий. Но в то же время я довольно-таки упрям. Эти качества, как я заметил, не так уж редко сочетаются. Сейчас против меня было трое. И хотя мысль о поездке во Флориду

казалась мне все более соблазнительной, я уже не хотел отступать просто потому, что на меня наседали. Кончилось тем, что я заявил о своем твердом намерении взять отпуск в августе и поехать на озеро Удовольствия. Понятно, это заявление подействовало на всю компанию угнетающе. Да и тон у меня был, верно, раздраженный.

Меня огорчило, что Джефф и Стелла рано ушли, потому что я знал, что Линда сейчас на меня напустится. Я ожидал, что она начнет, как обычно, кричать и браниться, мне от таких сцен просто дурно делалось.

Но на сей раз ничего подобного не произошло. Линда оставалась спокойной. Я убирал со стола, с минуты на минуту ожидая взрыва. Но его не было. Мы отправились спать.

В ту ночь я лег первый, все еще ожидая взрыва, но его так и не случилось. Линда какое-то время еще копалась, а затем вышла из ванной и остановилась в проеме дверей, освещенная падавшим сзади светом. На ней была какая-то прозрачная штука, которой я никогда прежде не видел. Позднее я понял, что купила она ее специально для поездки во Флориду, и понял также, зачем купила.

Она долго стояла так. Как я уже говорил, я в жизни не видел лучшей фигуры, чем у нее. Наконец она погасила свет, и я услышал легкий шорох, услышал, как она в темноте приближается ко мне, и почувствовал аромат каких-то новых крепких духов, а затем ее руки обвили вокруг моей шеи.

— Любимый, я хочу, чтобы мы поехали во Флориду. Я хочу, чтобы мы начали нашу жизнь заново. Я хочу второго медового месяца, на этот раз настоящего.

Ну, если надо было ехать во Флориду, чтобы обеспечить это, я готов был ехать во Флориду.

Наутро она отправилась к Стелле Джеффрис. Я побеседовал с Джеффом на службе. И все было решено.

Мы договорились, что последний день я отработаю в пятницу, 22 октября, а вернусь из отпуска в понедельник, 15 ноября. Как только с этим было улажено, я позвонил из конторы Джеффу, и он сказал, что позаботится теперь о своем отпуске. В тот же вечер он позвонил мне домой и сообщил, что ему разрешили взять отпуск со среды, 27 октября, и что на работу он должен выйти в четверг, 18 ноября.

Думаю, ему нетрудно было уладить вопрос с отпуском, так как, судя по всему, что я о нем слышал, работником он считался отменным. Помимо основных обязанностей, ему все чаще поручали контакты с рекламным агентством, и дело у него шло отлично. Для подобных контактов нужен особый талант, которого я начисто лишен. Мне трудно заводил разговор с незнакомыми людьми. Когда-то, еще в начальной школе, я попытался продавать мыло, разносить его по соседним домам. Так я нажимал пальцем не на кнопку звонка, а на дверную раму, чтобы мне не открыли.

Примерно через неделю после той ночи Линда пригласила к нам Джеффрисов и Карбонелли. Стю принес слайды и портативный проектор, и мы устроили на стене экран. Стю все жаловался, что в этом году ему дают отпуск в июле, и говорил, как он нам завидует. Слайды были хорошие. Он рассказал мне о рыбной ловле в тех местах и пообещал дать свое снаряжение. Бетти посоветовала девушкам, где делать покупки и все такое. Они сообщили нам фамилию хозяина этих коттеджей — Дулей. Джефф сказал, что напишет ему на бланке фирмы и обо всем договорится. Стю объяснил, что Дулей, в прошлом строитель, сам построил эти два коттеджа на пустынном берегу. Сейчас он уже удалился от дел. Стю сказал, что последняя неделя их отпуска была несколько испорчена, так как во втором коттедже поселились какие-то люди из Южной Каролины с четырьмя шумливыми детьми, но, если мы напишем заранее и снимем оба коттеджа, нам такие помехи не угрожают.

Стю и Бетти должны были уйти пораньше из-за своей няни. А мы еще посидели, поговорили о слайдах и о том, как мы поедем. Мы немножко поспорили, чью машину взять. Спор не был серьезным, так как не мог же я настаивать, чтобы Джефф и Стелла ехали обратно в нашем старом «седане», особенно после тех машин, на которых они привыкли разъезжать. Джефф в этом отношении был очень разборчив. Он сказал:

— Послушайте, ребята. В следующем месяце мне должны прислать новую модель. К октябрю машина будет уже обкатана, и в ней хватит места для всего нашего барахла.

На этом мы и порешили.

Через десять дней было получено согласие Дулей сдать нам оба коттеджа на весь ноябрь с правом провести там и последнюю неделю октября. Он запросил по 150 долларов за коттедж плюс налог, требуемый властями Флориды. Это было на 25 долларов больше, чем платили Стю и Бетти, но все же терпимо. Я дал Джеффу чек на свою долю, и он перевел Дулею всю сумму. Дулей в ответ написал, что к нашему приезду его самого там не будет, но что мы сможем получить ключи у лавочницы Джетро в

Хукере и что оба коттеджа будут в полном порядке. Он пожелал нам хорошо отдохнуть и предупредил, чтобы мы по всем вопросам обращались к Лотти Джетро.

Лето выдалось на редкость жаркое, но даже адская духота не умеряла энтузиазма, с каким Линда готовилась к поездке. Значение, которое она придавала этому, порядком меня удивляло. Я понял бы такой энтузиазм, если бы мы собирались в Париж или в Рим, но по поведению Линды можно было подумать, что пустынные просторы Верано Кей сулят ей что-то совершенно необычайное. Теперь я понимаю, что в известном смысле так оно и было.

Машина Джеффа приехала, и я несколько раз водил ее, когда мы все четверо этим летом куда-нибудь выбирались. Она была низкая, длинная, светло-серая и великолепная. У нее были великолепные тормоза, великолепный руль, великолепные сиденья, великолепные окна и потрясающая скорость. Катилась эта машина так легко и плавно, что вы и не замечали, как стрелка спидометра переходила за семьдесят. Когда после этого куда-то снова вернулся к своей собственной машине, мне показалось, что я нахожусь в девяти футах от земли и что вокруг меня все дребезжит. Должен признаться, что я с удовольствием предвкушал, как поведу эту изумительную штуку до самой Флориды.

Помню, в одно из воскресений я что-то мастерил во дворе, а Линда загорала. Я подошел к ней, неслышно ступая по траве. Она лежала на спине, и лицо ее с белыми пластиковыми кружочками на глазах выглядело странно. Я подумал, что она спит, но затем увидел у нее в руке сигарету. Она медленно подносила сигарету к губам, затягивалась и так же медленно выпускала дым. Мне вдруг захотелось узнать, о чем она думает. Эти пластиковые заслонки на глазах придавали ее лицу какую-то загадочность. На бронзовой коже выступили бусинки пота. Освещенное солнцем тело было исполнено такого совершенства, что казалось, это лежит не живая женщина, а античная статуя, таинственным образом перенесенная в нашу эру из далекого прошлого.

У меня было странное ощущение, будто я совсем незнаком с ней. Я окликнул ее, и она, сняв с глаз эти белые кружочки и искоса посмотрев на меня, спросила:

— Что? Что такое?

Это снова была Линда, и я вернулся к своей работе. Я знаю теперь, о чем она думала, когда я стоял и глядел на нее, и я готов поверить, что зло создает собственную специфическую ауру и что, оказавшись в сфере ее действия, чувствуешь, как сердце твое сжимается от холода.

Но в тот день я просто поехал, ничего, по существу, не поняв. Я был обыкновенным, тихим Полом Коули — человеком среднего роста, с узким маловыразительным лицом, покатыми плечами и неопределенного цвета волосами, которые за последние годы так поределели, что сквозь них в электрическом свете начал уже проблескивать скальп. Я знал себе истинную цену. Я был толковым работником с упорным аналитическим складом ума и способным к технике и ремеслу руками. Я давно расстался с юношескими мечтами о славе. Я знал свое место и свой мирок — свою работу, свой дом и свою беспокойную и красивую жену.

Я знаю теперь, что Пол Коули был дураком, одним из тех, о ком можно прочесть в бульварных листках. Эти дураки воображают, что впереди широкая, надежная дорога, а на самом деле бредут по узкой, окутанной тьмой тропке.

Жара продержалась еще целых две недели после Дня труда¹. Затем сразу похолодало, и листья начали желтеть. Я привел в порядок свои рыболовные снасти, запасался аккредитивом и купил все необходимое для пребывания на пляже. Я много работал, стремясь разделиться со всеми делами до отпуска. Я знал, что к моему возвращению их и так накопится достаточно.

Последние дни тянулись бесконечно долго. Наконец наступила пятница, двадцать второе. Я попрощался с сослуживцами. Было как-то странно уходить в отпуск, когда лето уже кончилось. Я оставил свой адрес на случай, если потребуется связаться со мной.

В пятницу вечером Джефф и Стелла привели к нам свою машину со всем багажом. Наши вещи тоже были уже упакованы. Джефф привез мне билеты на обратную дорогу в самолет, и я дал ему чек. Они должны были прилететь в Сарасоту 27-го вечером, а мы прибывали на место 25-го, так что у нас было время устроиться, прежде чем ехать в аэропорт за ними. Они взяли мою машину и ключ от гаража, чтобы перед отъездом поставить ее на место.

Ранним утром мы с Линдой отправились в путь. Мы приехали в Хукер в понедельник в пять часов пополудни. Поездка прошла без всяких происше-

¹ 70 миль — около 120 км.

² День труда — первый понедельник сентября.

ствий. Вести машину было легко. Линда всю дорогу вела себя непривычно тихо. У нас не было никаких затруднений с мотелями, и на дорогах в это время года не было пробок. Мы ехали из осенней прохлады в лето.

Хукер оказался маленьким сонным городишком, эклектически застроенным в период бума двадцатых годов. Улицы его утыкались в пальмовые рощи, сквозь потрескавшийся асфальт пробивалась высокая трава. Здесь было тихо и жарко, и на широкой главной улице стояло несколько запыленных автомобилей. Я подъехал к лавке Джетро, и, когда вышел из машины, на руку мне сразу опустились два больших черных ленивых москита.

Летти Джетро была огромной поблекшей молодой женщиной в хлопчатобумажном платье, плотно облегавшем ее внушительную фигуру. Она дала мне ключи и сказала:

— Поезжайте по этой дороге. Она идет вдоль залива, и там есть табличка с указателем на запад, к Верано Кей. Когда выедете на отмель, сверните налево, то есть на юг, и примерно в миле оттуда вы увидите еще одну маленькую табличку: «Кипарисовые коттеджи». Вот это они и есть. Я не знаю точно, какой ключ от какого коттеджа, но вы легко разберетесь на месте. Электрические пробки вывернуты, вам надо будет ввернуть их. В обоих коттеджах вы найдете заполненные газом баллоны, а помпа там одна на двоих. Вот вам ключ от сарая. На стене есть инструкция, как пользоваться помпой.

В лавку вошла Линда. Еще в дороге она переоделась и была теперь в шортах. При ее появлении несколько мужчин, находившихся в глубине лавки, смолкли.

— Я подумала, хорошо бы сразу захватить что-нибудь из продуктов,— сказала она.

— Мы получили большую партию замороженного мяса и различных бакалейных товаров,— сказала мисс Джетро.

Я купил сигарет, несколько журналов и жидкость от москитов, Линда тоже сделала необходимые ей покупки. Чтобы за все расплатиться, мне пришлось снять часть денег с аккредитива. Мы проехали около шести миль, пересекли ветхий деревянный мостик и попали на отмель. Дорога здесь была песчаная и неровная, с холмом посередине. Солнце спускалось над синевато-стальным заливом. Иногда мы приближались к нему и видели широкий пустынный берег и лениво накатывающие на него волны. Морские птицы деловито бегали по песку и рылись в нем клювами.

— Хорошо,— сказал я.

— Да,— откликнулась Линда.

Коттеджи стояли футом в ста друг от друга. Я спросил, какой она выберет, и она ответила, что ей все равно. Я остановил машину у того, который стоял южнее. Мы отперли дверь, внесли свои вещи и затем открыли второй коттедж. Они были в точности одинаковыми. Отмель в этом месте сужалась, и здесь была пристань, а возле нее на берегу, выше верхней точки прилива, лежала перевернутая весельная лодка. Сарай с помпой находился неподалеку от пристани. Оба коттеджа были выстроены из кипариса. В каждом коттедже были две спальни и гостиная, отделанная грязновато-зеленым пластиком; маленькие газовые калориферы, газовая плита, камин, холодильник, кухонька и крытая веранда, выходящая к заливу.

Я винтил пробки в обоих коттеджах, включил помпу, а затем отвел машину ко второму коттеджу и выгрузил вещи Джеффрисов. Кроме обычного багажа, они взяли с собой новый комплект для бадминтона и чехол с ружьем. Это был совсем новенький «ремингтон» с четырьмя оптическими прицелами. Из такого ружья, должно быть, приятно пострелять по жестянкам из-под пива.

Когда я вернулся, Линда уже вынула наши покупки и распаковывала вещи. Потом мы немного прощлись по берегу. Огромное раскаленное красное солнце уже скользило в залив. Футам в четырехстах к югу от нас стоял большой дом с закрытыми ставнями. Примерно на таком же расстоянии к северу были четыре маленькие пляжные кабины, имевшие заброшенный и запущенный вид.

— Мы все еще здесь.

Она не ответила. С темнотой налетело еще больше москитов. Мы сбежали от них на веранду. Линда приготовила сэндвичи. Я включил наш портативный радиоприемник, и мы стали слушать кубинскую музыку из Гаваны. Волны мягко ударяли о берег. Меня стала одолевать зевота. Я вышел и отвел машину с берега, поставив ее позади коттеджей, чтобы ее не попортили соленые брызги с моря. Когда я лег, Линда еще слушала музыку.

Когда я проснулся утром, Линды уже не было. Надев плавки, я вышел на берег. Я увидел ее вдалеке. Она медленно бродила по пляжу и собирала ракушки. Я допил уже вторую чашку кофе, когда услышал, что она принимает душ. Через несколько минут она вошла в кухню, кутаясь в большое банное полотенце и держа в руке свой мокрый купальник.

— Температура воды, верно, восемьдесят градусов. И, по-моему, здесь есть дельфины.— Глаза ее сверкали, она была похожа на ребенка, у которого праздник.

Я в тот день обгорел и еще в среду, когда мы поехали на аэродром в Сарасоту, чувствовал себя неважно. Было уже темно, и Джефф попросил меня вести машину, так как я уже знаю дорогу. Они сказали, что долетели хорошо и что в воскресенье дома уже шел снег, хотя тут же таил. Джефф казался чрезмерно возбужденным, а Стелла, напротив, совсем притихла. Линда почти всю дорогу сидела, повернувшись к ним, и делилась впечатлениями.

Джеффа немного напугала примитивная дорога по отдели, но я с шиком подвез их к самой двери, а Линда, войдя первой, включила свет. Еще накануне она наполнила их холодильник продуктами для завтрака. Жилье им как будто понравилось, особенно Джеффу. Меня это, по правде говоря, удивило, потому что от него, как и от Линды, я ждал большей приверженности к цивилизации. Когда все было устроено, мы вышли к ним на веранду. Стелла сказала, что хочет спать, но чтобы мы не уходили, и мы втроем посидели еще и поболтали немного.

Это был последний вечер, когда между нами четверьма сохранялись отношения, которые я назвал бы нормальными. Все началось уже на другой день. Началось неожиданно, без предупреждения и так, что ни я, ни Стелла ничего не могли с этим поделать. Вот как это все произошло.

Часов в десять утра все мы были на пляже. Мы взяли с собой два одеяла, полотенца и потрепанный пляжный зонтик, найденный мною в сарае. Помню, я поймал по своему портативному приемнику танцевальную музыку. Нам со Стеллой надо было остерегаться солнца. У Джеффа был уже хороший загар. А Линда загорела, конечно, лучше всех. Мы лениво перебарывались словами, как это обычно бывает на пляже под жарким солнцем.

Линда встала. Тень ее упала на меня. Я думал, она собралась купаться. Она сказала:

— Пойдем, Джефф.

Я думал, она зовет его в море. Но в ее голосе была какая-то странная резкость. Джефф, не говоря ни слова, поднялся, и оба они пошли по берегу в направлении юга.

Я не смогу, пожалуй, в точности объяснить, почему возникшая ситуация была такой уж странной. Конечно, Линда и Джефф могли пройти вдвоем, как могли бы пройти вдвоем и мы со Стеллой. Ведь все мы четверо были, как я думал, друзьями. Но дело было в манере, с какой они покинули нас. Тон Линды был повелительным, безапелляционным. Джефф подчинился немедленно. Это свидетельствовало об отношениях, о которых я и не подозревал. Если бы все шло нормально, они сказали бы что-нибудь насчет того, что хотя бы прогуляться по берегу, что скоро вернутся, в общем, что-нибудь в таком роде. Они просто ушли.

На север берег хорошо просматривался, но на юг мы не могли далеко видеть из-за того большого дома, за которым линия берега изгибалась, исчезая уже из поля нашего зрения.

Я несколько раз поглядывал в ту сторону и видел, что они неторопливо удаляются. А затем я взглянул снова, и их не было. Трудно сказать, что я почувствовал. Их поведение как будто вернуло меня на многие годы назад. Линда снова была за пределами досягаемости. Она уходила с яркими людьми. А я снова стал тем Полом Коули, который шел после школы работать и имел так мало знакомых в своем классе.

Я невольно бросил взгляд на Стеллу, но на ней были большие, очень темные солнечные очки, полностью скрывавшие глаза. Я перебрал в уме множество нейтральных тем для разговора, но так и не заговорил.

Спустя немного Стелла поднялась, молча сняла очки и часы, натянула на свои светлые волосы купальную шапочку и пошла к воде. Я наблюдал за ней. Она плавала удивительно хорошо для такой хрупкой женщины. Мне показалось, что прошло много времени, пока она наконец вернулась и села в тени зонтика, обхватив руками колени и глядя в море. Наше молчание было крайне неловким. Чем дольше Джефф и Линда отсутствовали, тем более неловким оно становилось. Я вспоминал прежние отношения между Джеффом и моей женой и не находил ничего, что позволяло бы ожидать такого их поведения.

Началась юмористическая передача, и я выключил приемник.

— Ну, Пол,— спокойно сказала Стелла.

У нее был ровный, невозмутимый тон, типичный для женщин, окончивших привилегированные хартфордские школы.

— Я... о чем ты?

— Ты сам отлично знаешь. Если бы она повесила вывеску или выжгла на его лбу клеймо, она и тогда не могла бы сделать это более очевидным.

¹ По Фаренгейту.

— Не думаю, чтобы здесь было такое.

— Не вижу, что еще может быть. Я не хотела ехать сюда. Сначала хотела, а потом нет. Я пыталась отговорить его. С таким же успехом я могла бы обращаться к стене.

— Ну, Стелла...

— Не успокаивай меня. Пожалуйста... Попали мы с тобой в положение, Пол. Дело серьезное и весьма неприятное. Я подозреваю что-нибудь в этом роде... но не столь вызывающее.

— Мы все друзья.

Она повернула ко мне темные стекла своих очков. — Я твой друг, Пол. Я друг Джеффа, надеюсь. Но не ее. Повторяю, не ее. Она показала себя достаточно ясно. Мне следовало бы сейчас же уехать. Это было бы самым разумным. Но я, как видно, не очень разумная женщина. Я, пожалуй, останусь и буду бороться.

Она собрала свои вещи и ушла в коттедж. В полдень пошел к себе и я. Я сидел на веранде и читал. Наконец они появились. Расстались они прямо перед нашим коттеджем, и Линда поднялась на веранду.

— Долгая прогулка,— сказал я.

— По-моему, нет.— Она посмотрела на меня, точнее, словно сквозь меня и прошла в дом.

Это было только начало. Дальше пошло не лучше. Линда и Джефф уходили вдвоем, куда и когда вздумается. Может быть, было бы лучше, если бы я мог подойти к Линде и потребовать объяснений, если бы я мог встряхнуть ее, ударить. Но во мне слишком укоренилось по отношению к ней чувство неуверенности. Я попытался урезонить ее:

— Линда, мы планировали хорошо провести здесь время.

— Да?

— Ты и Джефф, вы все портите. Стелла несчастна.

— Какая жалость!

— Вчера вечером вы отсутствовали три часа. И даже не извинились, не сказали ни слова в объяснение. Это так... жестоко.

— Бедный Пол.

— Ты что, совсем не имеешь представления о приличии? У вас с ним связь?

— Почему бы тебе не заняться рыбной ловлей?

— Я не могу ничем заниматься, когда ты так себя ведешь. Я просто не понимаю тебя. Что, по-твоему, я должен делать? Что будет с нами дальше? Как можем мы вернуться назад и жить, как жили раньше?

— А разве это обязательно, дорогой? Господи, что за рок!

Это было совсем на нее не похоже — не выйти из себя, не закричать, не затопать ногами. Она стала как будто... непрозрачной. Думается, это единственное подходящее слово. Для меня это было сущей пыткой. Я чувствовал себя беспомощным. В их действиях словно был холодный расчет, и это-то больше всего сбивало меня с толку. Моментами я чувствовал себя, как в кино, когда войдешь в середине какого-нибудь очень запутанного фильма. История тебе непонятна. Ты стараешься догадаться о происходящем по словам и действиям актеров, но все, что они делают и говорят, только еще больше сбивает тебя с толку.

Однажды утром я наблюдал за Джеффом и Линдой, стоявшими на пляже прямо перед нашим коттеджем. Джефф подбрасывал как можно выше пустые жестянки из-под пива и стрелял в них, а потом учил Линду стрелять. Обхватив рукой ее голые плечи, он показывал ей, как надо держать ружье. Мне слышны были звуки выстрелов, а один раз до меня донесся смех. Я сидел и смотрел на них и чувствовал дурноту. Когда Линда побрела дальше по пляжу, я подошел к Джеффу. Впервые с тех пор, как это началось, мы остались с ним наедине. Он очень спокойно посмотрел на меня.

— А, Пол. Хочешь пострелять?

— Нет, спасибо. Я хочу поговорить с тобой.

Он немного смутился, но сказал:

— Что ж, выкладывай.

Мне показалось, что я участвую в очень плохом спектакле.

— Я думаю, ты знаешь, о чем я хочу говорить.

— Не догадываюсь.

Он старался еще больше усложнить мою задачу.

— Это о тебе и о Линде. Чего вы добиваетесь?

— О чем ты?

— Мы никогда не бываем все четверо вместе. Ты и Линда вдвоем плаваете, вдвоем гуляете. Вы ставите в чертовски неловкое положение твою жену и меня.

Он как будто почувствовал себя увереннее.

— Ты говорил об этом с Линдой?

— Да, говорил.

— И что же она сказала, старина?

— Не зови меня стариной. Она ничего не сказала. Она не оправдывается и ничего не объясняет. Ваше поведение — образец самого бессмысленного эгоизма. Господи, если вы хотите разрушить оба брака, откройте по крайней мере свои карты.

Он даже улыбнулся, хотя глаза его остались беспоконными.

— Пол, старина, отдыхать — это значит делать то,

что тебе нравится. Я делаю то, что мне нравится. И Линда, по-моему, тоже. Не кипятись же. Успокойся. Найди и себе развлечение.

Он насмешливо хмыкнул. У меня не осталось ни тени симпатии к нему. Я ненавижу его и все, что он делал.

Я был оскорблен и рассержен. Все мускулы у меня напряглись. Я бросился на Джеффа и ударил его в зубы. Он упал на песок; ружье отлетело в сторону. В первый момент он был совершенно ошеломлен, но, едва успев подняться, пришел в ярость. Я был дураком, что напал на него. У него было превосходство в возрасте, весе, росте, ловкости и физической подготовке. Последний раз я дрался в школьном дворе — и был побит.

Джефф в таком бешенстве налетел на меня, что я оказался в нокадауне, кажется, прежде чем он настояющему меня ударил. Я поднялся, и он ударом в грудь снова послал меня в нокадаун. Когда я опять стал на ноги, между нами бросилась Стелла. Вместо того, чтобы остановить своего мужа, она крикнула мне:

— Нет, Пол! Нет.

Джефф поднял испачканное ружье и, пристально поглядев на меня, пошел к себе. Я сразу понял, что имела в виду Стелла: от таких действий не будет толку. От них не может быть толку. Бессмысленно драться за Линду.

Расстелив на веранде газету, Джефф принялся разбирать, чистить и смазывать ружье. Он был таким же непрозрачным, как Линда. Они вели игру, правил которой ни я, ни Стелла не знали. Сила была на их стороне, и мы терпелись в этой странной ситуации. Они как будто насмехались над нами, ничем нас формально не оскорбляя и не давая нам прямых доказательств своей неверности. Они просто вели себя так, точно на день мы обменивались супругами и только поздним вечером все возвращались к своему семейному очагу.

Стелла и я ездили за покупками. Линда давала мне список. Отбросив гордость, Стелла пыталась объяснить с ней. Она презирала себя за то, что не смогла сдержаться слез. Линда отвечала ей столь же небрежно и уклончиво, как Джефф мне. У нас со Стеллой был не отдых, а сплошной кошмар.

Так как мы вдвоем ездили в Хукер, там, как я позже узнал, не понимали толком, кто на ком женат. Особым образом истолковали и наше поведение пятого ноября. В этот день, когда мы собрались в город, Джефф попросил меня заправить бензином и маслом его машину.

Дорогой мы мало разговаривали, думая о тех двоих, оставшихся на берегу. Подглядывать и шпионить за ними было бы ниже нашего достоинства.

Оставив машину на заправочной станции, мы зашли в маленький бар. Позднее рассказывали, что мы сидели голова к голове и тихо о чем-то разговаривали. Стелла действительно немного всплакнула.

Когда мы вернулись, они плавали ярдах в двухстах от берега.

В воскресенье, седьмого, в наших отношениях со Стеллой появилось что-то новое. Линда, помыв после ленча посуду, ушла куда-то с Джеффом. Я сидел на веранде, когда подошла Стелла. Взгляд у нее был напряженный.

— Хочешь пройтись со мной, Пол?

— Конечно.—Мы двинулись на юг.—Они пошли этой дорогой?—спросил я.

— Нет. Они поехали на лодке. Джефф взял свое рыболовное снаряжение. Я просто... хочу пройтись, Пол, и мне не хочется быть одной.

Она шла быстрым шагом. Оба мы были босиком. Ее светлые волосы были стянуты на затылке серебряной пряжкой, и она была в своих массивных темных очках. Я уже говорил, что Стелла не была красивой. У нее были чересчур светлые брови и ресницы, чересчур большие для ее тонкого лица нос и рот.

Мы прошли по берегу дальше, чем я когда-либо заходил, и оказались перед волнорезом, сложенным из крупных камней.

— Вернемся?—спросил я.

— Давай пойдём дальше.

Она стала осторожно перебираться через камни. Я шел за ней. У нее была тонкая талия, прямая спина, четкие и чистые линии плеч и шеи. Когда мы преодолели барьер, снова пошли рядом, я украдкой поглядел на нее. Никогда раньше я не смотрел на нее внимательно, уверенный, что она должна быть угловатой и костлявой.

Сейчас, впервые увидев ее по-настоящему, я невольно стал делать сравнения. Линда была яркой и броской, как писанный маслом портрет. Стелла была утонченной, как японская живопись. Только приглядевшись внимательно, замечаешь особую изысканную прелесть, очарование и силу этого искусства.

Не подумайте теперь, что я, как школьник, распустил слюни. Просто, впервые увидев, какая она на самом деле, я почувствовал острую жалость. Потому что если отношение Линды ко мне можно было хоть как-то объяснить собственной моей незначительностью, то Джефф, пренебрегая этой женщиной, совер-

шал нечто более непонятное и жестокое. Вероятно, всегда обидя по отношению к женщине выглядит более жестокой. Мужчина обычно может найти утешение в другой и таким способом снова обрести веру в себя. Женщине же не остается ничего, кроме как с горечью переживать несправедливость обиды.

В полумиле за волнорезом мы нашли старый, разрушенный дом. Стелла взобралась на уцелевший кусок стены. Я сел рядом.

— Я, пожалуй, сдаюсь, Пол,—сказала она без всякого выражения.

— Что же ты будешь делать?

— Еще не знаю точно. Во-первых, не стану больше стараться. У вас с Линдой билеты ведь на следующую субботу?

— Да.

— Она криво усмехнулась.

— Я использую эту неделю, чтобы получше загореть и кое-что обдумать. Я... я ошеломлена. Я позволю ему отвезти меня назад. Может быть, расставшись с ней, он заговорит. Но даже если он станет раскаиваться, не думаю, чтобы я могла простить. Простить такое... сознательное, изощренное унижение.

После короткой паузы она, не глядя на меня, вдруг очень быстро заговорила:

— Когда я была маленькой, меня отправили как-то на лето в очень модный, привилегированный лагерь для девочек. Там существовали группы, по шесть человек в каждой. Я приехала с опозданием, когда все группы были уже сформированы. Думаю, мое появление было совсем некстати. Понимаешь, группы во всем соревновались. В плавании, верховой езде, ну и во всем таком. И тут явилась я, бледная, застенчивая, неловкая, не знающая, куда себя деть, и никому из них не нужная. У всех у них были какие-то секреты. Они изобрели даже собственный язык. Для меня это лето было ужасным. И вот сейчас у меня снова такое чувство. Никогда не думала, что я все еще столь ранима.

Я очень хорошо понимал ее, но она меня удивила: я всегда считал, что деньги являются надежной гарантией от одиночества.

— А ты не могла попросить родителей, чтобы они забрали тебя и отправили в какое-нибудь другое место?

— Могла. И они сделали бы это. Но я не хотела даже в их глазах выглядеть униженной, не хотела, чтобы они подумали, что я хуже других. Два года спустя оба они утонули. Их лодка попала в шторм. Они-то всегда и везде чувствовали себя в своей тарелке. Большие, смуглые, веселые, с ослепительной улыбкой. Папа звал меня белым мышонком. Он делал это любя, но мне всегда было немножко больно. Сейчас я думаю, Джефф снова превратил меня в белую...—Она закрыла лицо руками и тихо заплакала.

Я обвил рукой ее горячие от солнца плечи и крепко прижал ее к себе. Мы долго сидели так, а когда она подняла ко мне свое лицо, я поцеловал ее, почувствовав соль на губах. Я смущенно отвел руку и сказал:

— Извини.

— Не извиняйся. Это они толкали нас друг к другу. Мы оба оказались за бортом. Я полагаю, мы вправе утешить друг друга. Во всяком случае, я рада, что ты поцеловал меня, Пол. Это придало мне... ну, уверенности, что ли. Что ты намерен делать?

— Не знаю. Может быть, я недостаточно горд. Я все еще надеюсь, что это кончится. Может быть, совсем как раньше уже не будет, но я удовольствуюсь и меньшим. Я вообще не требую многого. Или, может быть, не стою.

— Не принижай себя.

— Я не принижую. Я стараюсь быть честным. Я все еще удивлен, что Линда вышла за меня. И все еще в известном смысле благодарен ей.

— Она нахмурилась и отвернулась.

— У меня в девичестве была другая проблема. За мной ухаживали слишком многие. Милые, воспитанные, красивые, мужественные молодые люди. Трудность заключалась в том, чтобы понять, я ли им нужна или мои деньги.

— Их так много?

— Навалом. Просто до неприличия много. Думаю, я настояла на том, чтобы жить скромно, потому что хотела продлить для Джеффа, так сказать, испытательный срок. Теперь я думаю, не было ли это ошибкой. Может быть, если бы я сразу поверила, что действительно нужна ему, и стала вести тот образ жизни, какой мы можем себе позволить, все было бы иначе. Нет, и это не помогло бы. И нет смысла толковать о том, что было бы, если бы я поступила так или этак. Сейчас это уже не имеет значения. Все равно с этим покончено.

— Ты оставишь его?

— Да. А затем дам себе волю. Разгуляюсь. Финансовые примочки для уязвленного самолюбия. Знаешь, Пол, нам следовало бы проделать это вместе. Отплатить им их же монетой. Прокатиться по всем значным местам. Вот бы они позлосили!

Я посмотрел на нее.

— Но ведь для нас это невозможно.

Взгляд ее помрачнел.

— Да, для нас это невозможно.—Она встала и попыталась улыбнуться.—Вернемся на наш фронт, Коули.

И мы пошли назад, на наш странный фронт. Против двух бессердечных людей, которые, ничего не объясняя, гнули свою линию. Они вели против нас свою странную кампанию, а мы были беспомощны, потому что ничего не понимали. Две белых мыши. Две слепых мыши.

Среда, десятое ноября, была самым жарким из всех дней. Небо сияло прозрачной синевой, но море странно посерело, и горизонт затянуло дымкой тумана. В воздухе повеяло переменой погоды. День стоял тихий, но время от времени налетал порыв горячего ветра, вздымая песок, который завихрялся спирально и снова опадал, как только стихал ветер. В нескольких футах от берега колыхалось на волнах бесчисленное множество мелких рыбешек. Стаи маленьких перевозчиков выхватывали их клювами из воды и быстро спешили прочь от прибоя, точно проворные, торопливые человечки во фраках и со спрятанными под фалды руками.

Ни в Джеффе, ни в Линде никаких перемен не ощущалось. Разве что этим утром я заметил у Линды намек на исчезнувшее за последнее время, но столь знакомое мне раздражение. Я даже подумал, не предвещает ли это начало конца ее странного поведения. Я вышел на пляж часов около десяти. Минут через пятнадцать появилась Стелла в нарядном желтом купальнике. Расстелив рядом с моим одеялом свое огромное полотенце, она пошла плавать, а затем вернулась, сняла резиновую шапочку, встряхнула светлыми волосами и, улыбнувшись мне, растянулась рядом на солнце.

Послышался резкий хлопок, и я, не открывая глаз, понял, что это выстрел. Приподнявшись на локте, я увидел Джеффа, стрелявшего по пустым жестянкам. Стояла такая тишина, что было слышно, как отлетевшая рикошетом пуля шлепнулась в воду.

Краем глаза я заметил выходящую из нашего коттеджа Линду. Она впервые надела новый купальный костюм, купленный перед самым нашим отъездом. Я удивлялся, почему она до сих пор берегла его. Я удивлялся, зачем она вообще его купила. Он, безусловно, был ей не к лицу, темно-зеленый и такой скромный, точно вовсе и не ее. По сравнению с ее любимым тонким бикини, которое вообще только каким-то чудом держалось, этот зеленый костюм имел просто похоронный вид. Она подошла совсем близко к Джеффу. Он перестал стрелять и наклонил к ней голову, слушая то, что она ему говорила. Секреты. Я вспомнил о белой мышке в том лагере для девочек.

Я лег на спину и закрыл глаза. Немного погодя—должно быть, минут через десять—я снова открыл их и увидел, что Джефф сидит по другую сторону от Стеллы. На его загорелых, длинных, крепких ногах курчавились светлые волосы. Он сидел, глядя на залив, и я видел, как заходил желвак на его скуле, когда он стиснул зубы. Меня заинтересовало, о чем он думает.

Было еще утро, и солнце пока не добралось до юга. На меня легла тень, и, посмотрев на нее, я увидел, что это длинная узкая тень от ружья, сливавшаяся с тенью Линды. Я поднял глаза. Линда стояла рядом со мной, прижав ружье к плечу и целясь прямо в голову Стеллы. Я только открыл рот, чтобы сказать, что даже в шутку нельзя настаивать ружье на человека, как Линда спустила курок. Дуло находилось в каких-нибудь трех футах от моего лица, и выстрел почти оглушил меня.

Пробив голову на дюйм выше лба, кусочек свинца создал внутри черепа такое давление, от которого лицо Стеллы Джеффрис изменилось до неузнаваемости. Позднее было установлено, что пуля, повредив артерию, застряла в горле. От мгновенного повреждения мозга тело изогнулось дугой, лишь пятками и затылком касаясь земли, а затем бессильно упало. Послышался короткий булькающий звук, и из горла, заливая плечи, купальник и полотенце, хлынула кровь.

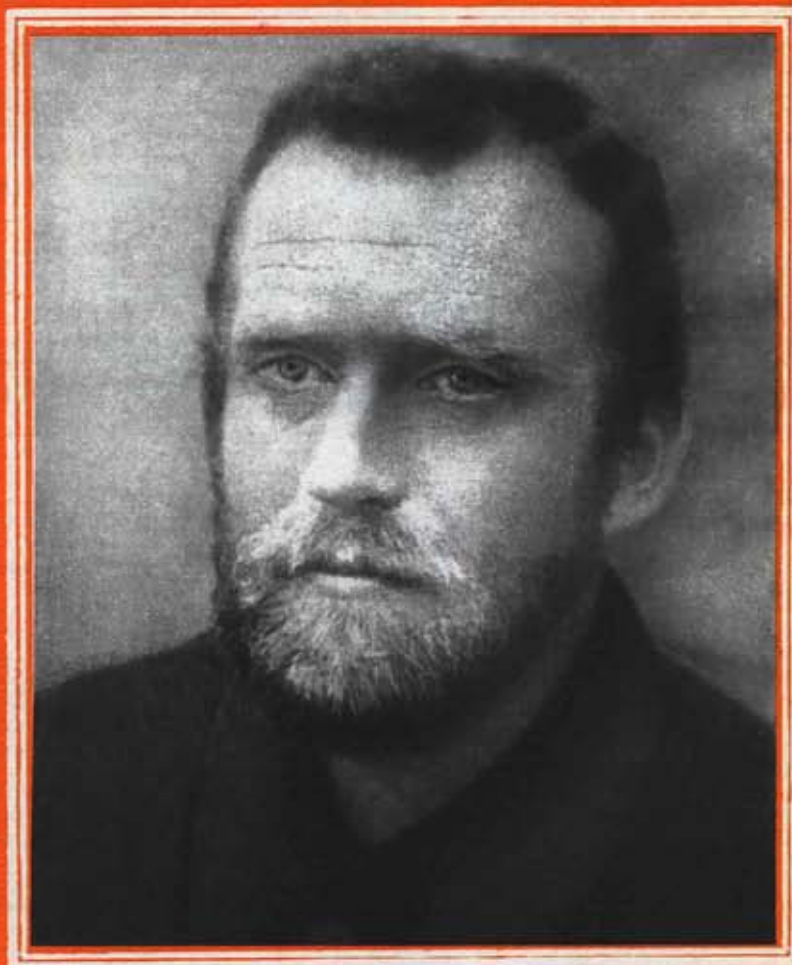
Не пережив подобного ужаса, невозможно понять всей силы вызванного им шока. Прежде всего сама эта картина запечатлевается в мозгу так, точно ее вколотили туда гвоздем. Если представить себе разные области нашего мышления как отдельные листки бумаги, сложенные аккуратной стопкой, то такая картина настолько рельефна, что пропечатывается всю стопку насквозь, оставляя свой след на каждом листке. И о чем бы ты потом ни думал, перед твоим мысленным взором встает растаявшееся на песке напряженной дугой тело, широко раскрытый глаз с меркнувшей радужкой и застывшим в мертвой неподвижности зрачком, залитое кровью плечо, последнее предсмертное шевеление тонких пальцев.

Когда я, ошеломленный, взглянул на Линду, она спокойно целилась в Джеффа, уверенно орудуя затвором. Я видел, как на песок выпала гильза от патрона.

Николай ШИЛО,
академик,
Герой Социалистического Труда,
председатель Президиума
Дальневосточного
научного центра АН СССР

ГЕОЛОГ

БИЛИБИНЫ

В двадцать восьмом году, в то самое время, когда читающую публику увлекли похождения инженера Гарина, пытавшегося с помощью гипербоида добраться до мифического Оливинового пояса, несколько энергичных молодых людей на северо-востоке страны отыскали кое-что поинтересней. Как часто бывает, действительность оказалась смелее вымысла. И в тех местах, по которым Алексей Толстой провел геолога Манцева, уже через десяток лет широко развернулась промышленная золотодобыча.

Без гипербоидов. Едва ли не вручную. А то, что фантастический роман в своей географии оказался почти документален, объясняется всеобщими ожиданиями, широкой известностью изысканий, которые с конца прошлого века производила в тех местах российская Академия наук. Известностью не детальной, потому что детали всегда интересуют только специалистов, а известностью на уровне молвы, украшенной домыслами.

В двадцатые годы в бассейн Колымы были отправлены несколько экспедиций, и все они дали по-своему значительные результаты. Но одна оказалась решающей, и после сделанных ею выводов вся история громадного края нашей земли начала развиваться совершенно особым образом.

Возглавлял экспедицию молодой человек, в свои двадцать семь лет прошедший гражданскую войну, преодолевший отторжение золотоискательской среды на алданских приисках, перебравший и испытывший в деле весь арсенал геологических гипотез того времени и лучше всех своих коллег понимавший не только где и что искать, но и как искать. В геологии того времени, обстроившейся стеной профессиональных стереотипов и «неписаных правил», он был новичком, чужаком. К тому же характер у него взрывчатый, и идеи такие же.

И вот в бухту Ногаева на побережье Охотского моря вошел зафрахтованный «Совторгфлотом» пароходик-развалюха «Дайбошимару», развозивший рыбацкие артели по побережью. Подогнали кунгасы и в них погрузились со своим небогатым имуществом несколько молодых людей. Их решительного вида руко-

водитель с бросающейся в глаза офицерской выправкой в процессе всех хлопот насвистывал увертюру к «Тангейзеру». По заданию треста «Союззолото», им предстояло проверить смутные слухи о золотоносности бассейна Колымы. Они отправлялись туда, куда уже три века систематически наведывались русские землепроходцы, экспедиции ученых и жуликов, в край уже давно открытый и тем не менее абсолютно неизвестный. Уровень знаний конкретного времени — граница, миновать которую удается очень немногим. К двадцать восьмому году большая часть материалов серьезных экспедиций, снаряженных на Колыму в восемнадцатом и девятнадцатом веках, еще лежала неразобранной в архивах. В миниатюре повторялась история с Америкой.

Честь открытия досталась Билибину и потому, что пришло время Колымы, и потому, что масштаб личности, его подготовленность к тому, что вскоре было сделано, просто уникальны. В свои двадцать семь лет он уже имел серьезную репутацию в науке. На Алдане, где он впервые вышел на «оперативный простор», ему удалось сформулировать новые принципы поиска полезных ископаемых, и теперь Колыма ждала, чтоб на нее взглянули новыми глазами.

Что у него было «во-первых» и что «во-вторых», сейчас судить трудно. Просто приблизился звездный час жизни для еще одного из знаменитого рода Билибиных, давшего России больших художников, ученых, военных, дипломатов. Например, алгебру и геометрию Юрий изучал по книге дяди — Николая Билибина. Он приходился родственником Ивану Яковлевичу Билибину — одному из крупнейших русских живописцев, прославившемуся иллюстрациями к былинам и сказкам Пушкина. Среда, в которой вырос, конечно, играет свою роль в формировании личности. Но репутации не получают по наследству. Китайская пословица гласит: «Кто никуда не ездил — вернулся отовсюду».

Такой удел не для него. При отсутствии сколько-нибудь сносной карты Колымы о ее бассейне существовала громадная литература. С тех пор, как еще в восемнадцатом веке в Среднеколымске на много лет обособились опальные министры императрицы Анны — граф Головкин и

барон Менген, обитатели тамошних мест либо сходили с ума, либо писали книги. «Человек-золото» Вольдемар Бертин — открыватель и многолетний политкомиссар Алданских приисков, в гражданскую войну выкупленный сибирскими денежными тузами за несколько фунтов золота из контрразведки атамана Калмыкова (он слыл удачливым золотоискателем. Вот что может репутация!..) — подарил Билибину свое досье на Колыму, содержавшее громадный материал, и дал в попутчики брата Эдуарда — опытного прораба.

Сегодня, когда у молодых ученых вырос «возраст сомнений» и вузовский выпускник даже с «красным» дипломом далеко не всегда оказывается готов к самостоятельной работе, мне кажется уместным и нужным вспомнить экспедицию более чем полувекковой давности.

Под нее больше года не давали денег, хотя просилась очень скромная сумма. Цель ее, несмотря на ворох архивных материалов — от донесений казачьих атаманов до записок квалифицированных геологов, — представлялась туманной тем, от кого зависело окончательное решение. Но очередное «отказать» только раззадоривало молодого человека, который в промежутках между составлением докладных записок в соответствующие инстанции еще успевал заниматься наукой.

И он добился своего, потому что верил в себя и в то дело, которым занимался. Ему было очень интересно заниматься геологией, и своей репутацией, открывающей немало дверей, он обязан только себе.

Я взялся за перо после того, как в начале лета почта принесла толстую бандероль из США. Распаковал — новая объемистая монография по геохимии золота. Издана на диво — сказать нечего... Пролистав «по диагонали» и посмотрев оглавление, заглянул в конце книги — в перечень работ, на которые автор опирался. Упомянуто двадцать моих публикаций и только пять работ Билибина. Вроде бы мне гордиться надо, а грустно... Не сказать, чтобы там, за океаном, совсем не знают человека, труды которого на много десятилетий вперед определили развитие современной геологии... Но так ли уж он известен и у нас в стране? Есть на Чукотке райцентр Билибино, полу-

чивший широкую известность благодаря выстроенной там атомной электростанции, улица в Магадане, вулкан в бассейне Большого Аноя, несколько строчек в энциклопедии...

У физиков, по работе которых тоже прошло суровое время и которым очень помогли труды Билибина по геологии урана, все почему-то иначе: свои мифы, известные любому школьнику, афоризмы, растаскиваемые и в газетных статьях и в популярных теплепередачах. Я завидую... И мне грустно за Моцарта моей науки, заслужившего всемирную известность.

Я встречался с ним, храню его письма и телеграммы и сейчас, будучи уже весьма немолодым человеком, обращаюсь на него в минуты самых серьезных решений.

...Перед экспедицией Билибина по бассейну Колымы уже прошла экспедиция С. В. Обручева, человека опытного и серьезного. Но уважаемый член-корреспондент АН СССР не увидел там будущего страны. А Билибина интересовало не только золото. И благодаря тому, что он объяснил, как искать, через десяток лет уже мое поколение открыло на северо-востоке страны десятки месторождений доброй половины обитателей таблицы Менделеева.

Наше понимание законов геологии, наш опыт росли очень быстро. И порой мы возвращались туда, где уже проходили, потому что научились «видеть глубже». Впрочем, надежд несбывшихся тоже хватало. Увы, даже с такой тяжелой работой, как геология, соседствуют порой и зависть и удары из-за угла.

А Билибин, проработавший два года главным геологом «Дальстроя» (единственной в своем роде организации, созданной, кстати, после его, Билибина, телеграмм в самые высокие инстанции о том, что Дальнему Северу нужен единый хозяин, который бы ведал всем — от прокладки дорог и закладки рудников до роддомов и магазинов), уехал в Ленинград, стал писать учебники, по которым до сих пор учатся геологи. И опять-таки дело не в специфике «Дальстроя». А просто встретились на его пути несколько человек с прицеливающимся взглядом и допекли мелочной опекой ярчайшего из геологов, пробуя ему указывать, как и что искать.

В принципе через такое испытание проходит почти каждый, но разные люди его по-разному переносят. С позиций сегодняшнего дня, когда насыщенность этики ощущается практически всеми, нелепость такого отношения к таланту и вообще к любому специалисту чувствуешь особенно остро.

Правда, у него на лбу не написано «талант»... И любой бюрократ в своих порывах бывает по-своему искренен. Это делает честь его душевной организации, но резкого запаха нелепости не уничтожает.

Билибин проживет трудную жизнь. И в расцвете сил окажется практически отстраненным от влияния на работы, ведущиеся на любимой его Колыме. В сорок четвертом в Магадане проходила Первая конференция по золоту... и без Билибина. Опять показали себя администраторы от геологии. А отстраненность Академии наук от работ в этом районе тут ни при чем (отстраняй ее не отстраняй, а чуть что — за консультацией все равно в академию).

Уже в начале пятидесятых годов я получаю от Юрия Александровича телеграмму: «Ввиду острой борьбы нового со старым выборы в Академию наук отложены. Еду в поле».

Он часто повергал в смятение и окружающих и всю профессиональную среду геологов... Во время своего прилета в тридцать восьмом году в Магадан взял только одну пробу на дайке «Восточный» и на ее основе выстроил целую теорию развития магматизма. Через полгода вышла статья Билибина, и геологи лучше стали представлять логику поиска в том районе, куда забросила нас судьба.

В чем-то это походит на работы современных антропологов, по косточке восстанавливающих облик живого существа, давно исчезнувшего с поверхности Земли. И какой контраст с тем, что даже сегодня геолог, особенно только что получивший диплом, как правило, соберет для начала полтысячи образцов различных пород, потратит зиму на разглядывание их в микроскоп, проведет различные анализы, чтобы написать в конце концов торопливый отчет с обилием цифр, не очень-то представляя, что за ними таится.

В тридцать восьмом, когда Юрий Александрович прилетал в Магадан в составе правительственной комиссии, изучавшей возможности расширения добычи полезных ископаемых, я возглавлял отряд геологов, работавший на одном из притоков Колымы. И мы вместе облазили бассейны рек Ат-Юрях, Чек-Чек, Хатынгах. Особенно много внимания уделили разрабатывавшейся тогда Партизанской россыпи. Билибин похвально отозвался о геологической логике, лежавшей в основе разведки россыпей, которые я ему показывал. Вместе с тем его сильно опечалил подход горняков к процессу разработки, безразличие к потерям, на что в период бурного роста нашей золотодобывающей промышленности никто, в сущности, не обращал внимания. Не осталось незамечен-

ным и отношение к природе: он буквально не узнавал красавицу тайгу, по которой бродил всего только десять лет назад. Ее беспощадно и бездумно вырубали, мутнела в реках вода, уходила рыба, над Магаданом, еще только приобретающим вид города, уже появились первые признаки будущего смога... А ведь это Север, где все растет очень медленно и очень медленно восстанавливается.

С нами вместе бродил по тайге профессор Ленинградского горного института В. Н. Зверев — руководитель кафедры рудных месторождений. Вадим Николаевич подтрунивал над помрачневшим Билибиным, говоря, что время идет и природа старится вместе с нами.

Зажатый между полюсами настроений и между двумя научными авторитетами, я вспоминал холодную зиму тридцать шестого года, когда, пошатываясь от гриппа, свирепствовавшего в городе на Неве, я забрел во Всесоюзный геологический институт (ВСЕГЕИ), расположенный на Среднем проспекте Васильевского острова. Меня обуревало предчувствие послестуденческого будущего, и я без какой-то управляющей мысли просто разглядывал геологические карты различных районов страны и коллекции руд. За плечами уже было несколько лет вполне профессиональной работы в экспедициях. Но теперь предстоял диплом, а он все-таки какой-то пик, отметина, за которой окончательный выбор жизненного пути.

В сумеречном свете можно было разглядеть в углу зала коллекций фигуру мужчины, склонившегося над бумагами. Я уже знал Билибина, но был еще далек от понимания его роли в развитии геологии... И вот в одной из витрин, заполненных образцами руд, я заметил зеленоватый-черный кусок незнакомого минерала, который своей массивностью закрывал этикетку. — Простите, вы не знаете, что это за образец? — обратился я к Билибину.

Он с интересом посмотрел на меня, решительно встал и, не говоря ни слова, куда-то ушел... Я обратил внимание на то, как он шел: уже начал различать тех, кто долго был вдали от городских улиц. Это была походка настоящего геолога. И я даже не стал обижаться, вернее, не успел. Потому что Билибин вскоре вернулся с ключом, открыл витрину и достал образец:

— Серпентинизированный гарцбургит, — выдохнул он трудновыговариваемое название.

Название мне кое-что говорило. Незадолго до своего появления в зале коллекций я провалил экзамен по близкой проблеме геологии у профессора П. М. Татаринова — крупнейшего специалиста и знатока нерудных полезных ископаемых. Как позже рассказал сам Павел Михайлович, мое «грехопадение» он организовал намеренно, дабы выбить из сформировавшегося характера будущего коллеги благодушие. В каких-нибудь полчаса Билибин поделился со мною массой интересных мыслей об изменении горных пород и руд, которому они подвергаются как в глубинных зонах Земли (в данном случае речь шла о серпентизации), так и на поверхности планеты. Конечно же, самыми яркими были примеры, относившиеся к россыпям Алдана и Колымы. Встреча в зале геологических коллекций для меня воистину была даром судьбы. Билибину же требовалась хоть какая-нибудь аудитория, а может быть, и некоторое отвлечение от мучивших его проблем. А я с той поры начал понимать, что такое вкус в науке — последнее и самое труднодоступное, что может приобрести дебютант в системе жизненных ценностей. Для Билибина геология была не просто профессией, скорее — способом существования, он был всецело предан любимому делу и идеалам, которые окружали эту науку.

Потом мы много раз с ним встречались: и в дни удач и в дни, когда над его головой бушевали грозы. Во время войны, когда темп жизни резко ускорился и то, что в обычных условиях могло бы считаться эпохой, спрессовалось в месяцы, работы Билибина давали нам, поисковикам, особенно большую пищу для размышлений. Взгляды на то, как искать, менялись очень быстро, и существовал практически единственный серьезный источник, где можно было почерпнуть ответ. Ю. А. Билибин в дополнение ко всему был еще адски трудолюбив — это вторая сторона таланта.

Магадан считался такой важной точкой на карте решений, что в сорок третьем году в его загадке решил разобраться специальный представитель президента США Уинделл Уилки, прилетевший познакомиться с присказками и узнать, действительно ли у нас столько золота, сколько мы говорим... Короче — способен ли Советский Союз платить и дальше.

Он улетел вполне удовлетворенный увиденным и даже с почтительным удивлением на лице. А через короткое время Билибина избрали членом-корреспондентом АН СССР. Возможно, между этими двумя событиями и была какая-то связь.

Время идет. Ученые получают все больше различного рода исследовательских приборов. Сегодня в наших лабораториях стоят аппараты, способные, не разрушая образца породы, проанализировать, сколь-

ко в нем каких компонентов, и мгновенно выдать кривые распределения на экран дисплея.

Но обилие техники, на которую мы временами чересчур уж полагаемся, не отменяет необходимости думать, делать правильные выводы на основе большей или меньшей серии фактов.

В сорок восьмом году в Москве проходило совещание геологов золотодобывающей промышленности, и на нем Билибин выступил с докладом о методике разведки россыпных месторождений. Я слушал с величайшим интересом и вниманием, в очередной раз удивляясь его способности видеть все новое и новое там, где взгляд других не видит ничего интересного. Все, о чем говорил Юрий Александрович, отличалось новизной постановки вопроса, оригинальностью трактовки, железной логикой и такой же отчетливостью мысли, какой поражают меня четкий, полудетский почерк писем Билибина.

Он не терпел скороговорок и хранил величайшее уважение к старому МХАТу с его правильной, хорошей русской речью. Ведь для того, чтоб интересную мысль сформулировать, нужен не только кругозор, а еще и просто умелое владение русским языком. Тогда можно свести сложные задачи к ряду четко сформулированных конкретных задач. Именно в общении с Билибиным я начал понимать, что язык — нечто большее, чем просто способ выражения мыслей.

Не помню, кто сострил, что геология живет в Билибине на уровне инстинктов. В ответ на что он хмуро буркнул: «По-моему, лучше здоровый инстинкт, чем больной интеллект!»

Он любил повторять: нет ничего более практичного, чем фундаментальная теория. Часто ссылаются на выдающийся прогноз Юрия Александровича по золотосности Колымы. Однако это всего лишь частный случай решения практических вопросов на основе фундаментальных исследований.

В докладе, сделанном перед аудиторией практиков, он сумел вроде бы невзначай, незаметно поставить много вопросов для размышлений, как бы привлечь всех нас к совместному творчеству. И мы сразу ринулись в дискуссию, не очень следя за выражениями и регламентом: друг на друга и на Билибина, спровоцировавшего перепалку, обрушили огромную информацию, целый кладезь наблюдений, которые Юрий Александрович впитывал, словно губка, и, как мне показалось, слушал нас с еще большим вниманием, чем мы слушали его доклад.

Из тех, кто сидел тогда в зале, вышло немало крупных ученых. Но почему их биографии сложились именно таким образом? Давняя дискуссия на давнем совещании была, на мой взгляд, великолепной вострой, растормозившей мышление многих из нас, ученых пусть и на хороших, но все-таки трафаретах. Нам, в общем-то уже бывалым, выдавшим всякое людям, хотелось «подойти поближе» к человеку, который нам нравился. Как мальчишкам из пионерского лагеря, впервые увидевшим настоящий строевой шаг, не терпящим самим встать в шеренгу или хотя бы пойти рядом.

Всю жизнь мы на кого-то равняемся. И плохо, когда человеку не на кого равняться: он теряет жизненные ориентиры...

Билибин умел не обидеть человека, умеющего меньше, чем он сам. Однако его нестандартность во всем как бы сама собой переключала на него всеобщее внимание. И кто-то, возможно, чувствовал себя задетым. Но что же делать, если он по характеру и мышлению проповедник, а проповедников слушают и на них смотрят. Увы, в реальной жизни нечесты «белые» ночи, когда вообще нет теней и ты никого не затеняешь.

В конце пятидесятых годов в качестве директора только что созданного в Магадане ВНИИ золота и редких металлов я приехал в Ленинград, в институт «Механобр». Предстояло решить некоторые вопросы совместных исследований, связанные с разработкой новых технологических схем для обогащительных фабрик оловодобывающей промышленности. И в первый же день отправился к Билибину в его лабораторию, размещавшуюся в здании Фондовой биржи. Встречи с Ленинградом всегда на меня хорошо действуют, приводя в порядок мысли и чувства. Ведь иной раз так хочется хоть разок пройтись по Невскому и помолчать, глядя на воду у Ростральных колонн!.. Время было сложное, не всегда давнее даже несколько минут для лирических размышлений, но я позволил себе на день забыть о цели служебной командировки. Меня интересовали ход и детали очередной дискуссии, разразившейся после опубликования лекций по металлогении, прочитанных Билибиным в Ленинградском государственном университете. Из того, что до меня донеслось, можно было понять: его оппоненты не всегда вели себя поджентльменски, быстро сообразив, что не занимавший никаких административных постов ученый лишился главной защиты после смерти академика С. С. Смирнова — многолетнего заместителя председателя Геолкома (предшественника Министерства геологии СССР).

По дружескому рукопожатию, по выражению лица я понял: не помешал, появился как раз вовремя, и вообще хозяин обрадовался моему неожиданному появлению. Работая на другом конце страны, я был неплохо информирован о том, что здесь происходило. И неудивительно, каждый мало-мальски осведомленный геолог страны привык к тому, что в Ленинграде можно запросто зайти на кафедру рудных месторождений университета и получить консультацию, обсудить накопившиеся мысли с крупнейшим авторитетом. Билибин видел дальше всех и работал больше, чем кто-либо. «Сделав имя» на россыпях, он всегда понимал, что россыпи — лишь одно звено в сложной цепи процессов, создающих месторождения, и занялся проблемами рудообразования. Наши сегодняшние успехи на северо-востоке страны в открытии новых месторождений в значительной степени опираются на его концепции.

Тем более странным мне показалось, что не потерявший за много лет военной выправки, седовласый красавец в холодном кабинете старинного здания на невиской набережной заговорил со мной как раз о россыпях. Выдающийся «рудознатец», отдавший не один год созданию учения о металлогении, приведший в систему отрывочные наблюдения и приемы поиска, был очень добросовестным человеком. И его заботило то, что в соответствии с новыми фактами его книга «Основы геологии россыпей» требовала переработки. А времени не хватало — он целиком ушел в фундаментальные проблемы магматической геологии, позволившей сделать основополагающие выводы о закономерностях размещения рудных месторождений.

Я рассказывал о новостях в Магадане, сообщал подробности той или иной находки, делился собственными соображениями и исподволь поглядывал на усталого, время от времени хмурившего свои мохнатые брови собеседника. Да, ему было трудно, но в нем по-прежнему жил неунывающий и упорный артиллерийский краском из 16-й армии, каким он был в гражданскую войну. И я думал, что вряд ли найдется нечто, способное выбить его из седла, — очень уж прочная натура. Ведь он всегда находил выход... Мне рассказывали: когда его перестали пускать на Колыму, он занялся исследованиями в Северном Казахстане и Туве. И даже те, кто его «вообще-то недолюбливал», не говорили об этой работе без эпитета «выдающаяся». Люди, бывавшие вместе с ним в экспедиции, вспоминают, что, когда припирал голод и лошадиное копыто с подковой начинало казаться лакомством, Билибин развлекал их чтением лекций по геологии. И они вдруг обнаруживали, что занимаются необыкновенно веселым делом.

А когда он вернулся в Ленинград после первого похода на Колыму и обнаружил, какая большая работа предстоит по проламинированию стены профессиональных стереотипов, отправился искать единомышленников среди студентов горного. Тогда С. С. Смирнов, еще не ставший академиком, представил его кружку старшекурсников, и Юрий Александрович простым, доходчивым языком изложил им ранее совершенно неизвестные сведения о географии и геологии россыпей на загадочном северо-востоке — новизну, о которой еще нигде нельзя было прочесть. Он говорил, что первые геологические находки уже в ближайшие годы будут подтверждены звоном добытых первых тонн золота.

Градом посыпались вопросы, предлагается ли расширение экспедиций и берут ли туда студентов или же надо ждать защиты диплома. Он посоветовал хорошо подумать и если уж отправляться в дальний путь, то основательно подготовленными... Мне рассказывали об этой встрече выпускники горного, оказавшиеся в Магадане на два-три года раньше меня. На всю жизнь люди запомнили урок человека, который не отрывал науку от реального дела и никогда не абсолютизировал собственное знание. Билибин не поучал, просто рассказывал, как, формулируя свой ставший вскоре легендарным научно обоснованный геологический и экономический прогноз промышленной ценности Колымского золотоносного пояса, опирался не только на материалы своей экспедиции, но и на результаты экспедиции И. Д. Черского, прошедшей по бассейну Колымы в 1891—1892 годах, экспедиции С. В. Обручева, затронувшей часть бассейна Колымы и Индигирки, и на находки предприимчивых золотоискателей, на свой страх и риск добравшихся до самых глухих уголков верховьев Колымы.

Там, где теперь город Билибино, в начале шестидесятых годов на пустом месте заложили прииск, назвали его «Билибинский». Рядом вырос поселок, вскоре ставший городом, райцентром Чукотки. В нем теперь атомная электростанция, единственный музей великого геолога.

Но память о нем живет в сердцах геологов, работающих во всех уголках страны, и помнить о нем должны даже те, кто никогда не учился у Билибина. Потому что, по сути дела, все советские геологи — его ученики.

Анатолий ГОЛУБЕВ

Несколько размышлений
об одной кощунственной затее

ИГРЫ С ПРОШЛЫМ

Мне довелось трижды бывать в Маутхаузене. Приезжал туристом и в писательскую командировку. Был там и весной, когда полузабытое за зиму тепло клубами катается даже по холодным ущельям. И поздней шелестящей осенью, когда все окрест замешано на двух красках — золотой и голубой. И зимой, которая в горах Австрии иногда мало чем отличается от кавказского бабьего лета: внизу, в долинах, зеленеют поля, а поверху сверкают горнолыжные снега прославленных курортов.

И каждое такое посещение по-особому потрясало меня. Но, как ни странно это прозвучит, больше всего поражали не газовые камеры, не крематории, не комнаты пыток...

В первый свой приезд я как бы споткнулся сердцем о бараки. Не те, открытые всем ветрам и холодам, в которых проходили сквозь муки ада тысячи безвестных узников, а нынешние, туристические, нелепо выкрашенные в веселенькие цвета яркими люксовыми красками.

Во время второго приезда — это было весной — поразило раздражающее душу несоответствие того, что делалось за тяжелыми стенами внутри цитадели, и теми конфетными домишками с фаянсовыми гномками и козочками на газонах, стоявшими беззаботно всего в нескольких сотнях метров от лагеря смерти. Одну и ту же птицу, радовавшуюся весне, видел и человек из очереди к газовой камере и австрийский крестьянин, подрезавший розы.

От последней поездки в памяти осталось вызывающее поведение группы молодых туристов из ФРГ, весело гоготавших и у барачков и в газовой камере, стены которой смотрят на вас тысячами пар глаз с маленьких портретиков тех, кто уже не вышел живым за эти стены. Они гоготали и заглядывая в печь крематория, в которой, как вечная память о погасших жизнях, горит, не угасая, маленькая желтая лампадка.

Один из молодых сытых парней заявил австрийцу-гиду, что все эти ужасы, о которых тут рассказывают, — лишь попытка очернить национал-социалистское движение, немецкую нацию, Германию времен второй мировой войны. И когда гид закатал руки и показал туристу выжженный на руке лагерный номер, словно давая клятву в искренности, тот бросил своим приятелям:

— Жаль, что его не прикончили тогда...

И, заржав, они пошли дальше, довольные собой и жизнью, не веря в прошлое, не задумываясь о настоящем. А гид молча смотрел им вслед, замерев от обиды. Он будто забыл опустить рукав. И все-таки нечто большее, чем просто обида, читалось в его взгляде — глубокая, затаенная боль. Побывавшие в этих стенах юнца так и не смогли понять, чем отличается бывший нацистский лагерь смерти от одного из многочисленных туристских объектов нарядной Австрии.

Только ли они, молодые, не знавшие войны, выросшие в достатке, не представляют себе, как мирное ночное небо разрывается воем сирен, свистом падающих бомб и родной дом превращается в ревущий ад?

Насколько Тироль — украшение Австрии, настолько и Эссекс — жемчужина Англии. Старой, доброй Англии, о которой с таким душевным теплом говорит верный исконным традициям такой же традиционный и чопорный англичанин.

Дорога плавно вьется мимо старых замков, богатых вилл, фермерских домов, лесных островов — так и кажется, что из ближайшего леса в погоне за лисицей с гиканьем и топотом копыт сейчас вылетит разряженная кавальера всадников, а впереди — с заливающим лаем свора гончих... Не верится, что всего в сотне километров от этого зеленого покоя гудит один из крупнейших городов мира.

Внезапно водитель ударяет по тормозной педали, и подержанный «ягуар» замирает на повороте. Слева

от дороги, за густым частокормом живой изгороди взметнулись ввысь столь режущие глаз на фоне окружающего пейзажа деревянные вышки. Охотничьи засидки в местах наиболее вероятного перехода дичи? Непохоже. Что-то другое напоминают они, но что?!

Еще десяток шагов, и перед взором открывается настоящий концлагерь. И вышки по углам — это не охотничьи засидки на зверовых тропах. И многоярусный забор из колючей проволоки подобен ограде вокруг лагеря Дахау, что в двадцати пяти километрах от Мюнхена еще стоит, слишком живо напоминая о прошлом...

Не знаю, может, и не чужды английской земле какие-то исправительные заведения лагерного типа, однако почему именно эта военная форма, эти высокие туфли эсэсовских фуражек, каски, лающие команды обер-ефрейтора, возле длинного барака муштрующего трех солдат в мундирах третьего рейха, полосатые робы узников?! Не так многолюдно за этой оградой, как в многотысячных лагерях смерти, но течет подлинная лагерная жизнь — людей загоняют в бараки, они бредут по грязи вдоль небольшой речушки, прижавшейся к перелеску... Гулко цокают на вышке сапоги охранника, зеленеет немецкая каска... Формы солдата почти не видно из-за высоких бортов, но он мерно вышагивает мимо настоящего «шмайсе-ра», смертоносным дулом смотрящего вниз, на вытопанный плац. Готовы вспыхнуть в ночи огромные банки прожекторов...

Так и хочется дернуть себя за ухо — проснись, отгни дурной сон! Увы, наваждение не проходит. Появляется успокаивающая мысль, что попал на съемочную площадку, где накручивают ленту о временах нацистской оккупации Европы. Но почему не видно ни кинокамер, ни режиссеров, ни людей в современной одежде?! Только узники и охрана... И размеренный, подавляющий ритм лагерных будней. Такими я и представлял их себе по рассказам выживших узников, по сотням фотографий, прошедших через мои руки, по фильмам, снятым в разных странах...

Или это машина времени перенесла меня на четыре десятилетия назад?! Но такая машина еще не сошла со страниц научно-фантастических романов в нашу действительность, и без того богатую чудесами техники. Говорят, гиперболоид инженера Гарина — детская игрушка по сравнению с находящимися в разработке новыми видами лазерного оружия. Машина времени... Но почему она сработала так странно?! Почему перенесла именно в сороковые годы, именно в лагерь смерти?!

Приближаешься к ограде. Замираешь перед знаком: слово «Хальт!» и черный череп с костями. Тяжелый взгляд часового у тройных ворот, опутанных проволокой. Оскал зубов двух овчарок, настроенно замерших в ожидании твоего следующего шага. Боже, даже могучее черное тело ротвейлера — одной из самых яростных собачьих пород, так ценимых эсэсовцами, — мелькнуло среди барачков. И постепенное сомнение, что открывшееся перед тобой — мираж, исчезает. Еще пять-шесть шагов, и ворота захлопываются за тобой, и ты становишься частью того особого мира, который лежит за пределами человеколюбия и законности.

Но не спешите делать эти несколько шагов! Не потому, что, как показал опыт прошлого, войти в лагерь смерти значительно легче, чем выйти из него живым: должен же он оправдывать свое название! Не спешите входить сюда... Ибо не ваши прогрессивные политические убеждения делают вас узником этого лагеря, не борьба в отрядах Сопротивления, не тельмановка, увиденная осведомителем. Надо иметь лишь деньги — сто пятьдесят пять западногерманских марок (или любой другой валютой в пересчете) и внести их за неделю пребывания в лагере. Ну и, конечно, необходимо личное желание. Подписав заявление и внеся плату, вы включаетесь в игру под названием «Лагерь смерти». Каждый, у кого есть необходимая сумма и желание, может таким экстра-

Рисунок
Сергея
БОЧАРОВА

вагантным образом провести часть своего отпуска. Не правда ли, бредовая идея — отдыхать в концлагере?!

И все же в лагере ходят узники и маршируют солдаты. Кто-то ловит беглецов, а со сторожевых вышек время от времени раздаются короткие пулеметные очереди. Холостыми патронами, естественно...

В этой игре много холостого.

Вы можете совершить побег. Один англичанин за неделю бежал трижды и трижды был пойман. При побегах игра выходит за пределы пространства, обнесенного колючей проволокой. Представьте себе ощущение бывшего узника Освенцима, случайно оказавшегося в окрестностях нового «курорта», когда он внезапно увидит бегущего в полосатой одежде и двух эсэсовцев с собаками на длинных поводках!

Англичанин, его зовут Том Стрессер, он из Бирмингема, жалуется, что после каждого побега из лагеря с ним обращались все хуже... Карцер без еды, воды и сна. Но все-таки «холостое» наказание — знаешь, что тебя не убьют!

— Зачем вы сюда приехали?

— Я прочитал о лагере в газетном объявлении, и мне показалось заманчивым испытать то, что пережили люди в нацистских лагерях. Я читал кое-какие страшные истории о прошлом... Мне хотелось проверить на самом себе, так ли уж это страшно.

— Но страшно-то ведь сама смерть! Вы же знаете, что здесь вас не убьют. И потом не кажется ли кощунственной игра в такое прошлое?

Том пожимает плечами.

— Не думал об этом. Мне просто хотелось почувствовать самому...

И он снова что-то повторяет о желании испытать лично. Но прошлое для него только игра. Как игра в карты, в кости... Даже рулетка для бирмингемца опаснее — в нее можно проиграть куда больше, чем те сто пятьдесят пять западногерманских марок. Стрессеру и в голову не приходит мысль о тысячах и тысячах его земляков, погибших в лагерях, о сотнях тысяч югославов, французов, итальянцев, умерщвленных в газовых камерах. Ему нет дела до двадцати миллионов советских людей, погибших в последней войне.

Зачем Тому Стрессеру это эрзац-развлечение, подделка под страшное человеческое испытание? Не потому ли нужны столь острые ощущения, что всю жизнь Тома окружало нечто фальшивое?

И мишура искусственных драгоценностей, и хичковские ужасы, и любовные страсти по Мерилин Монро, и повседневные отношения между людьми, построенные на заученной бесчувственной вежливости. Книжки, которые он читал, были чаще всего лишь краткой адаптацией произведений классиков. Роскошная жизнь, протекавшая каждый вечер на голубом экране телевизора, ничего общего не имела с однообразным бытом его жизни рабочего-металлиста. А сведения о мире, его проблемах, тщательно процеженные сквозь сито средств массо-

вой информации, изо дня в день превращали его в человека, так мало знающего о подлинных человеческих судьбах...

Случайно ли возникновение «игрушечного» концлагеря? Скажем, Том случайно прочитал объявление и решил испытать себя. Но ведь кого-то не просто осенило. Кто-то ведь не просто кинул идею арендовать землю, построить бараки, купить оружие, форму тех лет, намотать колючку, нанять людей, которые бы составили ядро тщательно отретированного спектакля, с подключением «любителей» — за деньги.

Кто же создатель этой зловещей игры? Может быть, тот пожилой англичанин, расхаживающий в форме нацистского «оберста» и как бы совершающий бесконечную поверку служб?! Точно! Он самый. Бывший сержант парашютных войск Боб Акраман. Сейчас, возведя себя собственным решением в звание «оберста», он больше озабочен режиссерской стороной дела: как создать в лагере климат, наиболее близкий к климату настоящих лагерей времен второй мировой войны. Человек, который придумал эту игру, — не просто придумал... Он понял, был уверен, что найдутся люди, готовые заплатить деньги, чтобы провести часть своего отпуска за колючей проволокой, принять участие в столь диком спектакле. Значит, этот человек точно, безошибочно чувствовал, что есть вакуум в психологическом, нравственном состоянии людей, есть вакуум, созданный специально или создавшийся неволью в сознании людей, для которых война за тридцать шесть лет стала категорией исторической.

Истоки этой идеи, этой игры с прошлым следует искать в дне сегодняшнем, в сознании наших современников...

Вот держит выдавший виды немецкий карабин Гюнтер Барр из Западного Берлина. Уж о нем-то совсем не скажешь, что он попал сюда случайно. Чтобы надеть нацистскую форму, ему пришлось проехать пол-Европы. Кстати, из трех солдат, с которыми занимается крикливый обер-ефрейтор, пожилой Гюнтер выглядит наиболее профессионально. На вопрос, воевал ли он во второй мировой, Гюнтер, ухмыльнувшись, отвечает: «Неможно!» От дальнейших разговоров на эту тему категорически отказывается. Но, судя и по возрасту и по обращению с оружием, он вполне может сейчас играть в свое собственное прошлое. Английский «оберст» одобрительно кивает головой, глядя на расторопного Гюнтера. По возрасту «оберст» тоже мог быть одним из обитателей лагеря прошлого... Скажем, детских барачков Бухенвальда.

Мишель, молодой француз из Порника, на вопрос, как он сюда попал, отвечает живо и просто:

— Я отдыхаю. Вернувшись домой, в Порник — городок у нас маленький, мы все знаем друг друга, — будем рассказывать, где каждый отдыхал. Представляю себе лица моих друзей, которые вытянутся от удивления, когда скажу, что провел свой отпуск в концлагере.

Вопрос: «А друзья знают, что такое концлагерь?» — несколько омрачает его настроение. Мишель задумывается на минуту:

— Думаю, понаслышке, как и я, но знают. Из кино...

Потом глаза его под низко надвинутой арестантской шляпкой засверкали вновь — он очень верит в этот свой верный шанс поразить воображение друзей.

Концлагерь не место для пространных интервью, особенно если они не идут по разряду допросов. Даже если лагерь не всамделишный, однако кажется, что люди все-таки понимают сомнительность своего положения, уже когда пишут заявление, выбирая, кем стать — нацистским охранником или узником, и это накладывает свой отпечаток на поведение всех.

...Грубо и бесцеремонно, как только разговор начал выходить за рамки чисто рекламного интереса, журналистов выталкивали за ворота. Чтобы и у представителей прессы осталось нечто от причастности к игре с прошлым, охранники выталкивали их за ворота винтовками, взятыми попереки. Теперь можно смотреть на жизнь лагеря только сквозь колючки. Из-за нее доносится лай собак. Где-то там, в небольшой толпе, которую гонят к баракам, растворилось симпатичное лицо Мишеля.

Вспоминаются слова «оберста», с гордостью отвечавшего на вопрос, все ли выдерживают полный срок пребывания: «Не все...» Чтобы извратить себя от сквозняка на нарах в худостенных бараках, еды, которая так отличается от блюд, подаваемых в ближайшем ресторане, достаточно заглянуть в контору и заявить, что с тебя хватит. Конечно, деньги не возвращают, но сам ты можешь катиться на все четыре стороны.

Выйти из настоящего лагеря смерти было труднее.

Мой коллега, английский журналист, весело посмеивавшийся во время осмотра лагеря, вдруг сказал, как бы тоже почувствовав неуместность своей веселости:

— Нет смысла воспринимать эту затею всерьез. Убежден, здесь расчет прост: парень, который создал все, — он показал рукой на колючку, сторожевые

башни и ворота, за которыми застыли два солдата с широко, по-эсэсовски расставленными ногами и оружием на изготовку. — думал лишь о том, чтобы заработать. Люди сейчас неохотно расстаются с деньгами. Все приелось. Охотнее клюют на необычное. Если сегодня желающих поселиться в бараках не так много, то это, скорее, объясняется недостатком рекламы. А аттракцион, — от так и сказал «аттракцион», — перспективен. Чем больше людей окажется за колючкой, тем лучше хозяевам лагеря.

Потом, словно поняв скрытый смысл своей последней фразы, смутился.

Ощущение такое, что вокруг все сместилось, как говорил Андрей Платонов, на три осьмушки под резьбу.

В мире еще немало нелепостей. Одной больше, другой меньше — что за беда?! Стоит ли обращать внимание на чье-то чудачество? Или, скажем иначе, на какую-то не безупречную с нравственной точки зрения затею. Не является ли моя личная реакция лишь плодом обостренного восприятия? Или в моей душе эхом отдалось все то, что было увидено в послевоенных, уже обронзовевших памятниках — Маутхаузене, Освенциме, Дахау, Бухенвальде?!

Не знаю... Допускаю, что лагерь в Англии так и остался бы в моем сознании, как бредовая идея психически несостоятельного человека, если бы не одна передача западногерманского телевидения, перекинувшая столь осязаемый мостик между лагерем в графстве Эссекс и палаточным городком в Баварии.

...На экране армейские палатки. Скупая мебель походного бивуака. Женщины, дети, пожилые мужчины, совсем юнцы... Простые, в основной своей массе симпатичные лица, без всякого налета патологизма, экзальтированности. Глаза людей, вдумчиво и настоятельно ищущих ответа на тот главный вопрос, который рано или поздно задает себе каждый, — зачем живешь на белом свете?

Что же собралось этих разных людей на тихой лесной баварской поляне?

В жухлой, мокрой траве катается, избываясь от боли, человеческое существо, запеленутое в белые бинты, сквозь которые проступают аляповатые пятна крови. Рот в разрыве обильных повязок, превративших голову в белый кокон, кривится криком. Высокий мужчина в черном фраке, с черным цилиндром на голове, методично избивает белую «куклу» длинной палкой.

И кружок все тех же симпатичных лиц смотрит на происходящее с каким-то отрешенным интересом.

Потом палач в черном отбрасывает палку в сторону, оставляет избитого корчиться на траве и идет к высокой корявой колоде. Он берет из корзины, полной куриных яиц, одно и кладет на колоду. Взмах непомерно тяжелым, неуклюжим колуном на длинной ручке, и раздробленные половинки яиц сползают по колоде. И вот уже яичные обрубки, словно первым снегом, покрывают траву вокруг колоды. А камера показывает на лежащее на земле тело избитого человека, то взметнувшийся над цилиндром колуном, то лица все тех же отрешенно вззирающих людей.

Затем говорит «палач» — устроитель зрелища Теодор Дентер. Он философствует. Седоватый красавец с черной бабочкой на крахмальном воротничке. Говорит о людях, заплативших немалые деньги, чтобы провести день-другой в этом лагере. Он называет себя еще и режиссером особого театра, где все — и на сцене и в зрительном зале — актеры. Жесткая щетина усов, убежденный взгляд холодных глаз сменяется на экране лицами мужчин, идущих строем. Слова вермахтовских времен... Как там, в шутовском концлагере графства Эссекс. Потом баварцы поют церковные псалмы. При свете газовых ламп разносят длинные батоны белого хлеба, и каждый по очереди отламывает себе кусок — как бы приобщаясь к единому братству.

В словах режиссера-палача, в поведении людей невероятная мешанина садизма и какой-то детской любознательности, но главное — абсолютного непонимания смысла той жизни, которой они живут, явно ею не удовлетворенные. Это группы, группки, одиночки — растерянные люди, каждому из которых приходится пробиваться к собственному мировоззрению вслепую, сквозь туман оглуляющей массовой культуры, сквозь нелепые затеи, вроде того лагеря, в Англии, и этого, в Баварии.

Все меньше и меньше веришь в то, что лагерь смерти — театр в жизни, что постыдные игры с прошлым — лишь случайность. Скорее явные признаки неутоленной жажды по чужому потерянному. Кому-то мучительно хочется, чтобы оно непременно вернулось, чтобы прошлое стало сегодняшней действительностью.

И это уже страшно по-настоящему.

И понимаешь еще раз, как важно остановить наступление этой ностальгии по нацистскому прошлому сейчас, пока еще не запылали костры коричневых шабашей, пока тень нового фашизма не накрыла Европу.

Игры с прошлым — далеко не безобидные игры

Рисунок Олега БРИКА

Рисунок Юрия БЕСПАЛОВА

Под редакцией международного арбитра,
заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

(Продолжение.
Начало см.
в №№ 11—15 журнала)

ШЕСТОЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в два хода.

Белые начинают и дают мат в три хода.

Ход черных. Могут ли они выиграть партию?

Ход белых. Как вы присудили бы этот эндшпиль?

Напоминаем, что за правильный ответ на каждое из четырех заданий участнику засчитывается два очка. Такая же оценка дается при обнаружении побочного решения, нерешаемости и т. п. Доказывать свое суждение следует не словесными примечаниями, а вариантами, аккуратно изложенными в сокращенной шахматной нотации. Обязательна пометка «Шахматный конкурс «Смена-81», тур шестой».

Свои письма на шестой тур (решения заданий даются на отдельных открытках) посылайте нам, пожалуйста, не позднее 31 октября 1981 года (согласно почтовому штемпелю вашего отделения связи).

СЕАНС
НА 1000 ДОСОК

Всесоюзная шахматная федерация в Москве и Московской области организовала сеанс одновременной игры на 1000(!) досок. В этом уникальном сеансе выступали 40 известных советских шахматистов, и в их числе чемпионы мира Анатолий Карпов и Майя Чибурданидзе. В сеансовых поединках с мастерами и гроссмейстерами выявились новые одаренные спортсмены, особенно среди молодежи.

Думается, что читателям «Смены» понравятся два фрагмента из партий сеанса на 1000 досок, которые мы ниже приводим.

К этому положению пришли после 25-го хода белых А. Карпов и воспитанник спортинтерната №9 столицы Слава Сысов (у него были черные фигуры). Юный шахматист энергичными, целеустремленными действиями тяжелых фигур и пары дальнобойных слонов прочно захватывает инициативу и умело ее развивает.

25. ...e5—e4! 26. Kd3—f4 Фс7—c5 27. Фе3—e2 Лав—b8 28. Лс1—c2 Сd7—a4 29. Kf4—e6 Фс5—a3 30. Лс2—c1 Лb8—b2 31. Фе2—e1 Сg7—h6!

Во избежание худшего белые должны теперь расстаться с качеством. Техническую стадию реализации материального перевеса черные проводят с завидной точностью.

32. Фе1:a5 Ch6:c1 33. Лf1:c1 Лb2:a2 34. Лс1—f1 Са4—d7 35. Фа5—b6 Cd7:e6 36. d5:e6 Фа3—c5! 37. Фb6—b1 Фс5:c4 38. e6—e7 Лс8—e8 39. Лf1—c1 Фс4—e2 40. Фb1—b3+ Кpg8—g7 41. Фb3—c3+ Кpg7—h6 42. Лс1—Ф1 Лe8:e7, и вскоре черные отразили победу.

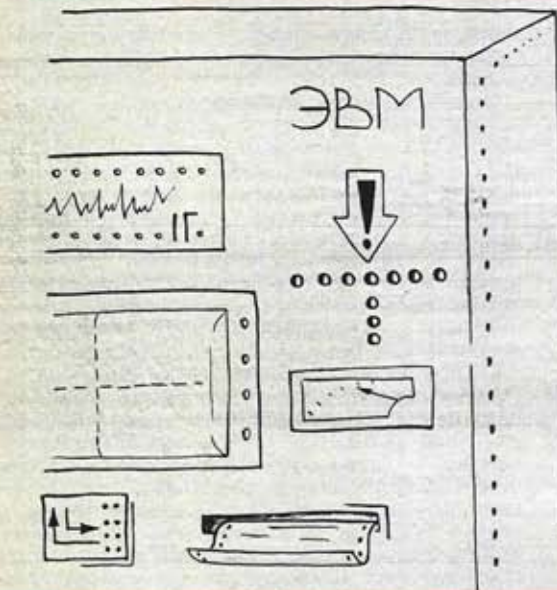
Здесь перед вами позиция, сложившаяся после 17-го хода белых в партии чемпиона СССР среди молодых мастеров Евгения Владимировича с юным шахматистом из Коломны Андреем Балабановым, который играл черными. Смелый кавалерийский рейд в неприятельский тыл принес черным в награду лишнее качество.

17. ...Kf6—g4! 18. Фf2—e1 Ke5—d3 19. Фе1—e2 Kg4:e3 20. Фе2:d3 Ke3:d1 21. Лb1:d1 Фс7—d7 22. Лd1—c1 Сg7:c3 23. Фd3:c3 b6—b5! 24. a4—a5 f7—f5! 25. b2—b3 Фd7—g7 26. Фс3—d3 f5—f4 27. Кpg1—f2 g6—g5 28. g2—g3 Лe8—e5 29. Kpf2—e2 Фg7—h6 30. Kd2—f1 g5—g4!

А Балабанов играл в сеансе, имея лишь второй спортивный разряд. Однако в этой встрече он продемонстрировал поистине мастерский уровень.

31. g3:f4 Фh6:f4 32. Kf1—d2 g4:f3+ 33. Фd3:f3 Фh4:h2+ 34. Кpe2—d3 Лe5—g5 35. Kpd3—c2 Лав—f8 36. Фf3—e3 Лg5—g3!, и белые пошли на капитуляцию.

Рисунок Александра ПАШКОВА

РАЗБИТЬ
В СЛУЧАЕ
НЕОБХОДИМОСТИ

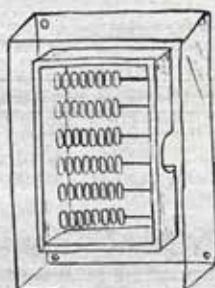
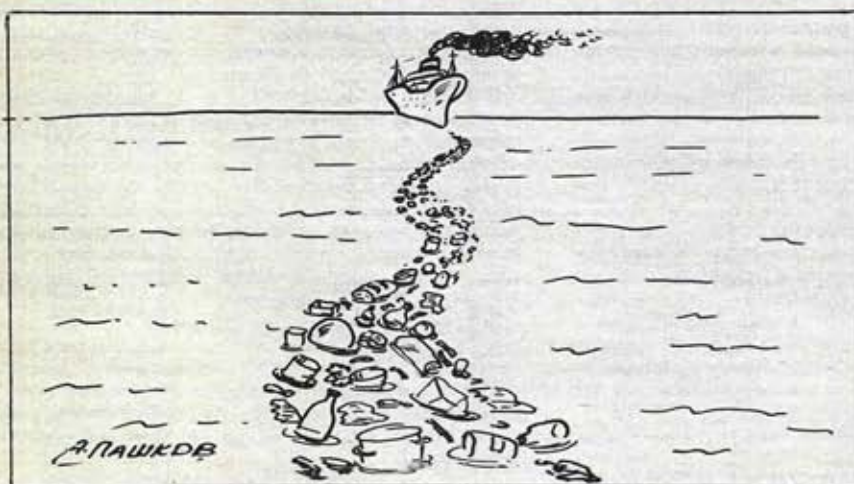

Рисунок Виктора КОШКИНА

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 20.07.81. Подписано к печати 03.08.81. А 05164. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1155000 экз. Изд. № 2070. Заказ № 1034. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Музыка Владимира МИГУЛИ
Стихи Андрея ДЕМЕНТЬЕВА

А МНЕ НЕ НАДО ОТ ТЕБЯ...

А мне не надо от тебя
Ни робких слов, ни обещаний.
А мне не надо от тебя
Ни редких встреч и ни прощаний.

ПРИПЕВ:

Наверно, выдумали мы
Весну, когда шумела вьюга.
Наверно, выдумали мы
От одиночества друг друга!

А мне не надо от тебя
Ни сожаленья, ни участия.
А мне не надо от тебя
Такой судьбы, такого счастья.

ПРИПЕВ.

А мне не надо от тебя
Любви, дарованной, как милость.
А мне не надо от тебя
Всего, что с нами не случилось.

ПРИПЕВ.

КРОССВОРД

Составила И. ХАЙБУЛЛИНА
Казань

По горизонтали:

- Стихотворение А. С. Пушкина.
- Зодиакальное созвездие.
- Украшение из перламутра, металла, дерева.
- Охотничья собака.
- Река, впадающая в Балтийское море.
- Приток Алдана.
- Плод южного древесного растения, орех.
- Крупная лесная птица.
- Точка пересечения трех высот треугольника.
- Отрезок прямой, ограничивающий геометрическую фигуру.
- Балетмейстер, народный артист СССР.
- Спутник планеты Уран.
- Камчатский бобр.
- Рассказ Л. Н. Толстого.
- Лозунг, изображение на прозрачном материале.
- Опера Д. Верди.
- Химический элемент, газ.

По вертикали:

- Международный договор.
- Морской порт в Якутии.
- Город в Свердловской области.
- Документ, удостоверяющий личность гражданина.
- Лесная птица.
- Южное плодородное дерево, кустарник.
- Форма подготовки научных кадров при вузах.
- Передача изображений на расстоянии.
- Итальянский живописец XVIII века.
- Прообраз героя романа М. Горького «Мать».
- День недели.
- Рассказ А. П. Чехова.
- Приток Амазонки.
- Плотная ткань.
- Помещение на судне для пассажиров.
- Социалистическое государство в Америке.
- Стадо крупного рогатого скота.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 16

По горизонтали:

- Антарктида.
- Подколесин.
- Оперетта.
- Индуктор.
- Бабирусса.
- Пихта.
- Стенд.
- Трест.
- Румба.
- «Океан».
- Парча.
- Катод.
- Серна.
- «Враги».
- Ярвет.
- Ламинария.
- Смоленск.
- Сказание.
- Перфоратор.
- Светогорск.

По вертикали:

- Катоптрика.
- Космогония.
- Проректор.
- Листрат.
- Гданьск.
- Флексатон.
- «Квартет».
- Амбра.
- Талас.
- «Тоска».
- Веста.
- Парфюмерия.
- «Пигмалион».
- «Гренада».
- Дарбанга.
- Спендиаров.
- Кассета.
- Синклер.

ГОЛУБОЙ КРАЙ

Красива марийская земля. Леса, раскинувшиеся по берегам Волги, тихие лесные реки и озера, обрамленные пушистыми елями, пронзительная синева глубокого неба волнуют душу художника. Здесь истоки той высоты, что достигла школа марийского пейзажа, воспитавшая подлинных мастеров этого жанра.

Традиции своеобразного и многожанрового изобразительного искусства народа мари широко известны, но особого расцвета художественная жизнь республики достигла в последние два десятилетия, после того как в

не новая. Но часто ли думаем мы об этом? Своими картинами возвращает нас к ней молодой художник Николай Токтаулов. С любовью пишет он родную деревню. И вместе с художником мы видим деревенскую улицу, освещенную предзакатными солнечными лучами, девушек и парней, отдыхающих после трудового дня, и как неотделимую часть этой жизни — поля и перелески за околицей, раскидистые деревья во дворах, нежную зелень молодой травы.

Николай Карпов, Юрий Желваков, Борис Пушков, Юрий Белков и многие

Ю. БЕЛКОВ.
ПОРТРЕТ ГОРНОМАРИЙКИ.

Б. ТАРЕЛКИН.
МАСТЕРСКАЯ
ВАСИЛИЯ ЕГОРОВА.

С. ПОДМАРЕВ.
ТЯГА.

1961 году был создан Союз художников Марийской АССР. Яснее определилась приверженность марийских художников к пейзажу. Именно в этом жанре наиболее полно раскрылся талант одного из старейших мастеров изобразительного искусства республики, Павла Горбунцова, основоположника марийской школы живописи. Светлым и радостным чувством проникнуты его картины. Недаром весна, прекрасное пробуждение природы, любовь к жизни всегда были его любимыми темами. «Весенний разлив в лесу». Стройные березы, еще не проснувшиеся от зимнего сна, и могучие ели отражаются в изумительно чистой воде, голубизной своей спорящей с небом, и, кажется, слышишь негромкое разноголосье оживающей природы.

Человек и природа едины — мысль

другие художники Марийской АССР в портретах современников показывают людей, умеющих радоваться и любить, работать и отдыхать. Художники не копируют бездумно действительность, но выражают свое миро-

А. БУТОВ.
МАРТ. ВЕЧЕРЕТ.

С. ПОДМАРЕВ.
В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ.

воззрение, свое отношение к жизни, строят произведения, исходя из понимания красоты своего народа, характеру которого свойственны спокойствие и задумчивость. Поэтический взгляд на мир и реалистический подход к творчеству ведут к развитию и обогащению марийского изобразительного искусства.

Галина ЖАРОВА

